

ДОКЛАД

№ 110 / 2025

Конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке: современное состояние и возможная динамика

Российский совет
по международным
делам

Василий Кузнецов
Луиза Хлебникова
Ибрагим Ибрагимов
Владимир Сажин
Анастасия Василенко

Николай Сухов
Сергей Серебров
Тимур Кадырмамбетов
Иван Бочаров
Андрей Кортунوف

РОССИЙСКИЙ СОВЕТ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ДЕЛАМ

МОСКВА 2025

УДК 327(5-011+61)
ББК 66.4(533)+66.4(61)
К65

Российский совет по международным делам

Авторы:

д-р полит. наук **В.А. Кузнецов**, канд. ист. наук. **Л.Р. Хлебникова**, **И.Э. Ибрагимов**, канд. ист. наук. **В.И. Сажин**,
А.И. Василенко, канд. ист. наук. **Н.В. Сухов**, канд. экон. наук. **С.Н. Серебров**, **Т.М. Кадырмамбетов**, **И.А. Бочаров**,
канд. ист. наук. **А.В. Кортунов**

Рецензент:

д-р. полит. наук **Л.М. Исаев**

Редакторская группа:

канд. ист. наук **С.М. Гаврилова** (ответственный редактор), **И.А. Бочаров**, **У.Д. Васярова**, **А.Д. Ефимова**,
В.Д. Князев, **Д.О. Растегаев** (выпускающий редактор)

К65 **Конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке: современное состояние и возможная динамика:** доклад № 110 / 2025 / [В.А. Кузнецов, Л.Р. Хлебникова, И.Э. Ибрагимов и др.; под ред. С.М. Гавриловой, И.А. Бочарова, Д.О. Растегаева и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2025. — 108 с. — Авт. и ред. указаны на обороте тит. л.

ISBN 978-5-6054794-0-6

Доклад посвящен изучению конфликтов в Ближневосточном регионе, анализу их причин, текущего состояния и возможной динамики. Авторы доклада рассмотрели палестино-израильский конфликт, противостояния Израиля с Ираном и «Хезболлой», сирийский, ливийский и йеменский кризисы, а также проблему Западной Сахары. В докладе исследуется политика внешних акторов и анализируется конфликтный потенциал региона.

Высказанные в докладе мнения отражают исключительно личные взгляды и исследовательские позиции авторов и могут не совпадать с точкой зрения Некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам».

Полный текст доклада опубликован на интернет-портале РСМД. Вы можете скачать его и оставить свой комментарий к материалу по прямой ссылке — russiancouncil.ru/report110

Содержание

Введение	4
Палестино-израильский конфликт	8
Конфликт между Израилем и «Хезболлой»	21
Ирано-израильский конфликт	31
Западносахарский конфликт	40
Сирийский конфликт	48
Йеменский кризис	58
Ливийский кризис	69
Подходы внешних акторов к конфликтам на Ближнем Востоке и в Северной Африке	77
Конфликтный потенциал Ближнего Востока и Северной Африки в контексте региональных тенденций	94
Об авторах	106

Введение

Кузнецов В.А. Ближний Восток на протяжении десятилетий остается одним из наиболее конфликтогенных регионов мира. Факторов, предопределяющих эту конфликтогенность, много. Среди них — ресурсные и демографические дисбалансы, специфика развития государственности, религиозно-идеологические противоречия, особенности формирования национальной идентичности, наличие серьезных социально-экономических и институциональных проблем, расположенность региона на пересечении глобальных коммуникационных путей, значимая роль внешних переменных в его развитии, относительно слабая выраженность регионального лидерства, значительное число негосударственных акторов, во многих случаях — ограниченный контроль центральных властей над применением легитимного насилия и т.д. Споры о том, какие из этих факторов более важны, а какие — менее, идут, наверное, столько же лет, сколько продолжаются сами конфликты.

Как представляется, в этих спорах можно выделить несколько основных подходов. Первый из них — энвайронменталистский. Он фокусируется на ресурсных дисбалансах — как между отдельными странами региона, так и внутри государств. Среди ярких примеров таких конфликтов — Дарфур, Сирия, Йемен. В первом случае речь шла о конфликте между скотоводческими и земледельческими племенами, в другом — о миграции населения в крупные города в результате многолетней засухи, в третьем — о проблеме доступа к источникам воды.

К энвайронменталистскому взгляду близко социально-экономическое прочтение конфликтности, предполагающее учет не столько тех или иных дефицитов физических ресурсов, сколько проблем с их распределением. В самом деле, дефицит воды или продовольствия становится важен не сам по себе, а в условиях, например, нарастающих демографических дисбалансов, приводящих на Ближнем Востоке к формированию «молодежного бугра», ускоренной урбанизации, разложению традиционных общественных структур, дисфункции социальных лифтов и т.п. Достаточно вспомнить в связи с этим события «арабского пробуждения», значительную роль в которых сыграло именно формирование массы безработной молодежи с высшим образованием.

В рамках социально-экономического объяснения конфликтности можно акцентировать внимание и на экономической составляющей. В этом плане стоит упомянуть относительную депривацию, влияние мирового финансового кризиса 2008 г. или продовольственной проблемы, ярко обозначившейся после 2022 г. Наконец, в целом ряде случаев катализатором конфликтности в последние годы становились обвинения властей в коррупции. Впрочем, можно заметить, что в отличие от глубинных социальных, демографических или ресурсных проблем сама по себе экономическая повестка дня, хоть и служит зачастую триггером протестной активности, все же не выступает основным источником крупных вооруженных противостояний.

Другие способы объяснения конфликтности связаны с факторами нематериальной жизни — прежде всего вопросами идентичности и культуры. Действительно, этноконфессиональная гетерогенность ближневосточных обществ, их сложное социальное устройство если и не становятся сами по себе причинами кровопролития, то все же способствуют тому, что уровень политического насилия становится особенно высоким, а его формы — более изощренными. Дискуссии о том, до какой степени религиозный или этнический факторы действительно лежат в основе палестино-израильского, западносахарского, ирано-израильского или сирийского конфликтов, а до какой степени они лишь инструментализируются теми или иными акторами, могут вестись бесконечно. Сложности этим дискуссиям добавляет сосуществование принципиально несводимых друг к другу нарративов и асимметрия их восприятия не только внешними игроками, но и самими участниками.

Наконец, нельзя забывать и про чисто политические и геополитические интерпретации конфликтности, связанные с противоборством различных элит внутри отдельных государств или с соперничеством между державами в регионе.

Существование всех этих (а также ряда других) объяснительных моделей и невозможность ни в одном из рассматриваемых в настоящем докладе случаев однозначно предпочесть одну из них всем прочим указывает на многофакторность современных конфликтов как важнейшую их характеристику, препятствующую эффективному урегулированию.

За последние годы к этому было приложено немало усилий. Достаточно вспомнить о многочисленных резолюциях различных органов ООН, о деятельности специальных представителей Генерального секретаря ООН, инициативах, выдвигавшихся как региональными, так и глобальными акторами, о многочисленных переговорных форматах и т.п. К сожалению, ни в одном из рассматриваемых в настоящем докладе случаев говорить об устойчивой эффективности какого-либо из этих действий не приходится. Наиболее успешными были шаги, предполагавшие элементы принуждения к миру и ту или иную форму вооруженного вмешательства. Так, российская военная кампания в Сирии привела к изменению ситуации на земле и позволила на десять лет продлить нахождение у власти действующего на тот момент правительства. Военные кампании против ИГИЛ* позволили уничтожить его как территориальное квазигосударственное образование в сиро-иракском регионе. Вмешательство Турции и дальнейшие международные договоренности привели к деэскалации в Ливии. Вместе с тем, ни в одном из этих случаев решить проблему полностью также не получилось — конвертации военного успеха в политический не происходило. Более того, в случаях с сектором Газа или Йеменом военное вмешательство не только не привело к урегулированию конфликтов, но и повлекло за собой их дальнейшую эскалацию. Все это, однако, не означает, что уровень конфликтности

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

на протяжении всех последних лет оставался неизменным. Напротив, она менялась, и довольно существенно.

В 2010-е гг. формировались новые зоны конфликтности — сирийская, ливийская и йеменская. Пройдя несколько этапов развития, к началу 2020-х гг. во всех трех случаях интенсивность противостояния снизилась. Свою роль в этом сыграли независимые от участников факторы: прежде всего пандемия *COVID-19*, переключение внимания мирового сообщества и глобальных держав на другие проблемы, достижение некоторых компромиссов между основными соперничающими региональными акторами. Не менее важными были стабилизация положения противоборствующих сторон в зонах конфликтов, очевидная усталость обществ от войн и возроставшие экономические издержки. Теоретически это создавало условия для дальнейшего урегулирования, однако обозначившаяся в это время неготовность инвестировать в него политические, человеческие и любые иные ресурсы со стороны как региональных, так и глобальных сил фактически затормозила этот процесс.

Одновременно, хотя и с разной интенсивностью, началась стремительная эскалация так называемых «старых» региональных конфликтов — западно-сахарского, палестино-, арабо- и ирано-израильского. В отличие от «новых» конфликтов, во всех трех случаях, представляющих собой интернационализированное гражданское противостояние, «старые» конфликты — это прежде всего конфликты международные, связанные как с вопросами сецессионизма и реализации права наций на самоопределение, так и с решением дилеммы безопасности отдельными региональными государствами.

При том, что конкретные формы противостояния здесь существенным образом отличались от новых конфликтов, никакого урегулирования, как и в новых конфликтах, не произошло, а те формально существовавшие его параметры, что были выработаны в предыдущие годы и, по крайней мере, обозначали общие рамки урегулирования, оказались поставлены под сомнение. С одной стороны, это создает возможность для формирования новых путей миростроительства, основанных на признании ситуации на земле. На этом строится как идея обращения к марокканскому плану автономизации Западной Сахары 2007 г., сегодня вновь оказавшаяся на столе, так и предложенный Дональдом Трампом план по сектору Газа. Проблема, однако, в том, что в обоих случаях конкретные механизмы имплементации договоренностей остаются не вполне ясными, а игнорирование интересов одной из сторон конфликта создает угрозу его возобновления в весьма недалеком будущем. Так, в случае с Палестиной не до конца понятными остаются модальности работы в ней Международных стабилизационных сил и так называемого Совета мира. Механизмы формирования, мандат, инструментарий, продолжительность действий этих структур, а также сами пути дальнейшего урегулирования конфликта остаются неопределенными. Вместе с тем очевидно, что такое урегулирование на основе международно признанного принципа двугосударственного решения будет реалистичным

только при условии объединения палестинских политических сил и укрепления палестинских институтов государственной власти, однако ни о том, ни о другом в достигнутых под эгидой США договоренностях пока что речь не идет. Схожая ситуация и с Западной Сахарой, где фронт ПОЛИСАРИО и его союзники на сегодняшний день не готовы признать идею автономизации. Каким образом будут решаться эти противоречия, остается неизвестным.

Наконец, в случае «Хезболлы» или Ирана и вовсе громкие победные реляции Израиля и США имеют довольно мало общего с реальностью. Да, действительно, Израиль и США смогли продемонстрировать значительные военно-технические возможности, однако они не сумели добиться уничтожения «Хезболлы» или смены политического режима в Иране. И если в случае с Ливаном можно наблюдать быстрый процесс восстановления шиитской военно-политической организации, то в случае с Ираном дело и вовсе обернулось консолидацией общества и власти.

Все сказанное выше означает, что в ближайшем будущем ожидать какого-либо устойчивого снижения конфликтности на Ближнем Востоке не приходится. Более того, сохранение традиции замораживания или «подмораживания» конфликтов без их реального урегулирования сегодня более чем когда-либо создает угрозы для будущего.

Исходя из этого, при подготовке доклада мы выстроили его структуру таким образом, чтобы отразить как разнообразие факторов, формирующих конфликтность региона, так и различия между «старыми» и «новыми» конфликтами. Вначале анализируются конфликты, существующие десятилетиями и продолжающие влиять на региональную безопасность; затем — более новые очаги противостояния, возникшие в 2010-е гг. и в определенной степени изменившие конфигурацию сил на Ближнем Востоке.

Влияние рассматриваемых конфликтов на региональную безопасность и расстановку сил на Ближнем Востоке и стало причиной подготовки настоящего доклада. Его авторы ставили перед собой задачу отразить актуальное состояние основных ближневосточных и североафриканских конфликтов на вторую половину 2025 г. В каждом из случаев описываются предпосылки современного состояния конфликта, его основные характеристики, расклад сил на внутреннем и внешнем контурах, механизмы урегулирования и тенденции развития. Кроме того, два последних раздела доклада посвящены подходам к ближневосточным конфликтам со стороны внерегиональных акторов и общим тенденциям конфликтной динамики в регионе.

Палестино–израильский конфликт

Хлебникова Л.Р. **Динамика конфликта (2023–2025 гг.)**

В октябре 2023 г. палестино–израильский конфликт вновь приковал внимание всего мира. В иудейский праздник Симхат Тора, 7 октября, палестинское исламистское движение ХАМАС совершило нападение на территорию Израиля. Палестинские боевики атаковали военные базы, кибуцы и близлежащие города, в результате чего было убито более 1,2 тыс. израильтян и иностранных граждан. 251 человека были взяты в плен и увезены в сектор Газа в качестве заложников¹.

Действия ХАМАС можно объяснить целым комплексом причин. Они включали в себя попытки вернуть «палестинскую проблему» в международную повестку, сорвать процесс нормализации арабо–израильских отношений и расширение «Соглашений Авраама» с присоединением к ним Саудовской Аравии, а также дополнительно изменить политический расклад в противостоянии с ФАТХ в свою пользу.

Операция ХАМАС, которая получила название «Потоп Аль–Аксы», была беспрецедентна по уровню подготовки и масштабу. Она началась с ракетных обстрелов, а затем продолжилась в виде сухопутных действий². Впервые в истории государства израильские спецслужбы и армия оказались до такой степени не готовы сначала предупредить, а позже и быстро отразить нападение. Израильские военные взяли под контроль ситуацию на юге страны вечером 7 октября. «Черный шаббат» стал самым смертоносным террористическим нападением на Израиль, что привело к формированию коллективной травмы израильтян. Д.А. Марьясис, известный исследователь Израиля, в своей книге выделил основные причины провала мер израильского руководства по защите собственного населения от нападения. К ним можно отнести: сложившуюся среди израильских военных концепцию восприятия ХАМАС как организации, неспособной проводить наземные военные операции; чрезмерную ставку израильтян на высокотехнологичные средства защиты; накопившиеся проблемы в разведывательном сообществе, противостояние между спецслужбами; израильскую беспечность³. Стоит добавить, что повышению уязвимости государства от внешних угроз накануне 7 октября способствовали политический кризис и общественный раскол в Израиле.

В этот же день, 7 октября, израильское правительство во главе с Биньямином Нетаньяху объявило о начале операции в секторе Газа⁴, которая получила название «Железные мечи». Ее целями были объявлены унич-

¹ The October 7 Massacre: Explained // The Israel Defense Forces. 06.10.2024.

URL: <https://www.idf.il/en/mini-sites/remembering-the-october-7-massacre/the-october-7-massacre-explained/>

² Report: New IDF assessment shows some 6,000 Gazans invaded Israel on Oct. 7 // The Times of Israel. 31.08.2024.

URL: <https://www.timesofisrael.com/report-new-idf-assessment-shows-some-6000-gazans-invaded-israel-on-oct-7/>

³ Марьясис Д.А. Хроника с открытым финалом: История палестино–израильского противостояния. М.: Альпина, 2025. С. 80–81.

⁴ В XXI в. Израиль провел ряд военных операций в секторе Газа: «Радуга в облаке» (2004); «Летние дожди» и «Осенние тучи» (2006); «Горячая зима» (2008); «Литой свинец» (2008–2009); «Облачный столп» (2012); «Нерушимая скала» (2014); «Черный пояс» (2019); «Страж стен» (2021); «Рассвет» (2022); «Щит и стрела» (2023).

тожение ХАМАС, освобождение заложников и обеспечение безопасности Израиля от угрозы из сектора Газа⁵. Цели расширились по ходу проведения военной операции: в 2024 г. к ним добавилось обеспечение возвращения переселенных израильских граждан северной части страны, которые были вынуждены покинуть дома после вовлечения «Хезболлы». Несмотря на объявленные цели, израильское руководство избегало называть конкретные сроки военной операции и не предоставляло четкий план послевоенного устройства сектора Газа — исключением были предложения министра обороны (2022–2024) Йоава Галанта и Биньямина Нетаньяху, выдвинутые в январе 2024 г., однако оба так и остались на бумаге⁶. Согласно плану премьер-министра, израильское государство должно было взять контроль над обеспечением безопасности в секторе Газа, его восстановлением занимались бы «приемлемые» для Израиля страны, а гражданское управление перешло бы «местным чиновникам с административным опытом» (Палестинская национальная администрация (ПНА) в плане не упоминалась). Предыдущий подход Израиля в отношении палестинского эксклава включал сохранение блокады территории совместно с Египтом и полный израильский контроль в вопросах снабжения электроэнергией и продуктами питания. Государство осуществляло стратегию сдерживания ХАМАС вкупе с «военными кампаниями между войнами», однако подход оказался малоэффективным, что привело к его жесткой критике внутри страны.

В рамках подготовки к проведению масштабной военной операции в Израиле началась мобилизация резервистов: было призвано 360 тыс. человек⁷. 27 октября 2023 г. Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ) вошла в сектор Газа. В результате интенсивных военных действий в эксклаве было уничтожено более 70% жилого фонда и инфраструктуры⁸. Население сектора Газа, составляющее почти 2 млн человек, столкнулось с насильственным переселением, распространились болезни и голод⁹.

Перемирие, достигнутое в январе 2025 г., было нарушено в марте, и военные действия продолжились¹⁰. В мае 2025 г. Израиль объявил о начале военной операции «Колесницы Гидеона», цель которой заключалась в окончательном уничтожении ХАМАС и установлении полного израильского контроля над эксклавом¹¹. В ответ палестинское движение стало проводить контроле-

⁵ Statement by Prime Minister Benjamin Netanyahu. Ministry of Foreign Affairs // Gov.il. 07.10.2023.
URL: <https://www.gov.il/en/pages/statement-by-pm-netanyahu-7-oct-2023>

⁶ Карасова Т.А., Хлебникова Л.Р. День после: подходы Израиля к военной операции в Газе // Пути к миру и безопасности. 2024. № 1 (66). С. 54-55.

⁷ Недостаточная оплата пособий резервистов (на ивр. הכיסוי החסר של תגמולי המילואים) // Calcalist. 04.02.2024.
URL: https://www.calcalist.co.il/local_news/article/syy07h2ct

⁸ Hasson N. New Satellite Data Shows: Gaza Devastation Scale Greater Than Estimated, at Least 70 Percent of Buildings Leveled // Haaretz. 17.07.2025. URL: <http://tiny.cc/83jq001>

⁹ Humanitarians report more deaths, displacement and desperation in Gaza // United Nations. 18.07.2025.
URL: <https://news.un.org/en/story/2025/07/1165437>

¹⁰ Sands L., Bisset V., Rubin S. Israel broke its ceasefire with Hamas in Gaza. What happened? // The Washington Post. 18.03.2025. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2025/03/18/israel-gaza-war-ceasefire-deal-bombardment/>

¹¹ «Требование ясно: разгром противника и уничтожение его инфраструктуры везде, где мы действуем» (на ивр. הדרישה ברורה - הכרעת האויב והשמדת התשתיות בכל מקום בו נפעל) // The Israel Defense Forces. 18.08.2025.
URL: <http://tiny.cc/63jq001>

рацию «Камень Давида»¹². В августе 2025 г. Израиль объявил о новой военной операции «Колесницы Гидеона — 2», которая предусматривала наступление на город Газа и «захват» (термин «оккупация» не использовался в окончательной версии плана правительства) всего сектора¹³. На этом фоне над достижением нового перемирия и прекращения военных действий работали региональные посредники, прежде всего Египет и Катар. Не менее активна в посреднических усилиях была и американская администрация в лице спецпосланника США по Ближнему Востоку Стивена Уиткоффа.

В начале октября 2025 г. была заключена сделка о прекращении огня и возвращении израильских заложников, основанная на «плане Трампа»¹⁴. 9 октября 2025 г. соглашение было подписано при посредничестве США, Египта, Катара и Турции в Шарм-эш-Шейхе, но без прямого участия Израйля и ХАМАС в церемонии.

«План Трампа» состоял из 20 пунктов и предусматривал следующие основные меры:

- превращение Газы в территорию, свободную от радикализма и террора;
- освобождение ХАМАС живых заложников и передача тел погибших израильской стороне;
- «освобождение 250 заключенных пожизненно», содержащихся в израильских тюрьмах, и «1,7 тыс. жителей Газы, задержанных после 7 октября 2023 г.»;
- предоставление гуманитарной помощи жителям сектора;
- передача управления Газой временному переходному правительству в лице «технократического, аполитичного палестинского комитета» с последующим трансфером власти Совету мира под руководством Дональда Трампа до проведения реформ в ПНА;
- создание Международных стабилизационных сил (МСС) с участием США, арабских и международных партнеров, которые будут обеспечивать безопасность совместно «с палестинской полицией» и т.п.

В плане особо подчеркивалось, что «никто не будет заставлен покинуть Газу», при этом ЦАХАЛ должен передать контроль над территорией МСС, а «Израиль не будет оккупировать или аннексировать Газу». В целом данный план содержит довольно расплывчатые формулировки, оставляющие большой простор для их интерпретации, а сроки его реализации точно не обозначены. В нем нет ссылок на нормы международного права, в том числе на релевантные резолюции Совета Безопасности ООН. В большей степени прописанные в плане требования касаются палестинской стороны,

¹² «Stones of David»: Third Operation Broadcast as Resistance Escalates Attacks // The Palestine Chronicle. 30.05.2025.
URL: <https://www.palestinechronicle.com/stones-of-david-third-operation-broadcast-as-resistance-forces-escalate-attacks/>

¹³ Премьер-министр: «Мы в кабинете министров установили пять принципов для прекращения войны» (на ивр. שר הממשלה: "קבענו בקבינט חמישה עקרונות לסיום המלחמה") // Prime Minister's Office. 14.08.2025.
URL: <https://www.gov.il/he/pages/spoke-statement140825>

¹⁴ Here Is the Full Text of the Gaza Plan Released by the White House // The New York Times. 29.09.2025.
URL: <https://www.nytimes.com/2025/09/29/world/middleeast/gaza-israel-cease-fire-plan-text.html>

а не израильской. Например, «надежный путь к палестинскому самоопределению и государственности» обуславливается восстановлением Газы и реформами, которые должна провести ПНА. Решение вопросов, связанных с будущим Газы, передается сторонним акторам, а не самим палестинским представителям, что де-факто похоже на введение внешнего управления сектором. Совет Безопасности ООН одобрил данный план в ноябре 2025 г., приняв резолюцию № 2803, при этом РФ и КНР воздержались во время голосования и не использовали свое право вето¹⁵.

К началу декабря 2025 г. ХАМАС передал всех живых заложников и все тела погибших (кроме одного) израильской стороне в обмен на освобождение палестинских заключенных, а территория Газы была разделена на два сектора, один из которых (53% территории) продолжил контролировать ЦАХАЛ, а второй — силы ХАМАС¹⁶. Несмотря на практически полную реализацию первой части «плана Трампа», боевые действия продолжаются в эксклаве, а конфликтный потенциал отнюдь не исчерпан.

Сведения о потерях в секторе Газа поступают практически исключительно из источников, контролируемых ХАМАС. Так, по этим оценкам, с октября 2023 г. по начало ноября 2025 г. в результате военных действий в эксклаве погибло более 69 тыс. палестинцев, включая мирных жителей и боевиков движения¹⁷. Эти данные оспариваются Израилем, который, в свою очередь, не допускает проведения независимого расследования для оценки гуманитарной ситуации. Оценки числа погибших — предмет информационной войны между обеими сторонами конфликта.

Трагедия 7 октября и последующие израильские военные действия в секторе Газа спровоцировали острую международную реакцию. Большинство начавшихся демонстраций и протестов в мире имели антиизраильскую направленность¹⁸. Палестино-израильский конфликт в большей степени, чем другие, привлекает общественное внимание и вызывает острую эмоциональную реакцию в мире из-за того, что он напрямую связан с вопросами индивидуальной или коллективной идентичности разных социальных групп. В ряде стран, в том числе в США, Великобритании и Франции, дискурс вокруг палестино-израильского конфликта стал проекцией внутренних проблем и превратился в фактор дальнейшего раскола обществ. Пропалестинские и произраильские протестующие в ряде стран радикализировались, что привело к применению насилия и резкому росту как антисемитизма, так и исламофобии¹⁹.

¹⁵ UN Security Council authorizes temporary international force for Gaza // UN News. 17.11.2025.
URL: <http://tiny.cc/pf4w001>

¹⁶ Cornwell A. Israel's Netanyahu to discuss second phase of Gaza plan with Trump later this month // Reuters. 07.12.2025.
URL: <http://tiny.cc/4g4w001>

¹⁷ Shurafa W., Aljaoud S.A., Frankel J. Gaza death toll tops 69,000 as Israel and militants again exchange remains // The Associated Press. 09.11.2025. URL: <http://tiny.cc/8h4w001>

¹⁸ Protests For and Against Israel Around the World // The Institute for National Security Studies. 16.08.2024.
URL: <https://www.inss.org.il/publication/protests/>

¹⁹ Antisemitism Eases After War, Yet Remains Alarmingly High // Tel Aviv University. 21.04.2025.
URL: <https://english.tau.ac.il/news/antisemitism-report-2025>

Международная критика несильно отражается на политике Израиля, но влияет на имидж государства и его позиции на международной арене, в том числе и на шансы дальнейшей арабо-израильской нормализации²⁰. Обвинения в сторону Израиля от ряда международных, правительственных и неправительственных организаций, в том числе и израильских, содержат широкий спектр оценок: от чрезмерного применения силы и военных преступлений до совершения акта геноцида²¹. Израильское правительство отвергает любые подобные заявления, ссылаясь на предупреждения гражданского населения перед началом наступательных боев, а также подчеркивает, что действует в рамках международного гуманитарного права и ведет борьбу с терроризмом.

Основные характеристики конфликта

Палестино-израильское противостояние можно отнести к долговременным неурегулированным этнополитическим и территориальным конфликтам. Его часто характеризуют как «бесконечную войну», которая включает в себя различные фазы интенсивности, однако не имеет конца. Этот конфликт также является асимметричным: на одной стороне находится Государство Израиль, обладающее высоким военным потенциалом и развитой экономикой, а на другой — Палестина — квазигосударственное формирование, существующее на разделенной территории без единой власти. В секторе Газа правит ХАМАС, а на части Западного берега р. Иордан — ПНА. Ряд исследователей считают, что данный конфликт можно отнести к «новым войнам», в которых помимо прочего нет победителя, т.к. такие концепты, как «победа», «война», «террор» становятся источником различных интерпретаций²².

Израильский социолог Даниэль Бар-Таль выделяет несколько важных аспектов, свойственных конфликту. К ним можно отнести: убежденность обеих сторон в справедливости их целей; чувство личной незащищенности и важность национального выживания; расчеловечивание и делегитимизация другого; приписывание положительных черт и ценностей собственному сообществу; восприятие себя как жертвы конфликта; патриотизм — привязанность к стране и обществу и др.²³ Не менее важную роль в конфликте играет историческая память израильтян и палестинцев: для евреев основной коллективной травмой стал Шоа (Холокост), а для палестинцев — Накба (Катастрофа). Обе стороны поддерживают в своих обществах укоренившиеся нарративы, которые лишь подтверждают их восприятие конфликта и

²⁰ Robbins M., Jamal A. Hidden Force in the Middle East // Foreign Affairs. 12.06.2025. URL: <https://www.foreignaffairs.com/israel/hidden-force-middle-east>

²¹ Our Genocide // B'Tselem. URL: https://www.btselem.org/publications/202507_our_genocide; End unfolding genocide or watch it end life in Gaza: UN experts say States face defining choice // United Nations of Human Rights. The Office of the High Commissioner. 07.05.2025. URL: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2025/05/end-unfolding-genocide-or-watch-it-end-life-gaza-un-experts-say-states-face>

²² Ben-Eliezer U. *Old Conflict, New War: Israel's Politics toward the Palestinians*. New York: Palgrave Macmillan. 2012. P. 8-10.

²³ Bar-Tal D. Daniel Bar-Tal, on the Israeli-Palestinian conflict, before and after October 7, 2023: In conversation with James Liu and Veronica Hopner // Political Psychology. 28.10.2024. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/pops.13055>

полностью исключают другую сторону. Подобная ситуация усложняет проведение мирного процесса.

Основные препятствия для урегулирования палестино-израильского конфликта и позиции ключевых сторон

Проблема территорий и границ

Статус Западного берега р. Иордан и сектора Газа постоянно менялся, т.к. в прошлом они находились под управлением различных государств. После Шестидневной войны 1967 г. израильское руководство военным путем захватило данные территории, но не реализовало план по их аннексии, за исключением Восточного Иерусалима. Верховный суд Израиля признал факт временной военной оккупации Западного берега израильской стороной, однако руководство страны предпочитало термин «спорная территория», подразумевая, что ее статус будет определен на заключительном этапе переговоров. В рамках Осло-Вашингтонского процесса Западный берег р. Иордан был разделен на три зоны с различным распределением гражданского и военного контроля между ПНА и Израилем, однако созданная архитектура постепенно теряла свое значение. Это началось во время Второй палестинской интифады в 2000-х гг., когда израильская армия стала свободно входить в разные сектора с целью обеспечения безопасности. Также в данный период началось строительство «стены безопасности», отделяющей Израиль от Западного берега, причем эта стена в некоторых местах заходит на территорию, подконтрольную ПНА. В 2010-х — начале 2020-х гг. правительство Биньямина Нетаньяху усиливало контроль над данной территорией и продвигало поселенческую политику.

Для Израиля Западный берег р. Иордан, т.е. округ Иудея и Самария, имеет важное значение не только с точки зрения безопасности, но и по идеологическим соображениям, так как последователи ревизионистского и религиозного сионизма воспринимают ее как часть Великого Израиля. В 2025 г. Кнессет проголосовал за резолюцию, по которой данная территория признавалась частью Земли Израиля, т.е. был зафиксирован факт распространения на нее израильского суверенитета²⁴. Данный шаг стал символическим жестом и продемонстрировал активное противодействие политического истеблишмента Израиля созданию палестинского государства.

ПНА выступает за то, что Государство Палестина должно быть расположено на Западном берегу р. Иордан и на территории сектора Газа в границах 1967 г. с возможностью обмена территориями²⁵. В свою очередь, ХАМАС выступает за то, чтобы Государство Палестина располагалось на всей тер-

²⁴ Большинство голосов в 71 депутата Кнессета: Пленум Кнессета проголосовал за декларацию, призывающую к применению суверенитета в Иудее и Самарии, а также в долине реки Иордан | Спикер Кнессета, депутат Кнессета Амир Охана: «Это историческая декларация. Мы здесь, чтобы остаться, и Кнессет принял это решение подавляющим большинством голосов» (на ивр. ברוב של 71 חברי כנסת: מליאת הכנסת הצביעה בעד הצהרה הקוראת להחיל ריבונות. והכנסת אמרה זאת ברוב ביחודה ושומרון ובבקעת הירדן | יו"ר הכנסת, ח"כ אמיר אוחנה: "זו הצהרה היסטורית. אנו כאן כדי להישאר", והכנסת אמרה זאת ברוב גדול") // Knesset. 23.07.2025. URL: <https://main.knesset.gov.il/news/pressreleases/pages/press23072025v.aspx>

²⁵ International Law and Palestinian Position // State of Palestine. Ministry of Foreign Affairs and Expatriates. 27.01.2019. URL: <https://www.mofa.pna.ps/en-us/mediaoffice/international-law-and-palestinian-position>

ритории бывшей Подмандатной Палестины. При этом позиции ХАМАС по отношению к Израилю претерпевали изменения, что отражается в хартиях организации, например, в документе 2017 г. есть призыв создать Государство Палестина в границах до 5 июня 1967 г., т.е. на территории сектора Газа и Западного берега р. Иордан²⁶. Еще ранее в 2007 г. тогдашний лидер ХАМАС Халед Машаль дал интервью, в котором допустил существование Израиля²⁷. Все это свидетельствует о временном смягчении позиций ХАМАС в отношении еврейского государства.

Проблема поселенческой активности Израйля

Строительство израильских поселений на Западном берегу р. Иордан — часть политики Государства Израиль, которую оно начало поэтапно проводить после Шестидневной войны с целью сохранения контроля. Международное сообщество, в том числе ООН и ЕС, считает строительство израильских поселений на оккупированных палестинских территориях нарушением международного права, в частности Четвертой Женевской конвенции²⁸.

На Западном берегу р. Иордан, за «зеленой линией», сейчас живет более 500 тыс. израильских поселенцев²⁹. Они граждане Израйля, и на них распространяются израильские законы даже при том, что территория не была аннексирована. Израильская поселенческая политика способствует созданию «фактов на земле», тем самым продвигая «ползучую аннексию», которая снижает шансы на создание палестинского государства. ПНА выступает против нелегальной оккупации Израилем палестинской территории и его поселенческой политики, а также эксплуатации природных ресурсов. ХАМАС также выступает против нелегальной оккупации и «иудаизации» Палестины Израилем.

Проблема Иерусалима и его статуса

Многие государства выступают с позицией, что окончательный статус Иерусалима должен быть установлен в рамках палестино-израильских переговоров. Большинство стран мира, имеющих дипломатические отношения с Израилем, оставляют свои посольства в Тель-Авиве. Россия считает Западный Иерусалим столицей Израйля, а Восточный Иерусалим — Государства Палестина³⁰. В 2017 г. США признали Иерусалим столицей Израйля и перенесли туда посольство из Тель-Авива.

²⁶ Hamas Covenant 1988 // The Avalon Project. Yale Law School.

URL: https://avalon.law.yale.edu/21st_century/hamas.asp;

Hamas. A Document of General Principles and Policies // Internet Archive. May 2017.

URL: <https://archive.org/details/hamas-charter-2017/Hamas%20Charter%20%282017%29>

²⁷ Reuters. Q&A with Hamas leader Khaled Meshaal // Reuters. 10.08.2007. URL: <http://tiny.cc/t3jq001>

²⁸ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // ООН.

URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_33.shtml

²⁹ West Bank settler population grew by nearly 3% in 2023 — report // The Times of Israel. 12.02.2024.

URL: <https://www.timesofisrael.com/west-bank-settler-population-grew-by-nearly-3-in-2023-report/>

³⁰ О позиции России по ближневосточному урегулированию // МИД России.

URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/krizisnoe-uregulirovanie-regional-nye-konflikty/o-pozicii-rossii-po-bliznevostocnomu-uregulirovaniu/

Согласно израильским законам, единый и неделимый Иерусалим — это столица Государства Израиль. В Восточном Иерусалиме, который считается местом проживания палестинских арабов, не имеющих гражданства и обладающих лишь статусом резидента, живет примерно 240 тыс. израильских поселенцев³¹.

ПНА считает, что столица Государства Палестина — это Восточный Иерусалим, но она также рассматривает опцию, что Иерусалим может быть столицей обоих государств. Позиция ХАМАС заключается в том, что единый и неделимый Иерусалим — это столица Государства Палестина.

Проблема возвращения палестинских беженцев

Израиль утверждает, что он не несет ответственность за возникновение проблемы палестинских беженцев и категорически отвергает возможность их возвращения. Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР) оказывает помощь 5,9 млн человек³². Израиль давно критикует БАПОР, и с 2025 г. его деятельность запрещена на территории государства.

ПНА поддерживает резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН № 194³³ о возвращении палестинских беженцев, при этом указывает, что беженцы могут выбрать возвращение в будущее Государство Палестина или интеграцию в сообщество третьих стран. ПНА настаивает на том, что Израиль должен взять на себя ответственность за возникновение проблемы беженцев, вернуть им собственность или выплатить компенсации. Позиция ХАМАС состоит в том, что палестинские беженцы должны иметь право вернуться в Палестину.

Социально–политическая динамика в Израиле после 7 октября 2023 г.

В политической и военной элите Израиля закрепилось восприятие военной кампании в секторе Газа как легитимного права на самооборону. Биньямин Нетаньяху не взял на себя ответственность за провал мер по защите населения во время «черного шаббата», хотя так поступили начальник генерального штаба ЦАХАЛ и министр обороны Израиля³⁴. Премьер-министр всячески пытался отсрочить начало работы государственной комиссии по

³¹ Yaniv O., Haddad N., Assaf-Shapira Y. Jerusalem: Facts and Trends 2023 The State of the City and Changing Trends // The Jerusalem Institute for Policy Research. 2023. URL: <http://tiny.cc/e3jq001>

³² Palestine Refugees // UNRWA. URL: <https://www.unrwa.org/palestine-refugees>

³³ Peaceful settlement of the question of Palestine. Report of the Secretary-General // UN. 24.08.2016. URL: https://untso.unmissions.org/sites/default/files/peaceful_settlement_of_the_question_of_palestine.pdf

³⁴ Freiberg N. In English-language video, Netanyahu absolves himself of any blame for Oct. 7 attack // The Times of Israel. 15.07.2025. URL: <https://www.timesofisrael.com/in-english-language-video-netanyahu-absolves-himself-of-any-blame-for-oct-7-attack/>;

Fabian E. Gallant takes responsibility for failure to stop terror onslaught on southern Israel // The Times of Israel. 19.10.2023. URL: https://www.timesofisrael.com/liveblog_entry/gallant-takes-responsibility-for-failure-to-stop-terror-onslaught-on-southern-israel/;

Fabian E. Taking responsibility for Oct. 7 failures, IDF chief and head of Southern Command resign // the Times of Israel. 21.01.2025. URL: <https://www.timesofisrael.com/taking-responsibility-for-oct-7-failures-idf-chief-and-head-of-southern-command-resign/>

расследованию событий 7 октября 2023 г., которая должна была выяснить, почему правительство пренебрегло предупреждениями о готовящейся атаке. Более того, Биньямин Нетаньяху продолжает находиться под следствием. Усиление силового фактора во внешней политике, в том числе в рамках войны в секторе Газа, служит политическим и личным интересам израильского премьер-министра, который обеспокоен своим политическим выживанием и наследием.

Официальная позиция Израиля относительно будущего сектора Газа заключается в том, что он не стремится оккупировать эту территорию или навсегда переселить ее гражданское население. Однако министры часто высказывают противоположные мнения. Например, министр национальной безопасности Итамар Бен-Гвир и министр финансов Бецалель Смотрич выступают за возвращение еврейских поселений в сектор Газа и, по возможности, перемещение арабского населения в другие места³⁵. Правительственная коалиция считается самой правой и самой религиозной за всю историю страны. Участники стремятся сохранить ее, несмотря на все имеющееся противоречия. Ее развал приведет к досрочным выборам, и возрастет риск того, что не все смогут занять высокие позиции и войти в новую коалицию.

Ряд бывших израильских политиков, дипломатов и даже военных стали открыто критиковать не просто правительство, но и саму военную кампанию в секторе Газа. Например, бывший премьер-министр Израиля Эхуд Ольмерт назвал израильские действия в эксклаве военными преступлениями³⁶. Лидер партии «Демократы» Яир Голан осудил убийства детей в секторе Газа³⁷. Израильская оппозиция остается раздробленной: у нее нет единой стратегии и проработанных альтернативных предложений на замену того, что предлагает Биньямин Нетаньяху. Война в секторе Газа не привела к росту популярности левых и поддержке мирных инициатив, что произошло не только из-за нападения ХАМАС 7 октября 2023 г., но и вследствие того, что израильское общество с 2000-х гг. стало более право-ориентированным.

Большинство израильтян поддерживают проведение военной операции в секторе Газа как право на самооборону и способ освобождения заложников. Согласно данным Израильского института демократии и Института исследований национальной безопасности, большинство израильских опрошенных доверяет ЦАХАЛ, но не доверяет правительству³⁸. Уже в начале 2010-х гг. в израильском обществе стало падать доверие к политическим институтам, в частности правительству и Кнессету³⁹.

³⁵ Reuters. Israeli ministers join ultranationalist conference urging Gaza resettlement // Reuters. 29.01.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israeli-ministers-join-ultranationalist-conference-urging-gaza-resettlement-2024-01-29/>

³⁶ Olmert E. Enough Is Enough. Israel Is Committing War Crimes // Haaretz. 27.05.2025. URL: <http://tiny.cc/h3jq001>

³⁷ Sokol S. Yair Golan says his charge that Israel 'killing babies as a hobby' was criticism of 'failed' government, not IDF // The Times of Israel. 20.05.2025. URL: <http://tiny.cc/h3jq001>

³⁸ Deitch M., Gittleman I.S., Gitlin A. and etc. Swords of Iron Survey Results - May 2025 // The Institute for National Security Studies. 05.06.2025. URL: <https://www.inss.org.il/publication/survey-may-2025/>

³⁹ Хлебникова Л.Р. Основные внутривнутриполитические тенденции в Государстве Израиль / Кортунюв А.В., Кузнецов В.А., Яковлев А.И. и др. Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад РСМД № 91 / 2023. М.: НП РСМД, 2023. С. 54.

Эти же опросы показывают, что израильтяне слабо верят в достижение объявленных целей войны. В Израиле не ослабевали протесты, в центре которых — семьи и близкие заложников, удерживаемых в секторе Газа. Они требовали от правительства незамедлительных действий по их освобождению. Опросы показывают, что еврейская часть израильского общества не проявляет интереса к гуманитарной ситуации в секторе Газа⁴⁰. Трагедия 7 октября 2023 г. и пропаганда со стороны власти усилили милитаризацию части израильского общества, что влияет на восприятие населением палестинцев и конфликта. При этом некоторые движения, такие как «Борцы за мир», «Женщины борются за мир», «Черный флаг», организуют протесты против войны и собирают подписи с осуждением действий Израиля в секторе Газа⁴¹.

Израильское общество продолжает оставаться расколотым: ему свойственна высокая степень поляризации и фрагментации. Разногласия существуют по различным вопросам: не только по палестино-израильскому конфликту, но и по перспективам развития государства. Важно и то, что нынешний политический и социальный кризис в Израиле происходит не только из-за палестино-израильского конфликта. При снижении его интенсивности внутренние противоречия выйдут на передний план, однако отношения между евреями и арабами внутри страны улучшатся.

Социально–политическая динамика на палестинских территориях после 7 октября 2023 г.

Палестинскую политическую сцену продолжают характеризовать отсутствие единства и сохраняющиеся межпалестинские противоречия, в основном между ФАТХ и ХАМАС. Существуют и другие акторы («Исламский джихад в Палестине», «Народный фронт освобождения Палестины»), но они не имеют значимого политического веса. Ряд государств, в том числе Россия, КНР, Алжир, прилагают дипломатические усилия по урегулированию межпалестинских противоречий. Палестинские опросы общественного мнения показывали, что ФАТХ уже давно теряет поддержку среди палестинцев, особенно на Западном берегу р. Иордан⁴². В то же самое время ХАМАС теряет поддержку в секторе Газа⁴³.

⁴⁰ Хлебникова Л.П. Основные внутривнутриполитические тенденции в Государстве Израиль / Кортунов А.В., Кузнецов В.А., Яковлев А.И. и др. Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика: доклад РСМД № 91 / 2023. М.: НП РСМД, 2023. С. 54.

⁴¹ Wishnitzer A. Black Flag: An Urgent Call to the Heads of Academia in Israel, signed by more than 1400 Israeli academics // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/391987486_Black_Flag_An_Urgent_Call_to_the_Heads_of_Academia_in_Israel_signed_by_more_than_1400_Israeli_academics;

Brauto-Bahat Y. Don't give up on peace, or on us - opinion // The Jerusalem Post. 26.05.2025.

URL: <https://www.jpost.com/opinion/article-858922>;

Margulies J. Despite war and threats, Israeli and Palestinian peace activists stay committed to dialogue // The Jerusalem Post. 28.04.2025. URL: <https://www.jpost.com/arab-israeli-conflict/article-851832>

⁴² Press Release: Public Opinion Poll No (95) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. 06.05.2025. URL: <https://www.pcpsr.org/en/node/997>

⁴³ Jamal A., Robbins M. What Palestinians Really Think of Hamas // Arab Barometer. 25.10.2023. URL: <https://www.arabbarometer.org/media-news/what-palestinians-really-think-of-hamas/>

Для палестинской стороны характерен глубокий кризис управления. Махмуд Аббас долгое время был одним из самых непопулярных политиков среди палестинцев: его обвиняли в отсутствии реформ и слабости перед Израилем⁴⁴. Его основной целью было достижение признания Палестины на международной арене, и он начал делать ставку на односторонние шаги в отсутствие подвижек в переговорах с Израилем. В 2025 г. преемником Махмуда Аббаса стал умеренный политик, первый вице-президент Палестины Хусейн аш-Шейх, однако шансы на то, что он сможет провести необходимые реформы и «завоевать сердца и умы» палестинцев, малы. Приемлемой фигурой для лидерства среди жителей палестинских территорий давно считается Марван Баргути, который был заключен в израильскую тюрьму за терроризм. Другие варианты, на которые указывают палестинцы в опросах — это представитель ХАМАС Халед Машаль и Мохаммед Дахлан, бывший член ФАТХ, живущий в изгнании в ОАЭ⁴⁵.

Палестинское общество, которое кажется более гомогенным в этнокультурном плане, чем израильское, тоже разделено — как по линиям кланово-племенной структуры, социально-экономическому положению, так и по политическим предпочтениям и другим убеждениям. Палестинские арабы территориально разделены и проживают на Западном берегу р. Иордан, в секторе Газа и Восточном Иерусалиме. В каждой из частей палестинское общество имеет разный статус и занимает разное положение. Так, например, палестинские арабы, живущие в Израиле в пределах «зеленой линии», являются его гражданами. В целом палестинцы, живущие на палестинских территориях и в соседних арабских странах, очень зависимы от гуманитарной помощи, так как часть из них продолжает жить в лагерях для беженцев. Худшее социально-экономическое положение всегда было у жителей сектора Газа, поскольку они находились под блокадой со стороны Израиля и Египта, а также под полным контролем ХАМАС, который управлял ситуацией изнутри и использовал репрессии против несогласных с его политикой.

После начала военной операции Израиля в секторе Газа палестинцы на Западном берегу р. Иордан стали опасаться распространения военных действий на их территорию, что может еще больше усугубить их положение⁴⁶. Однако ситуация там уже стала хуже из-за последствий контртеррористических операций Израиля, роста насилия со стороны израильских поселенцев и экономических последствий конфликта. На израильских поселенцев же обострение палестино-израильского противостояния не влияет так негативно: их защищает израильская армия. Неудивительно, что среди палестинцев растет уверенность в эффективности создания вооруженных групп

⁴⁴ Public Opinion Poll No (93) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. 17.09.2024.
URL: https://www.pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2093%20English%20press%20release%2017_Sept2024.pdf

⁴⁵ Press Release: Public Opinion Poll No (95) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. 06.05.2025.
URL: <https://pcpsr.org/en/node/997>

⁴⁶ Public Opinion Poll No (93) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. 17.09.2024.
URL: https://www.pcpsr.org/sites/default/files/Poll%2093%20English%20press%20release%2017_Sept2024.pdf

для противодействия поселенцам⁴⁷. Любые изменения в вопросе статуса данной территории, например, подвижки в сторону формальной израильской аннексии, угрожают дальнейшим ухудшением положения палестинцев.

Существующие принципы урегулирования палестино–израильского конфликта

После Осло-Вашингтонского процесса палестино-израильское мирное урегулирование зашло в тупик. Обе стороны стали терять веру в достижение мира, что привело к радикализации их позиций.

Несмотря на продолжающиеся активные попытки привести Израиль и Палестину к миру, они все не увенчались успехом. Основным медиатором и спонсором мирного процесса оставались США, но в начале 2020-х гг. стало укрепляться понимание, что Вашингтон уже не может быть единственным посредником в мирном процессе и необходимо искать новые форматы и подходы к урегулированию. В израильском обществе сохраняется высокое доверие к США, поскольку они учитывают фактор безопасности для израильской стороны. Палестинцы отдают предпочтение разным акторам, в частности, Китаю или России, но есть понимание, что лишь Вашингтон способен оказать влияние на Израиль.

Модели урегулирования палестино–израильского конфликта

К сильным сторонам принципа «два государства для двух народов» можно отнести то, что он способствует реализации права на самоопределение обеих сторон конфликта, поддерживается большинством игроков региона, включая Израиль и ПНА, а также одобряется международным сообществом, в том числе США, РФ, КНР и др. К слабым сторонам можно отнести то, что создание палестинского государства на единой территории невозможно из-за сложившейся на земле реальности. Кроме того, отсутствие политического единства среди палестинских сил ослабляет шансы на создание общепалестинской власти с развитой политической структурой. Израиль также не будет готов предоставить полный суверенитет Государству Палестина. Формально Израиль остается верен данному принципу, однако в 2024 г. Кнессет проголосовал против создания палестинского государства.

Принцип «одно государство для двух народов» в большей степени отражает реальность на земле, особенно на Западном берегу р. Иордан. Среди молодых палестинцев на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме растет интерес к данной формуле, в рамках которой они смогут бороться за равные права. Однако его реализация проигнорирует право палестинского народа на самоопределение и создание собственного государства. Он также не имеет широкой поддержки среди израильтян, особенно евреев. К тому же, это не решит проблему насилия между сторонами, если права палестинцев будут и дальше попираяться, и при развитии этого сценария данный

⁴⁷ Press Release: Public Opinion Poll No (95) // Palestinian Center for Policy and Survey Research. 06.05.2025.
URL: <https://www.pcpsr.org/en/node/997>

принцип лишь усилит риск окончательного превращения Израиля в государство апартеида с несколькими палестинскими «бантустанами».

Наконец, потенциальное создание палестино-израильской конфедерации на основе принципа «одно государство для двух народов» находит поддержку среди ряда бывших израильских и палестинских переговорщиков, интеллектуалов и активистов. При этом такое решение вряд ли будет поддержано правительством Израиля, так как будет способствовать потере еврейского характера государства. Сам формат конфедерации сложно организовать при таком разном развитии политических и иных институтов.

Выводы

Палестино-израильский конфликт остается одним из самых длительных и плохо поддающихся урегулированию вооруженных противостояний. Его отличают взаимоисключающие позиции и интересы сторон, их асимметричность и разный политический, экономический и военный потенциал. У обеих сторон представления о центральных вопросах урегулирования конфликта (проблема территории и границ, столицы и др.) менялись и продолжают меняться. Важным отличительным признаком также представляется доминирование в обоих обществах укоренившихся нарративов и, вследствие этого, высокий уровень насилия между сторонами. Другая черта — это особое территориальное расположение конфликта на пространстве, важном для иудаизма, ислама, христианства и других религиозных течений, представленных в регионе. Существенным представляется и колоссальное внимание всего мира к нему, особенно в периоды эскалации. Палестино-израильский конфликт, как и любые другие, подвержен внешнему влиянию, но и сам он может оказывать воздействие на разные страны и регионы, провоцируя социальную турбулентность внутри государств. Этот виток насилия носит трансформационный характер прежде всего для самих участников конфликта. Атака ХАМАС против Израиля 7 октября 2023 г. и израильская военная операция в секторе Газа окончательно подвели черту под формальными и неформальными итогами Осло-Вашингтонского процесса. Оба общества глубоко травмированы событиями последних лет конфликта. С одной стороны, это усиливает некоторые внутривосточные тенденции, например, распространение правых взглядов у израильтян и поддержку вооруженного сопротивления среди палестинцев. С другой стороны, коллективные травмы делают израильтян и палестинцев еще более уязвимыми для политического манипулирования со стороны сил, находящихся у власти. Перспективы урегулирования конфликта кажутся весьма отдаленными, однако сохранение высокого уровня конфликтности и возвращение статуса-кво могут стать еще более дорогостоящими как для обеих сторон конфликта, так и для всего мира.

Конфликт между Израилем и «Хезболлой»

После окончания войны 2006 г. между Израилем и ливанским движением «Хезболла» на протяжении почти 17 лет на ливано-израильской границе сохранялось относительное спокойствие, поддерживаемое миссией ООН (ЮНИФИЛ). Однако фундаментальные причины конфликта остались неурегулированными: «Хезболла» не разоружалась, а Израиль наращивал оборонительные возможности. Регулярно происходили приграничные инциденты: обстрелы, использование дронов и израильские удары по объектам «Хезболлы», включая ее инфраструктуру на сирийской территории.

Ибрагимов И.Э.

Первая фаза — «приграничная война изматывания» (октябрь — декабрь 2023 г.), характеризовавшаяся ограниченными обменов ударами, локальными артиллерийскими обстрелами и редкими массированными ракетными залпами. Во вторую фазу — весной и летом 2024 г. — конфликт перешел на уровень более интенсивных обстрелов и точечных авиаударов по военной инфраструктуре, однако обе стороны по-прежнему сдерживались от полномасштабной наземной операции. Наконец, осенью 2024 г. произошел переход к третьей фазе эскалации: «Хезболла» применила комбинированные атаки с использованием дронов и залпов реактивных систем, в ответ Израиль задействовал не только авиацию, но и сухопутные силы, начав операцию на территории южного Ливана.

Переход к активной фазе конфликта (2023–2024 гг.)

Осенью 2023 г. на фоне резкого обострения палестино-израильского кризиса в секторе Газа произошло усиление напряженности на ливанской границе⁴⁸, что привело к постепенному переходу от замороженного конфликта к активному противостоянию низкой интенсивности. Дополнительным фактором эскалации стала внутренняя нестабильность в Ливане, которая усугублялась политическим и экономическим кризисом, что позволило «Хезболле» при поддержке Ирана сохранить и даже увеличить боевой потенциал. Начальный этап характеризовался локальными боестолкновениями и взаимными ограниченными ударами. Основным инструментом «Хезболлы» стали демонстративные атаки дронов и обстрелы, на что Израиль отвечал ударами по инфраструктуре и ликвидацией командиров движения.

Ситуация обострилась в конце июля 2024 г. после гибели группы подростков-друзов и последующей гибели одного из высокопоставленных военных командиров «Хезболлы», Фуада Шукра. Ответом «Хезболлы» стал массированный ракетный удар по израильской территории, который спровоцировал новый виток противостояния.

Кульминацией конфликта стали события сентября 2024 г., когда «Моссад» провел успешную операцию по уничтожению систем связи «Хезболлы» и ликвидировал лидера организации Хасана Насраллу вместе с его воз-

⁴⁸ What Did Nasrallah Really Say, and Why? // Policy Analysis. 03.11.2023.

URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/what-did-nasrallah-really-say-and-why>

можными преемниками. Параллельно Израиль начал масштабную наземную операцию по созданию буферной зоны глубиной от 5 до 10 км на юге Ливана. Боевые действия охватили не только южные, но и центральные районы страны. Израиль нанес авиационные удары по инфраструктуре «Хезболлы» в Бейруте и Баальбеке, в результате которых только 23 сентября, согласно данным Минздрава Ливана, погибло более 550 человек⁴⁹. К ноябрю 2024 г. четверть населения страны (1,2 млн человек) была вынуждена покинуть свои дома⁵⁰.

Завершение активной фазы и ее последствия (ноябрь 2024 г. — середина 2025 г.)

27 ноября 2024 г., после 13 месяцев непрерывного противостояния, характеризующегося острыми эпизодами боевых действий, под дипломатическим давлением США и Франции стороны согласовали перемирие. По условиям соглашения, «Хезболла» отвела вооруженные силы за р. Литани, ливанская армия вернулась на юг страны, а Израиль начал постепенный вывод войск⁵¹.

Последствия конфликта для Ливана оказались крайне тяжелыми: за период с октября 2023 г. по декабрь 2024 г. погибло около 3,8 тыс. человек⁵², преимущественно гражданских, сотни тысяч домов были разрушены, экономический ущерб составил не менее 8,5 млрд долл.⁵³ Израиль также понес потери (около 80 военнослужащих и 47 гражданских), а север страны пострадал от эвакуаций и ракетных ударов⁵⁴.

Однако достигнутое перемирие не привело к устойчивому миру. Уже в первые дни его действия фиксировались нарушения: Израиль задерживал вывод войск, ссылаясь на невыполнение условий Ливаном, «Хезболла» называла это нарушением договоренностей. В марте 2025 г. стороны обменялись новыми ударами, погибло восемь человек⁵⁵.

Ситуация остается напряженной. Израиль удерживает стратегические холмы вдоль границы, а «Хезболла» сохраняет боеспособность за счет диверсификации и перестройки своей военной структуры. Организация перешла к

⁴⁹ Key events in Israel's conflict in Lebanon // Reuters. 28.03.2025.

URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israels-war-lebanon-against-hezbollah-since-oct-7-2023-2024-11-26/>

⁵⁰ Macro Poverty Outlook // World Bank. April 2025.

URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/65cf93926fdb3ea23b72f277fc249a72-0500042021/related/mpo-lbn.pdf>

⁵¹ 'Unimaginable consequences': World reacts to Israel's strikes on Lebanon // Al Jazeera. 24.09.2024.

URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/9/24/unimaginable-consequences-world-reacts-to-israels-strikes-on-lebanon>

⁵² Ceasefire between Lebanon's Hezbollah and Israel: What to know // Al Jazeera. 26.11.2024.

URL: <https://www.aljazeera.com/news/2024/11/26/ceasefire-between-lebanons-hezbollah-and-israel-what-to-know>

⁵³ New World Bank Report Assesses Impact of Conflict on Lebanon's Economy and Key Sectors // World Bank. 11.14.2024.

URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/11/14/new-world-bank-report-assesses-impact-of-conflict-on-lebanon-s-economy-and-key-sectors>

⁵⁴ The Israel-Hezbollah war by the numbers // Associated Press. 27.11.2024.

URL: <https://apnews.com/article/israel-lebanon-war-numbers-hezbollah-military-6f1a651ebba0a88fdb7ca59a57acd1e>

⁵⁵ Truce shaky as Israel strikes Lebanon in response to rocket fire // Reuters. 23.03.2025.

URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-strikes-lebanon-response-cross-border-launch-2025-03-22/>

стратегии малых ячеек и внедрению новых оборонительных схем, усложняя задачи Израиля по нейтрализации ее потенциала.

Таким образом, конфликт сохраняет устойчивость за счет своей двойной природы: для Израиля он связан с обеспечением безопасности и свободы действий в регионе, для «Хезболлы» — с внутренней легитимностью и ролью проиранского форпоста. Эта двойственность и сохраняющиеся противоречия оставляют риск возобновления конфликта крайне высоким.

Характер конфликта и силы сторон

Конфликт между Израилем и «Хезболлой» носит ярко выраженный асимметричный характер. С одной стороны — высокотехнологичная регулярная армия Израиля, с другой — «Хезболла», мощная военно-политическая организация, интегрированная в общественно-политическую систему Ливана и фактически действующая как параллельная армия. После войны 2006 г. «Хезболла» стала одной из наиболее боеспособных негосударственных группировок мира. К 2023 г. ее арсенал составлял, по оценкам экспертов, от 150 до 200 тыс. ракет различных типов, включая управляемые ракеты ближнего радиуса, дальнобойные неуправляемые ракеты и современные противотанковые комплексы⁵⁶. Этот арсенал значительно превосходил ракетные запасы большинства стран региона и позволял «Хезболле» вести длительные массированные обстрелы территории Израиля.

Одновременно Израиль существенно нарастил свой оборонный потенциал, извлекая уроки из войны 2006 г. Были развернуты новые системы противоракетной обороны («Железный купол», «Праща Давида»), проведена реорганизация северного командования, разработаны оперативные планы на случай войны на нескольких фронтах. Благодаря заблаговременной эвакуации и высоким показателям перехвата ракет Израилю удалось снизить потери среди гражданского населения.

Специфика конфликта

Важнейшей особенностью конфликта стало усиление гибридных элементов: кибердиверсия, выведшая из строя системы связи «Хезболлы» в сентябре 2024 г., и активное использование разведывательных и ударных дронов обеими сторонами. Это отчетливо показало, что современное противостояние сочетает массированные залпы ракет, применение дронов, кибероперации и информационное давление. Политически «Хезболла» выступает как квазигосударство: ее решения о начале и прекращении огня принимаются автономно, а официальное ливанское правительство ограничивается символическими протестами. Израиль же действует единым государственным механизмом, при этом «военный кабинет» обеспечивает оперативность и консолидацию власти.

Наконец, северный фронт тесно связан с войной в секторе Газа. Он стал «северным ответом» на операции против ХАМАС, что превратило израиль-

⁵⁶ Hezbollah has up to 200,000 rockets aimed at Israel, INSS assesses // The Jerusalem Post. 23.10.2023.
URL: <https://www.jpost.com/middle-east/article-769639>

ские действия в войну на два фронта. К концу 2024 г. ни одна сторона не достигла окончательной победы: «Хезболла» сохранила ракетный потенциал и децентрализованную структуру управления, а Израиль — воздушное превосходство и мобильность сухопутных частей. Таким образом, с 2023 по 2025 гг. конфликт перерос из затяжных приграничных стычек в полноценную региональную войну гибридного типа, где многослойная защита и наступательные возможности балансируют на грани продолжения эскалации.

Внутриполитические последствия войны

Война с Израилем обострила и без того тяжелый социально-экономический кризис Ливана. С 2019 г. ливанский фунт обесценился более чем на 95%⁵⁷, а уровень бедности достиг 44% населения, при этом в некоторых северных регионах этот показатель превышает 60–70%⁵⁸. К началу 2025 г. получение достоверных количественных данных о масштабах бедности в Ливане затруднено вследствие ограниченной статистической базы и продолжающегося кризиса. Тем не менее на основании исследований Американского университета Бейрута⁵⁹ и оценок международных организаций за предыдущие годы, прежде всего Всемирного банка⁶⁰, можно предположить, что от 44% до 60% населения страны находятся за чертой бедности по монетарным критериям. При этом, по оценке Всемирного банка, показатель так называемой «многомерной бедности», включающий ограниченный доступ к базовым услугам — электроэнергии, здравоохранению и образованию, — достигает 73%⁶¹. Политический вакуум усиливал нестабильность: с ноября 2022 г. кресло президента оставалось пустым из-за раскола элит. Парламент избрал нового главу государства лишь 17 января 2025 г., поддержав компромиссную фигуру командующего армией генерала Жозефа Ауна. Во время боевых действий он координировал работу ВС Ливана и воспринимался как приемлемый кандидат для прозападных и шиитских сил. Несмотря на символический эффект инаугурации, раскол не исчез. Дискуссии о статусе вооруженного крыла «Хезболлы» вспыхнули с новой силой: христианские партии, суннитские объединения и часть светских шиитов призывают к его разоружению⁶², полагая, что движение инициировало конфликт без мандата всего общества.

⁵⁷ Standard and Poors warns of market deterioration risk // NOW news. 03.09.2024.

URL: <https://nowlebanon.com/standard-and-poors-warns-of-market-deterioration-risk/>

⁵⁸ Lebanon: Poverty more than triples over the last decade reaching 44% under a protracted crisis // World Bank Group. 23.05.2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/05/23/lebanon-poverty-more-than-triples-over-the-last-decade-reaching-44-under-a-protracted-crisis>

⁵⁹ Monitoring Poverty in a Data-Deprived Environment: The Case of Lebanon // Wiley. 16.07.2024.

URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roiw.12708>

⁶⁰ Lebanon: Poverty more than triples over the last decade reaching 44% under a protracted crisis // World Bank Group. 23.05.2024. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/05/23/lebanon-poverty-more-than-triples-over-the-last-decade-reaching-44-under-a-protracted-crisis>

⁶¹ Poverty in Lebanon tripled over a decade, World Bank says // The Associated Press. 23.05.2023.

URL: <https://apnews.com/article/lebanon-poverty-world-bank-crisis-imf-8bf2c6932d4a09d530ebed6c0fb255eb>

⁶² Containing Domestic Tensions in War-hit Lebanon // International Crisis Group. 27.02.2025. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/east-mediterranean-mena/lebanon/b094-containing-domestic-tensions#>

Шиитская община (порядка одной трети населения) сохранила базовую лояльность к «Хезболле», рассматривая ее в качестве гаранта безопасности. Руководство движения стремится удержать поддержку, фокусируя усилия на компенсациях пострадавшим и восстановлении жилья. Однако длительное проживание людей в разрушенных районах грозит снижением популярности «Хезболлы».

Перспективы политических изменений

Военный результат кампании ослабил проиранский лагерь: впервые за десятилетия «Хезболла» была вынуждена отвести силы к северу от р. Литани, а ее авторитет «непобедимого сопротивления» дал трещину. Это расширило пространство для сил, не связанных с движением. Новый президент и армия претендуют на ведущую роль в обеспечении безопасности южных территорий, что объективно ограничивает влияние шиитских отрядов. Тем не менее полностью вытеснить «Хезболлу» из властных структур невозможно: она сохраняет существенную парламентскую фракцию и ключевые правительственные портфели, а спикер Набих Берри (член партии «Амаль»), представляющий ее интересы, способен заблокировать нежелательные решения. Исторический негласный компромисс — «вооруженное сопротивление в обмен на невмешательство во внутреннее управление» — оказался под вопросом.

В качестве компромиссного пути обсуждается частичная интеграция: боевое крыло «Хезболлы» должно координировать свое размещение с командованием ВС Ливана или быть поэтапно инкорпорировано в национальные силы. В декабре 2024 г. Минобороны Ливана анонсировало ввод 5 тыс. военнослужащих в пограничный сектор, ранее контролируемый «Хезболлой»⁶³, — шаг, который может стать отправной точкой новой распределенной архитектуры безопасности. Военные потери, экономические разрушения и растущее общественное давление формируют окно возможностей для корректировки внутреннего баланса сил. Однако глубина этих изменений будет зависеть от способности политических акторов Ливана договориться о статусе вооруженного крыла «Хезболлы» без подрыва конфессионального равновесия, на котором держится ливанская государственность.

Эволюция израильского подхода к северной угрозе

Израильское общество, пережив шок от нападения 7 октября 2023 г., продемонстрировало беспрецедентную консолидацию вокруг вопросов безопасности. Власть сформировала «военный кабинет» с участием оппозиции — в частности, Бени Ганц получил министерский пост⁶⁴ в коалиции, что обеспечило редкую политическую стабильность в разгар войны сразу на двух

⁶³ Lebanon-Israel ceasefire agreement: What do we know so far? // The New Arab. 26.11.2024.

URL: <https://www.newarab.com/news/lebanon-israel-ceasefire-agreement-what-do-we-know-so-far>

⁶⁴ 12 октября 2023 г. он вошел в расширенный «военный кабинет» Биньямина Нетаньяху как министр без портфеля на время войны против ХАМАС. 9 июня 2024 г. политик покинул правительство из-за разногласий по стратегии войны. После выхода из правительства Бени Ганц возглавляет крупнейшую центристскую силу в кнессете и фактически является одним из лидеров оппозиции.

фронтах. Решительные удары ЦАХАЛ по руководству «Хезболлы», включая ликвидацию ее лидера, Хасана Насраллы, воспринимались как восставление сдерживания, утраченного после 2006 г., и были поддержаны не только израильянами, но и союзниками.

В то же время более чем годовая продолжительность конфликта и эвакуация около 60 тыс. жителей Галилеи стали серьезным испытанием: многие семьи, лишённые домов, столкнулись с экономическими трудностями и психологическим давлением⁶⁵. В медиа поднимались вопросы: почему при технологическом превосходстве ЦАХАЛ «Хезболла» сохраняет способность к обстрелам до самого перемирия, а израильские войска продолжают нести потери? Тем не менее правящая коалиция трактует итоги как стратегическую победу: благодаря резолюции № 1701 Совета Безопасности ООН⁶⁶ в Южном Ливане размещаются регулярные войска, а не боевики, и северная граница, по заверениям властей, надолго станет безопасной⁶⁷. Возвращение эвакуированных граждан будет не просто восстановлением уклада — это политический триумф кабинета Биньямина Нетаньяху.

Военный опыт 2023–2024 гг. закрепил в израильских кругах несколько ключевых уроков. Во-первых, превентивные удары по «Хезболле» оказались оправданными: откладывание нанесения удара лишь увеличивало бы угрозу для Галилеи и северных городов при еще более мощном противнике. Во-вторых, одновременная работа на два фронта (сектор Газа и Ливан) продемонстрировала способности ЦАХАЛ, но обострила вопросы распределения резервов и логистики. И, наконец, общество готово мириться с жертвами и лишениями ради безопасности, однако требует ясных конечных целей: дискуссии о том, стоило ли начинать наземную операцию раньше или ограничиться «предупредительной войной» осенью 2023 г., подчеркивают стремление к балансу между решительностью и прагматизмом.

После штормовых столкновений, продолжавшихся более года, стало ясно: уроки не ограничиваются тактикой, но затрагивают стратегию. Израиль укрепляет ПВО, расширяет военный бюджет и готов к дальнейшим превентивным ударам, исходя из принципа «ударить первым безопаснее». В то же время сохраняется консенсус о необходимости сочетать силу и дипломатию: создание буферных зон под контролем Ливанской армии и миротворцев ООН призвано предотвратить случайные вспышки конфликтности.

Долгое противостояние 2006–2023 гг. строилось на взаимном сдерживании: угроза сотен ракет с одной стороны и готовность ЦАХАЛ стереть Дахию с лица земли — с другой. Фаза 2023–2024 гг. нарушила этот хрупкий баланс: «Хезболла» оказалась втянута в войну ХАМАС, а Израиль перешел

⁶⁵ Most northern evacuees unlikely to return, comptroller says, blaming Netanyahu // The Times of Israel. 10.06.2025.
URL: <https://www.timesofisrael.com/most-northern-evacuees-unlikely-to-return-comptroller-says-blaming-netanyahu/>

⁶⁶ Резолюция 1701 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5511-м заседании 11 августа 2006 года // ООН.
11.08.2006. URL: [https://docs.un.org/ru/S/Res/1701\(2006\)](https://docs.un.org/ru/S/Res/1701(2006))

⁶⁷ Lebanon truce expands area free of Hezbollah arms, sharpens terms of UN resolution // Reuters. 27.11.2024.
URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/hezbollah-israel-ceasefire-proposal-says-only-official-forces-may-carry-arms-2024-11-27/>

к полномасштабным действиям. После перемирия основной вопрос заключается в том, вернется ли статус-кво низкой интенсивности или произойдут структурные сдвиги? С одной стороны, свежая память о разрушениях и жертвах делает обе стороны сдержанными, а договоренности конца 2024 г. вводят многоуровневые механизмы предотвращения эскалации. С другой, «Хезболла» утратила харизму своего прежнего лидера и часть страха, который она внушала Израилю, а тот, в свою очередь, ощутил эффективность превентивных ударов. В результате любая новая провокация может вызвать более жесткий ответ, поскольку теперь в Израиле убедились, что силой можно добиться ощутимого результата. «Хезболле» предстоит решить, готова ли она снова идти на жертвы или принять новую роль «замороженного» противника, и этот выбор во многом будет зависеть от тактики и заявлений нового руководства.

Внешнее измерение конфликта

Конфликт Израиля и «Хезболлы» традиционно характеризуется значительным внешним влиянием, и период 2023–2025 гг. не стал исключением. Третьи страны активно определяли динамику эскалации, доступ сторон к ресурсам и рамки возможного урегулирования кризиса.

Иран оставался ключевым сторонником и спонсором «Хезболлы», обеспечивая ее вооружениями, обучением и стратегической поддержкой, преимущественно через сирийский коридор. Несмотря на массированные удары Израиля по иранской инфраструктуре в Сирии осенью 2024 г., Тегеран избежал прямого военного вмешательства, предпочтя сохранить ядро «Хезболлы» и способствовать перемирию для последующего восстановления ее боеспособности.

Однако ночь на пятницу 13 июня 2025 г. стала водоразделом в региональной динамике. Израиль провел масштабную многоуровневую операцию против иранской военной и ядерной инфраструктуры — крупнейший одновременный удар по Ирану за последние десятилетия. Были нанесены удары по объектам ПВО, складам баллистических ракет и ключевым объектам в Натанзе. Официально подтверждена ликвидация ряда высокопоставленных военных и научных кадров Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В ответ Иран осуществил массированную атаку более чем сотней беспилотников по израильской территории.

На фоне резкой эскалации противостояния между Израилем и Ираном вопрос о готовности «Хезболлы» к открытому военному вмешательству приобретает особое значение. Анализ последних событий и внутренней динамики движения позволяет сделать вывод, что на данном этапе организация демонстрирует крайне ограниченную готовность к открытию нового фронта против Израиля, несмотря на риторику «Оси сопротивления».

Опыт кампании 2023–2024 гг. серьезно ослабил военный потенциал «Хезболлы»: утрачена часть складов, командных пунктов и кадров, арсенал сокращен до ракет преимущественно малой и средней дальности, эффек-

тивность которого ограничена израильским контролем воздушного пространства и радиоэлектронной разведки. Осознание уязвимости сдерживает движение от новых ударов по Израилю. Поддержка внутри шиитского сообщества ослабла: отсутствие прямой помощи Ирана и систематические потери подорвали доверие сторонников, усилив сомнения в способности Тегерана гарантировать безопасность ливанских шиитов. Дополнительное давление создает потеря сирийского транзита после падения режима Башара Асада в декабре 2024 г. и возрастания израильской активности на Голанах. В условиях экономического кризиса и предстоящих парламентских выборов 2026 г. руководство движения делает ставку на сохранение оставшегося ресурса и внутривнутриполитических позиций. Следовательно, готовность «Хезболлы» к открытой войне с Израилем минимальна; эскалация возможна лишь при прямой угрозе жизненно важным интересам или резком вовлечении Ирана, что на данный момент маловероятно.

Соединенные Штаты оказали Израилю дипломатическую и военную поддержку. Вашингтон осудил ракетные атаки «Хезболлы», мобилизовал авианосные группы и системы ПВО для защиты Израиля и сдерживания Ирана. Кроме того, США обеспечили ЦАХАЛ боеприпасами и высокоточным оружием. Американская дипломатия стала ключевым фактором в достижении перемирия 27 ноября 2024 г. В будущем администрация США продолжит балансировать между поддержкой Израиля и необходимостью предотвращения дальнейшей эскалации, при этом передавая все больше ответственности региональным партнерам.

Участие государств региона в урегулировании ливано-израильского кризиса было асимметричным. Катар активно участвовал в урегулировании конфликта в секторе Газа и первоначально пытался влиять на ситуацию в Ливане через каналы с Ираном. Однако после гибели Хасана Насраллы и затягивания конфликта Доха ограничила свое посредничество на ливанском направлении, сосредоточившись на секторе Газа⁶⁸. Саудовская Аравия традиционно выступает противником «Хезболлы», которую рассматривает как инструмент иранского влияния. После китайского посредничества в 2023 г. Эр-Рияд и Тегеран перешли к избирательному взаимодействию: при сохранении символических жестов сотрудничества (наблюдатели КСА на многосторонних учениях в октябре 2024 г.; визит саудовского министра обороны в Тегеран в апреле 2025 г.) Саудовская Аравия ограничивает координацию с Ираном по наиболее чувствительным региональным вопросам. Саудовское руководство ясно заявило, что не будет финансировать восстановление Ливана, пока там сохраняется влияние «Хезболлы»⁶⁹. Тем не менее падение режима Башара Асада и ослабление «Хезболлы» открывают возможности для Эр-Рияда расширить свое политическое влияние в Сирии

⁶⁸ Mackenzie L., Alkousaa R. Israel sees progress in Lebanon ceasefire talks, says Russia can help // Reuters. 11.11.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/israel-sees-progress-lebanon-ceasefire-talks-says-russia-can-help-2024-11-11/>

⁶⁹ Top Saudi diplomat to visit Lebanon for first time in 15 years // Reuters. 22.01.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/top-saudi-diplomat-visit-lebanon-first-time-15-years-2025-01-22/>

и Ливане. Саудовская Аравия осторожно поддерживает проевропейские силы, способствуя избранию Жозефа Ауна президентом Ливана и формированию правительства Навафа Салама. ОАЭ и Бахрейн, которые недавно нормализовали отношения с Израилем, заняли сбалансированную позицию. ОАЭ предоставили гуманитарную помощь Ливану, но избегают резких дипломатических шагов, чтобы не повредить отношениям с Израилем. Египет и Иордания были озабочены риском расширения конфликта и призывали к немедленному прекращению огня, опасаясь региональных последствий полного коллапса Ливана. В целом арабские государства воспринимают конфликт между Израилем и «Хезболлой» как часть более широкой региональной конкуренции с Ираном. Государства, враждебные Ирану, воспринимают ослабление «Хезболлы» позитивно, хотя публично демонстрируют солидарность с Ливаном. Страны, поддерживающие ровные отношения с Тегераном, стремятся играть роль посредников.

Выводы

Конфликт 2023–2025 гг. между Израилем и «Хезболлой» подтвердил, что силовой баланс в Леванте определяется не только военным потенциалом сторон, но и характером внешних связей, внутривластной устойчивостью и региональными сдвигами. Израиль, опираясь на технологическое превосходство, превентивную доктрину и поддержку США, восстановил стратегическое сдерживание, создав буфер на юге Ливана и ликвидировав ключевое звено руководства «Хезболлы». В результате движение утратило до трети запасов вооружений, значительную часть инфраструктуры и прежнюю свободу оперативного маневра.

После интенсивного конфликта 2023–2024 гг. противостояние между Израилем и «Хезболлой» перешло в новую фазу хрупкого сдерживания. Ранее устойчивый принцип «тишины за тишину» уступил место перемирию, которое сохраняется при жестком контроле Израиля за соблюдением условий, тогда как «Хезболла» вынуждена играть роль второго плана, сохраняя вооруженный потенциал, но избегая прямых провокаций.

Одновременно ослабление авторитета Ирана, падение сирийского режима Асада и экономический кризис в Ливане сузили внешние и внутренние ресурсы «Хезболлы», вынудив ее перейти от проактивной военной стратегии к оборонительной модели сохранения остаточного потенциала и политических позиций. Поддержка шиитской общины стала условной, а предстоящие выборы 2026 г. делают для организации приоритетными внутривластные компромиссы, а не эскалацию. Усиление влияния ливанской армии и миротворцев ЮНИФИЛ на юге создает предпосылки для снижения хаотичных инцидентов, хотя армия Ливана по-прежнему сталкивается с внутренними вызовами и ограниченными ресурсами. Внутривластные настроения в Ливане меняются — растет давление на «Хезболлу» с требованием подчинить свое оружие государству, что постепенно формирует тенденции к «ливанизации» конфликта.

Для региональных акторов конфликт открыл «окно возможностей». Арабские монархии стремятся укрепить влияние в Ливане и послевоенной Сирии, а Иран вынужден искать новые логистические маршруты, что снижает его свободу действий. В итоге сложилось хрупкое равновесие: непосредственная угроза широкомасштабной войны минимизирована, но риск локальных вспышек остается из-за сохранных ракетных арсеналов «Хезболлы» и доктрины превентивных ударов Израиля. Судьба «Оси сопротивления» и устойчивость перемирия будут зависеть от способности Ливана стабилизировать экономику, интегрировать вооруженное крыло «Хезболлы» в государственные структуры и от того, насколько исторически изменчивый сирийский фактор станет либо новым барьером, либо катализатором очередной эскалации.

Ирано–израильский конфликт

Сажин В.И.

Предпосылки современного состояния конфликта

Конфликт между Исламской Республикой Иран (ИРИ) и Государством Израиль имеет глубокие исторические корни: предпосылки его современного состояния возникли еще до Исламской революции в Иране в 1979 г.

Лидер Исламской революции и основатель ИРИ аятолла Рухолла Хомейни разработал теоретическую основу идеологического противостояния Ирана и Израиля, согласно которой последний стал преградой на пути создания всемирного исламского государства. Формирование подобного государства — это краеугольный камень учения хомейнизма (или неошиизма).

В своих многочисленных речах Рухолла Хомейни постоянно акцентировал внимание на том, что «все нынешние беды Ирана порождаются Израилем»⁷⁰. Стратегическую же задачу в рамках борьбы с Израилем он сформулировал как «освобождение Иерусалима» (араб. Аль-Кудс, перс. Кодс), а «единственный путь к освобождению Иерусалима — это вера в Бога, самопожертвование и вооруженный поход до полного уничтожения Израиля»⁷¹. Преемник Рухоллы Хомейни на посту лидера ИРИ Али Хаменеи также предлагал бороться с Израилем путем его уничтожения, или «аннигиляции»⁷².

Рухолла Хомейни и его соратники не признавали и не признают даже возможности существования еврейского государства и называют его «сионистским образованием» или «оккупированной территорией». Следуя общему политическому курсу государства, большинство высокопоставленных государственных деятелей ИРИ десятилетиями обрушиваются на Израиль с критикой. Нынешний верховный лидер Ирана Али Хаменеи не раз повторял призыв к уничтожению Израиля. В ноябре 2014 г. он предложил план из девяти пунктов по противостоянию Израилю, при этом утверждая, что «единственный способ покончить с преступлениями Израиля — это уничтожение самого Израиля»⁷³. В свою очередь, израильские официальные лица неоднократно призывали к свержению иранских властей⁷⁴.

Израильская военная разведка, ссылаясь на полученные ею документы, утверждает, что у ИРИ есть конкретный план уничтожения Государства Израиль⁷⁵. В Израиле Иран воспринимают как угрозу своему государству, которая возрастет до абсолюта, если Тегеран создаст ядерное оружие.

⁷⁰ Жуков Д.А. Небо над Ираном ясное. Очерк политической биографии имама Хомейни. М.: Палей, 1999. С. 80.

⁷¹ Ансари Х. Имам Хомейни. Политическая борьба от рождения до кончины. М.: Палей, 1999. С. 264-265.

⁷² Iran's Supreme Leader Calls for Annihilation of Israel on Eve of Nuclear Talks // Jerusalem Center for Security and Foreign Affairs. 09.11.2014. URL: <https://jcfa.org/irans-leader-annihilation-israel/>

⁷³ Там же.

⁷⁴ Netanyahu vows Israeli help on water crisis once Iran is liberated from 'tyrants of Tehran' // The Jerusalem Post. 12.08.2025. URL: <https://www.jpost.com/israel-news/article-864050>

⁷⁵ ЦАХАЛ заявил, что Иран многие годы готовил план по уничтожению Израиля // Вести.ру. 13.06.2025. URL: https://www.vesti.ru/article/4547388_

В 2025 г., по данным МАГАТЭ⁷⁶, Иран как никогда близок к созданию ядерной бомбы, при этом такие опасения высказывались и ранее. Помимо потенциального иранского ядерного оружия тревогу и беспокойство израильских властей вызывает ракетная программа ИРИ. В последние 15–20 лет Иран достиг высоких результатов в создании ракетных систем различных классов, а также беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Иранский арсенал баллистических ракет и дронов — один из крупнейших на Ближнем Востоке. Дальность действия этих ракет и дронов (около 2 тыс. км) позволяет Ирану поражать практически любую цель в регионе, включая Израиль.

Третья угроза в восприятии Израиля — это созданная Ираном на Ближнем Востоке «Ось сопротивления». Она состоит из проиранских шиитских группировок в Ираке, Сирии, Ливане, Йемене, Афганистане и Пакистане, причем ливанская «Хезболла» была главной ударной силой в составе «Оси сопротивления». Суннитские группировки, действующие в секторе Газа — «Исламский джихад в Палестине» и ХАМАС, — аффилированы с ИРИ, но напрямую ей не подчиняются.

Основные характеристики конфликта

В течение почти 30 лет после победы Исламской революции в Иране в 1979 г. противостояние ИРИ и Израиля ограничивалось лишь идеологической и политической борьбой, которая находила свое отражение в яростных информационных атаках друг на друга. Ситуация несколько изменилась после того, как в 2000-х гг. стало известно о неподконтрольной МАГАТЭ деятельности Ирана в ядерной сфере.

Совет Безопасности ООН предпринимал попытки дипломатическим путем решить ядерную проблему ИРИ, но в Израиле не верили в готовность Тегерана к компромиссам. Возможно, именно решительность еврейского государства послужила одним из факторов, повлиявших на согласие Тегерана заключить ядерное соглашение — Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Однако в Израиле не верили и до сих пор не верят заявлениям ИРИ об отсутствии стремления создать ядерное оружие. В Израиле сохраняется убежденность, что для предотвращения появления у Ирана атомной бомбы эффективны лишь военные методы.

До начала прямого ирано-израильского конфликта противостояние осуществлялось в форме прокси-конфронтации и тайных операций. Примечательно, что в мае 2020 г. иранский парламент — Меджлис — принял законодательный акт под названием «Предложение о противодействии действиям сионистского режима, направленным против мира и безопасности»⁷⁷. Этот документ состоит из 16 статей и юридически регламентирует деятельность граждан, частных и государственных организаций ИРИ, а также госучре-

⁷⁶ Проверка и мониторинг в Исламской Республике Иран в свете резолюции 2231 (2015) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций // МАГАТЭ. 02.06.2025.
URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/25/06/gov2025-24_rus.pdf

⁷⁷ Details of anti-Zionism motion adopted by Iranian Parliament // Mehr News Agency. 17.05.2020.
URL: <https://en.mehrnews.com/news/158829/Details-of-anti-Zionism-motion-adopted-by-Iranian-Parliament>

ждений в отношении Израиля. По сути, в этом законодательном акте содержатся меры, которые должны предпринимать граждане и организации для борьбы с «израильским режимом». Так, статья 13 «требует от правительства поддержки деятельности других государств, наций и неправительственных организаций, направленной на освобождение Иерусалима». Она также обязывает правительство препятствовать любой нормализации отношений с Израилем в региональном масштабе и среди мусульманских стран, а также продвигать идею «сионизм хуже апартеида» в различных международных организациях.

Для реализации положений закона предусматривалось создание специального комитета по борьбе с Израилем. В его состав входят представители Высшего совета национальной безопасности Ирана, Министерства иностранных дел, Министерства разведки, разведывательных структур КСИР, Сил специального назначения «Кодс», генерального прокурора Ирана, Министерства внутренних дел Ирана, Министерства обороны и Постоянного секретариата Международной конференции по поддержке палестинской интифады.

Значительно раньше, еще в начале 2000-х гг., ирано-израильская «холодная война» приняла форму гибридной и стала более жесткой. Тайное противостояние Ирана и Израиля в 2010-х гг. отмечалось в Сирии и Ливане, где израильские спецподразделения и армия осуществляли акции против иранских военных. В свою очередь, группировки «Хезболла», ХАМАС и «Исламский джихад в Палестине» — союзники Тегерана — проводили диверсионные акции в Израиле.

Элементами современного противостояния Ирана и Израиля также стали и кибератаки друг против друга, примеры чего можно найти и в прошлом. Классической операцией кибервойны стал акт, осуществленный в 2010 г. «Моссадом» и Центральным разведывательным управлением США (ЦРУ) против иранского центра по обогащению урана в Натанзе. Тогда киберчервь *Stuxnet* вывел из строя почти 1,4 тыс. центрифуг и заразил более 60 тыс. компьютеров⁷⁸. Иран, в свою очередь, также в течение многих лет проводил кибероперации против Израиля⁷⁹.

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения Ирана и Израиля за более чем четыре десятилетия прошли сложный путь от информационных и диверсионных войн через действия прокси-групп и кибератаки к горячей войне 2025 г.

Внутренний контур

Практически на протяжении всего существования ИРИ стороны готовили свои силы к противостоянию друг с другом, причем в самых разнообразных сферах и направлениях. Инструментами противостояния с иранской сто-

⁷⁸ Farwell J.P., Rohozinski R. Stuxnet and the Future of Cyber War. *Survival*. February-March 2011. P. 23-40.

⁷⁹ См.: Сажин В.И. Вооруженные силы Исламской Республики Иран: десятилетия в бушующем, неспокойном мире // Восточная аналитика. 2024. № 15 (4). С. 169-193.

роны были спецслужбы, КСИР, Армия Ирана, группировки «Оси сопротивления», хакерские подразделения. С израильской стороны задействовались спецслужбы, ЦАХАЛ и хакерские подразделения.

Военные потенциалы стран неравнозначны. Численность сухопутных войск Армии обороны Израиля составляет 126 тыс. человек, еще 400 тыс. находятся в резерве. Численность военно-воздушных сил (ВВС) Израиля составляет 34 тыс. человек (еще 55 тыс. — резервисты), военно-морских сил (ВМС) — 9,5 тыс. человек (еще 10 тыс. находятся в резерве)⁸⁰. При этом по ряду направлений Израиль превосходит вооруженные силы Ирана (например, в авиации)⁸¹. Общая численность совокупных регулярных ВС Ирана составляет около 1,35 млн человек, из которых сухопутные войска (армия, КСИР и силы охраны правопорядка) насчитывают около 1 млн человек; ВВС — около 130 тыс., ВМС — более 50 тыс., Силы сопротивления «Басидж» (ССБ) — около 150 тыс., разведывательно-диверсионные Силы специального назначения «Кодс» — 20 тыс.⁸² В то же время посол ИРИ в России Мехди Санаи в своем блоге писал, что личный состав армии — 700 тыс. человек⁸³. Подобный разбор данных объясняется закрытостью в ИРИ темы ВС.

ВС ИРИ по своему численному составу и наличию вооружений стоят на одном из первых мест на Ближнем Востоке. Главная их особенность заключается в том, что они состоят из двух независимых друг от друга регулярных вооруженных формирований — армии и КСИР, каждое из которых обладает собственными видами ВС: сухопутными войсками, ВВС и ВМС. Кроме того, в КСИР имеются Силы специального назначения «Кодс», выполняющие разведывательно-диверсионные задачи, и ССБ, предназначенные для подготовки резерва, гражданской обороны и защиты территории страны.

Примечательно, что в ходе ирано-израильской войны 2025 г. армия ИРИ была отодвинута на второй план в вопросе принятия решений по Израилю и «ушла в тень» из-за того, что вся ракетная мощь Ирана сосредоточена в руках аэрокосмических сил КСИР. Более того, ведение боевых действий против Израиля осуществляло командование КСИР.

ВС ИРИ, при всей своей масштабности, по уровню научно-технологической оснащенности во многом уступают ВС Израиля и США. Безусловно, в отношении Ирана США и тем более Израиль не смогут повторить опыт военной кампании в Ираке, где в 2003 г. в ходе боевых действий был свергнут режим Саддама Хусейна. Вторжение в ИРИ и сухопутная операция американских и израильских войск в принципе невозможны, если принимать во внимание численный состав иранских ВС и значительную мощь их сухопутных сил. Однако авиационные и ракетные удары по конкретным объектам на иран-

⁸⁰ ЦАХАЛ — основные факты об армии обороны Израиля, структура, численность // РБК. 15.06.2025.
URL: <https://www.rbc.ru/base/05/11/2024/672a1f449a79478fa5af2d22>

⁸¹ Соотношение сил Израиля и Ирана // Газета.ру. 17.04.2024.
URL: https://www.gazeta.ru/infographics/sootnoshenie_sil_izrailya_i_irana.shtml

⁸² Ганиев Т., Задонский С., Корякин В. Военная мощь Исламской Республики Иран. Том I. М., Институт Ближнего Востока, 2019. С. 335.

⁸³ Санаи М. День Армии в Иране // LiveJournal. 20.04.2015. URL: <https://sanaei.livejournal.com/134359.html>

ской территории, как показал недавний ирано-израильский конфликт, не исключены, учитывая превосходство США и Израиля в авиаракетных технологиях и опыт подобных ударов в 2024 г.

В Тегеране это понимают и в развитии ВС делают упор на ракетные войска и беспилотники. В результате подобного подхода на 2025 г. ракетные войска и подразделения БПЛА составляют главную ударную мощь ВС ИРИ. С 2010-х гг. в ИРИ началось серийное производство дронов. Иран добился значительного прогресса в разработке и производстве полного спектра БПЛА всех основных классов: от легких тактических разведывательных аппаратов до тяжелых разведывательно-ударных комплексов, как носителей управляемых авиабомб и ракет малой дальности, так и барражирующих боеприпасов (дронов-камикадзе). К 2025 г. в Иране разработано около 40 различных моделей дронов. Основные линейки иранских БПЛА — *Ababeel, Kaman, Kian, Mohajer, Shahed*⁸⁴.

Проводя широкомасштабную работу по повышению боеготовности своих ВС, военно-политическое руководство ИРИ одновременно готовило асимметричные ответы Израилю. Один из таких ответов — это масштабная гибридная война, которую в течение многих лет ИРИ активно вела в Ближневосточном регионе с использованием прокси-группировок, прежде всего проиранских шиитских сил.

Главным организатором и куратором этой деятельности был генерал КСИР Касем Сулеймани, который реформатировал подразделение «Кодс» в Силы специального назначения и сделал их важнейшим инструментом внешней политики Ирана. Эти Силы соединяют в себе функции спецназа и внешней разведки, и роль этой организации в плане борьбы с Израилем и американским присутствием в регионе чрезвычайно высока.

Генерал Касем Сулеймани, используя возможности созданных им Сил специального назначения «Кодс», построил и возглавил уникальную прокси-систему «Ось сопротивления». Иранское руководство при создании шиитского блока из своих религиозных, идейных и политических союзников основывалось на своей военно-политической и идеологической концепции. Цель этого блока — усиление многоуровневой борьбы против Израиля и США — врагов ИРИ. Командующий аэрокосмическими силами КСИР бригадный генерал Амир Али Гаджизаде, погибший 13 июня 2025 г. в результате удара ВВС Израиля, в свое время утверждал, что все члены «Оси сопротивления» едины и должны объединить усилия по выводу американских сил из региона и уничтожению «сионистского режима»⁸⁵.

В середине июня 2025 г. многолетнее ирано-израильское противостояние перешло в фазу открытой войны. Триггером послужила террористическая атака ХАМАС на Израиль в 2023 г., из-за чего последний получил психоло-

⁸⁴ См.: Сажин В.И. Вооруженные силы Исламской Республики Иран: десятилетия в бушующем, беспокойном мире // Восточная аналитика. 2024. №15 (4). С. 169-193.

⁸⁵ Иран мобилизует «Ось сопротивления» на выдавливание США с Ближнего Востока // EurAsiaDaily. 16.02.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/02/16/iran-mobilizuet-os-soprotivleniya-na-vydvivanie-ssha-s-blizhnego-vostoka>

гический удар, а авторитет «Моссада», военной разведки, ЦАХАЛ и в целом Израиля упал. Государство приняло решение силовым путем разобраться с проблемой вооруженных соседей-противников, в первую очередь с ХАМАС и «Хезболлой» — союзниками Ирана.

Возможно, что уже в 2023 г. разрабатывался конкретный план разгрома ИРИ и ее союзников. Израильскому военно-политическому руководству предстояло решить несколько задач. Прежде всего был нанесен урон «Оси сопротивления», чтобы лишить ИРИ возможности действовать с помощью вооруженных боевых группировок своих союзников именно на территории Израиля и вокруг него. Кроме того, в Израиле стали готовить ВВС, а также средства ПВО и ПРО для вооруженной борьбы с Ираном. В еврейском государстве сосредоточились на решении комплекса военных и логистических проблем для того, чтобы сделать возможным нанесение авиационных и ракетных ударов по целям, находящимся за 1,5–2 тыс. км от Израиля, и обеспечить эффективную оборону воздушного пространства страны. Вместе с тем проходила подготовка личного состава ЦАХАЛ и резерва ВС для возможных боевых действий, а также отработка мобилизационных сценариев. Наконец, израильские спецслужбы создавали условия для ведения разведывательно-диверсионной деятельности на территории ИРИ и формировали агентурные и оружейные базы.

В первые часы войны Израиль добился значительных успехов, нейтрализовал иранскую ПВО и ПРО. Израильские военные сделали это без потерь, обеспечив тем самым возможность эффективных ударов по иранским военным и ядерным объектам. Важную роль сыграла агентура «Моссада» и военной разведки на территории ИРИ: они применяли против иранских объектов компактные управляемые ракеты и ударные дроны, заранее введенные израильской стороной. Всесторонняя подготовка Израиля дала эффективные результаты.

В свою очередь, Иран на первом этапе боевых действий не смог противостоять израильским атакам. Представления о военном потенциале Ирана, которые поддерживались руководством страны, не отражали реального положения дел. Другая проблема кроется в коррупции. Третьим препятствием стала не совсем верная оценка правящей элитой военно-политической ситуации, сложившейся к 2025 г. вокруг Ирана, и, по всей видимости, игнорирование советов реалистов-прагматиков. В комплексе — это общеиранский разрыв между желаемым и действительным.

Через два дня после начала конфликта иранское военное командование, в первую очередь КСИР, понесшее небывало многочисленные потери среди высшего состава из-за слаженной и целенаправленной работы спецслужб и армии Израиля, все же смогло выйти из первоначального шока, мобилизоваться и наносить ежедневные ракетно-дроновые удары по объектам на израильской территории.

Однако, несмотря на некоторые чувствительные иранские удары, диверсионно-разведывательные силы Израиля занимали доминирующие пози-

ции в конфликте, реально влияли на его ход, их возможности превосходили аналогичные возможности Ирана. При этом союзники ИРИ — члены «Оси сопротивления» — не вступили в войну. Важный, если не определяющий, момент в конфликте — это участие США в боевых действиях против Ирана. В ночь на 22 июня 2025 г. Соединенные Штаты нанесли удары по центрам обогащения урана в Фордо, Натанзе и хранилищу ядерных материалов в Исфahanе.

Внешние акторы, факторы влияния и вызовы

Внешний контур ирано-израильского конфликта определился практически сразу с момента его зарождения. Главным союзником Израиля были и остаются США. Вашингтон, несмотря на появляющиеся время от времени разногласия по некоторым вопросам в отношениях с Израилем и даже политическую напряженность, поддерживает еврейское государство по всем аспектам, включая финансовые, военные и дипломатические. Этот союз в значительной степени обеспечивает выживаемость Израиля, его дееспособность и политическую активность.

Большинство членов ЕС и НАТО, будучи союзниками США, вне всякого сомнения, поддерживают Израиль в конфликте с Ираном. Однако в некоторых европейских странах сильны идеи антисиионизма и антисемитизма, поэтому руководству этих государств приходится проводить в отношении Израиля тонкую политику с оглядкой на эти явления. Кроме того, европейский бизнес, в отличие от американского, имел хорошие финансовые и торгово-экономические отношения с Ираном.

В последние 15–20 лет отношения некоторых арабских стран с Израилем претерпели значительные изменения. Они прошли сложный путь от вражды и войн к фактическому или даже дипломатическому признанию израильского государства со всеми признаками и компонентами нормальных взаимосвязей. Этот процесс затормозился после 7 октября 2023 г., но перспективы его возобновления и расширения остаются.

Не все страны, которые имеют официальные контакты с Израилем, способны подтолкнуть его к изменениям во внутренней и внешней политике. Однако на это способны крупные игроки: прежде всего, постоянные члены Совета Безопасности ООН, члены НАТО, которые могут воспользоваться своей ролью в мировой и региональной политике для побуждения Израиля к действиям. Формирующее же влияние на политику Израиля оказывают те страны и негосударственные военно-политические формирования, которые рассматривают его в качестве врага и бросают ему вызов.

Иран поддерживает союзнические отношения в основном с негосударственными и полугосударственными формированиями из «Оси сопротивления». Наиболее тесные партнерские отношения у государства отмечаются с Россией, КНДР, Кубой, Венесуэлой, Пакистаном. Иран состоит во многих структурах в рамках ООН, а также Организации исламского сотрудничества (ОИС), Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК), БРИКС, Шанхай-

ской организации сотрудничества (ШОС) и др. Безусловно, участие в этих объединениях поддерживало авторитет ИРИ в глазах мировой общественности, однако непосредственной, практической и эффективной солидарности с Тегераном проявлено не было.

В целом внешнее воздействие на Израиль и Иран не оказывало особого влияния на конфронтацию двух стран. Их противостояние базируется на глубоких идеологических противоречиях.

Основные тенденции и возможная динамика конфликта

12-дневная война, как наиболее острое вооруженное противостояние в рамках многолетнего конфликта между Ираном и Израилем, закончилась 24 июня 2025 г. Однако сам конфликт не исчерпан: он перешел на новый этап, который можно охарактеризовать как фазу ожидания кардинальных решений при продолжении психологического и информационного противостояния между двумя странами.

В ближайшей перспективе руководству ИРИ предстоит разрешить дилемму, диктуемую вызовами со стороны Запада: либо пойти на ядерные переговоры с США, либо усилить конфронтацию. Первый вариант фактически предполагает капитуляцию ИРИ, поскольку условия сделки, которая должна завершить переговоры, включают радикальные требования администрации Дональда Трампа. Среди них — запрет на обогащение урана на территории Ирана, вывоз всего накопленного обогащенного урана из ИРИ, усиление и расширение контроля над ядерной деятельностью ИРИ не только со стороны МАГАТЭ, но и США, запрет на разработку, производство и использование баллистических ракет средней дальности, а также отказ от поддержки антиизраильских группировок в ряде стран Ближнего Востока. Представители ИРИ и США продолжают контакты по ядерной проблеме⁸⁶. Как заявил глава иранского МИД Аббас Арагчи, Тегеран готов к серьезным переговорам⁸⁷, однако маловероятно, что переговоры закончатся обоюдными компромиссами.

Ядерная проблема остается центральной. Правительству ИРИ в любом случае придется делать сложный выбор между развитием ядерной программы и налаживанием связей с Западом. И оно с большой долей вероятности выберет второе. В условиях внутреннего давления президенту ИРИ Масуду Пезешкиану как никогда раньше необходимо ядерное соглашение, гарантирующее снятие санкций. Безусловно, достижение Ираном соглашения, близкому к СВПД, дало бы возможность, с одной стороны, удовлетворить запрос противников обнуления ядерной программы, с другой — противников эскалации ядерной деятельности, чреватой новой войной с США и Израилем. Однако многое, если не все, будет зависеть от того, кто одержит

⁸⁶ Арагчи: Иран и США продолжают диалог по ядерному досье через посредников // ТАСС. 06.09.2025.
URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/24985281>

⁸⁷ Araqchi: Iran Open to Fair Talks Based on Mutual Interests, Mutual Respect Once US Ready // Tasnim. 07.09.2025.
URL: <https://www.tasnimnews.com/en/news/2025/09/07/3393841/araqchi-iran-open-to-fair-talks-based-on-mutual-interests-mutual-respect-once-us-ready>

верх в борьбе радикальных и умеренных сил в иранском истеблишменте. Не исключено, что в случае доминирования мнения радикальных сил Тегеран отвергнет все требования Вашингтона. В случае отказа от договоренностей с США Иран столкнется не только с угрозой восстановления санкций Совета Безопасности ООН, но и новых воздушно-ракетных ударов со стороны Израиля и США. Также существует вероятность, что даже в случае готовности Тегерана идти на компромиссы, он будет продолжать восстанавливать ядерный и военный потенциалы, которым был нанесен ущерб от американо-израильских ударов, что может стать причиной усиления конфронтации.

Таким образом, вполне корректным будет констатировать, что для Ирана наступил «момент истины», когда решается, каким путем дальше пойти. Однако прогнозировать, какой из вариантов выберет Иран, как поведут себя внерегиональные акторы и какие действия будет предпринимать Израиль, чрезвычайно сложно. Конфликт во многом порожден влияющей в той или иной степени на политику иранского руководства государственной идеологией ИРИ, которая не допускает существования еврейского государства. В этой парадигме конфликт в различных проявлениях и формах закончен будет не скоро, и не исключено спорадическое обострение ситуации, вплоть до возобновления жесткой военной конфронтации.

Что касается механизмов урегулирования, для ирано-израильского конфликта они отсутствуют, что продемонстрировали все десятилетия его существования. Пока в Иране господствующей официальной идеологией остается хомейнизм, признание Израиля, снижение напряженности в отношениях с ним без юридического признания или политическое игнорирование этого государства со стороны ИРИ невозможно. На 2025 г. Иран — это единственная страна в мире, которая не признает право и возможность самого существования Государства Израиль и целенаправленно борется с ним всеми доступными методами. Но при этом возможность признания права Израиля на существование в случае признания его народом Палестины подчеркивалась, в частности, в заявлении на тот момент президента ИРИ Мохаммеда Хатами в 2001 г.

Западносахарский конфликт

Кузнецов В.А.,
Василенко А.И.

В последние годы западносахарский конфликт находится на периферии мировой повестки дня. Между тем, изучение динамики международных отношений в Северной Африке без обращения к нему едва ли возможно — как и полвека назад западносахарская проблема остается системообразующей для Магриба, прямо затрагивая судьбы нескольких сотен тысяч человек и в значительной степени отражая перипетии алжиро-марокканских отношений. Кроме того, в чисто академическом плане обращение к проблеме может быть полезным для понимания того, что происходит с неурегулированными конфликтами по прошествии десятилетий.

В истории западносахарского конфликта принято выделять три основные стадии. Наиболее острый период противостояния продолжался с 1975 г. по 1991 г. — именно тогда сформировалась его структура, определились позиции сторон и были заложены основные параметры возможного урегулирования. Вторая стадия — с 1991 г. по 2020 г. — почти тридцатилетняя эпоха перемирия (периодически прерывавшегося незначительными столкновениями), за время которой и произошло «забвение» Западной Сахары мировым сообществом. Однако в 2020 г. конфликт вновь перешел в горячую фазу. На сегодняшний день западносахарский конфликт может быть описан как международный вооруженный конфликт низкой интенсивности. Принятое ООН еще в 1970-е гг. определение Западной Сахары как недеколонизированной территории заставляет рассматривать конфликт в ряду тех, генезис которых связан с процессами деколонизации и реализации права народов на самоопределение. С этой точки зрения он может быть поставлен в один ряд с кашмирским и палестино-израильским конфликтами. Со вторым он схож и структурно.

Можно выделить целый ряд общих черт этих случаев. Здесь и сам затяжной характер конфликтов, и постепенное снижение интереса к ним со стороны внешних игроков, и упомянутое превращение в системообразующий фактор как для региональных отношений, так и для развития политических систем вовлеченных государств, и, наконец, наличие устойчивых вовлеченных акторов. Кроме того, палестинскую и западносахарскую проблемы роднят и некоторые содержательные элементы конфликтов: определение сахрани и палестинцев как отдельных народов, на которые распространяется право на самоопределение; процесс формирования этнических групп под влиянием и в ходе конфликта; наличие проблемы беженцев, значительная часть которых продолжает десятилетиями жить в лагерях на территориях сопредельных стран; наличие проблемы границ; вовлеченность в противостояние внешних сил; схожая политика Израиля и Марокко по освоению территорий и размещению там собственного населения; стратегия Организации освобождения Палестины (ООП) и ПОЛИСАРИО на максимальное вовлечение ООН в процесс урегулирования.

Существуют, однако, и значительные различия. К ним относятся не только несопоставимые масштабы и деструктивный потенциал двух конфликтов, но и совершенно различная степень консолидации власти у ПОЛИСАРИО, монополизировавшего политическую арену Западной Сахары, и ООП, вынужденной конкурировать с другими силами; отсутствие в западносахарском случае религиозных компонентов конфликта и, наконец, степень зависимости участников от внешних акторов. Если Марокко и Израиль вполне самостоятельны, то ПОЛИСАРИО зависит от Алжира намного больше, чем основные палестинские силы от кого бы то ни было.

Позиции сторон и внешних акторов

Можно говорить о двух сторонах конфликта, прямо в него вовлеченных (Марокко и Фронт ПОЛИСАРИО), и об одной вовлеченной косвенно (Алжир). Неизменная позиция Рабата базируется на трех принципах. Во-первых, вся территория, обозначаемая за пределами королевства как Западная Сахара, а в самом королевстве как марокканская Сахара, считается неотъемлемой частью Марокко. Во-вторых, такая ее принадлежность обосновывается историей, традицией и правом. И в-третьих, территориальная целостность королевства является одной из основ национальной консолидации.

С 1980-х гг. Марокко контролирует около 80% территории Западной Сахары, полностью включая ее в систему административно-территориального устройства страны: она относится к так называемым южным провинциям. С того самого момента, когда здесь была установлена власть Алауитов, Рабат ведет политику по административной и экономической интеграции Сахары, активно инвестируя в ее развитие, разрабатывая ресурсы и одновременно способствуя миграции туда населения с севера.

Строительство в 1980-е гг. заминированной с обеих сторон так называемой марокканской стены длиной около 2700 км вдоль всей линии соприкосновения минимизировало военную угрозу королевству со стороны ПОЛИСАРИО. В связи с этим основной задачей королевства стало не военное подавление противника, а, скорее, его сдерживание, дискредитация в публичном пространстве и подрыв дипломатической поддержки. Последнее сводится к работе над тем, чтобы ранее признавшие Сахарскую Арабскую Демократическую Республику (САДР) государства отозвали свое признание, а также над увеличением количества стран, прямо или косвенно признающих марокканский суверенитет над Сахарой. Важным показателем такого признания становится открытие консульских миссий в южных провинциях — их почти 30⁸⁸. В целом, если ранее САДР признавало порядка 80 государств, то сегодня их число сократилось более чем вдвое⁸⁹. В этих обстоятельствах в Рабате, вероятно, не без оснований полагают, что время работает на королевство.

⁸⁸ Moroccan Sahara // Embassy of the Kingdom of Morocco in Australia. URL: <https://au.diplomatie.ma/en/moroccan-sahara>

⁸⁹ Quardani I. Sahara: Which countries still recognize SADR? // Yabiladi. 29.11.2024.

URL: <https://en.yabiladi.com/articles/details/156883/sahara-which-countries-still-recognize.html>

Противник Марокко — Фронт ПОЛИСАРИО — еще с 1980-х гг. контролирует оставшиеся 20% территории Западной Сахары — так называемую Свободную зону. Там находится несколько постоянных поселений (Тифарити — нынешняя временная столица, Бир-Лелу, Агунит) и проживает, по разным оценкам, от 12 до 50 тыс. человек⁹⁰, в основном кочевники. После строительства марокканской стены они мигрируют между территориями Алжира и Мавритании. Там же дислоцируются вооруженные силы САДР. Отсутствие воды и любого вида инфраструктуры в совокупности с наличием обширных минных полей делают этот регион малопродуктивным для жизни.

Другая контролируемая ПОЛИСАРИО территория — расположенные в Алжире лагеря беженцев (названные в соответствии с основными городами, оставшимися под контролем Марокко: Эль-Аюн, Смара, Дахла, Аусерд, Буждур) и административный центр Рабуни, где расположены органы власти САДР. В лагерях проживает 100–170 тыс. человек⁹¹, причем продовольственное обеспечение 80% из них полностью зависит от получения гуманитарной помощи⁹². Социально-экономическая система лагерей основана на жестком клиентелизме и редистрибуции международной помощи⁹³. Контроль над распределением всех полученных благ, в том числе необходимых для удовлетворения базовых потребностей населения (включая продукты), осуществляют власти САДР, то есть руководство Фронта ПОЛИСАРИО, принадлежащее к племени ргибат. Формально ставить знак равенства между ргибат, ПОЛИСАРИО и САДР, конечно, нельзя. Тем не менее в значительной степени эти структуры синонимичны друг другу.

Для ргибат — одного из крупных племен, проживающих на этих территориях, — противостояние с Марокко и борьба за независимость с самого начала в соответствии с племенной логикой политического поведения были инструментами расширения своего влияния.

Созданный представителями племени Фронт ПОЛИСАРИО как военно-политическое движение вполне вписывался в традицию левых революционных сил. При том, что исторически внутри ПОЛИСАРИО было несколько фракций, предлагавших разные стратегии борьбы, ключевую роль в нем все же играли сторонники жесткой линии. К ним относится и нынешний генераль-

⁹⁰ Western Sahara: The Cost of the Conflict. *Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65*. 11 June 2007. P. 5. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict>; Василенко А.И. Западная Сахара: политэкономические аспекты конфликта // Восточная аналитика. 2023. №14 (4). С. 50. URL: <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-042-065>.

⁹¹ Algeria: Sahrawi refugees in Tindouf. *ACAPS Global Risk Analysis*. Briefing note 19 January 2022. URL: <https://www.acaps.org/country/algeria/special-reports#container-1710>; Лагерь беженцев в Тиндуфе (на фр. Camps de Réfugiés de Tindouf) // O-CR Observatoire des Camps de Réfugiés. 2020. P. 13. URL: <https://www.o-cr.org/wp-content/uploads/2020/10/Camps-de-Tindouf-Algerie.pdf>

⁹² Ситуация в отношении Западной Сахары — доклад Генерального секретаря (S/2024/707) (на фр. La situation concernant le Sahara occidental - Rapport du Secrétaire général (S/2024/707)) // OCHA. P. 11/19. URL: <https://reliefweb.int/report/western-sahara/la-situation-concernant-le-sahara-occidental-rapport-du-secretaire-general-s2024707>

⁹³ Western Sahara: The Cost of the Conflict. *Crisis Group Middle East/North Africa Report N°65*. 11 June 2007. Pp. 13–14. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/western-sahara/western-sahara-cost-conflict>

ный секретарь Фронта и президент САДР⁹⁴ Брахим Гали, занявший этот пост в 2016 г. после ухода из жизни Мухаммеда Абдельазиза. В 1976–1991 гг. он был министром обороны САДР, а затем представлял ее интересы в Испании и служил послом в Алжире.

Наконец, САДР, имеющая все внешние признаки современной политической системы, выполняет три ключевые функции. Во-первых, своим существованием она создает основу для интерпретации конфликта как межгосударственного противостояния, одновременно формируя инструментарий для обретения международной поддержки. Во-вторых, имея разветвленную структуру, она осуществляет административные функции на подконтрольных территориях и занимается перераспределением гуманитарной помощи. Наконец, в-третьих, — создает платформу для консолидации социальных групп, не принадлежащих к ргибат.

Приходится констатировать, что избранная ПОЛИСАРИО стратегия привела к ослаблению организации. Если к 1991 г. она смогла добиться решения о референдуме, то затем замораживание конфликта лишило организацию единственного ее ресурса — возможности вести вооруженную борьбу. Вместе с этим, нарастающая зависимость от Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) и старение руководства снизили ее субъектность. В результате к настоящему времени число признающих САДР государств значительно снизилось, а реальные возможности по отвоєванию территории сошли на нет. Поэтому возобновление вооруженной борьбы в 2020 г. рассматривалось в основном в двух контекстах — во-первых, как производная от алжиро-марокканских трений⁹⁵, во-вторых, как инструмент консолидации власти руководством ПОЛИСАРИО.

Нарастающая зависимость ПОЛИСАРИО от Алжира приводит к тому, что в глазах марокканцев организация и вовсе не имеет субъектности, играя роль исключительно алжирского прокси. В результате конфликт все больше воспринимается не как марокканско-западносахарский, а как марокканско-алжирский, что типологически его сближает, например, с карабахским конфликтом до последней эскалации.

Наконец, Алжир — косвенный, третий участник конфликта, позиция которого по Западной Сахаре остается неизменной на протяжении многих лет. Она основывается на принятых АНДР общих внешнеполитических принципах тьермондизма и антиколониализма. Если в последние годы правления Абдельазиза Бутефлики эти принципы становились все более формальными, а государство не было готово серьезным образом к вооруженной поддержке своих западносахарских союзников, то после 2019 г. ситуация

⁹⁴ Согласно ст. 51 Конституции САДР избирающийся на партийном съезде ПОЛИСАРИО прямым тайным голосованием генеральный секретарь становится и президентом САДР. См. подробнее: The Constitution of the Sahrawi Arab Democratic Republic // The Law on Police Use of Force Worldwide.
URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Constitution_of_the_Sahrawi_Arab_Democratic_Republic.pdf

⁹⁵ Василенко А. Невыносимая близость. К вопросу об алжиро-марокканских отношениях // РСМД. 18.10.2023.
URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nevynosimaya-blizost-k-voprosu-ob-alzhir-marokkanskih-otnosheniyakh/>

изменилась. Антимарокканский дискурс при Абдельмаджиде Теббуне стал одним из доминирующих в алжирском информационном поле.

Из внешних акторов наибольшую роль в западносахарском вопросе в настоящее время играют США, Франция и Испания. Ни для кого из них западносахарский конфликт не является первостепенным, однако США, европейские государства и ЕС как политическое объединение склонны использовать его для оказания давления на своих основных партнеров из стран Магриба.

После признания суверенитета над Западной Сахарой со стороны США в первую каденцию Дональда Трампа, которое стало, по сути, составной частью Соглашений Авраама, союзники Вашингтона также стали все более активно проводить промарокканскую линию. В 2024–2025 гг. наметилась тенденция к франко-марокканскому сближению, важной частью которого стало и изменение позиции Парижа по Западной Сахаре. В частности, в своем письме королю Мухаммеду VI в июле 2024 г. Эммануэль Макрон отметил: «Для Франции настоящее и будущее Западной Сахары вписано в рамки марокканского суверенитета»⁹⁶.

На этом фоне несколько выделяется позиция симпатизирующей западносахарцам Испании, которая в 2024 г., напротив, вернулась к «исторической позиции активного нейтралитета», отказавшись от проводившейся с 2022 г. правительством Педро Санчеса промарокканской линии⁹⁷. Этот шаг Мадрида, в свою очередь, был направлен, как представляется, на сближение с Алжиром.

Таким образом, можно видеть, что в долгосрочной ретроспективе структура конфликта постепенно трансформировалась: по мере снижения политического влияния и боеспособности ПОЛИСАРИО и усиления позиций Рабата, конфликт все в большей степени становился производной от алжиро-марокканских отношений. Одновременно с этим наблюдается постепенная маргинализация западносахарской проблемы на глобальном и региональном уровне.

Механизмы урегулирования и их правовая основа

Нараставшая с 2016 г. военная напряженность между двумя сторонами в районе маленькой деревеньки Гергерат, через которую марокканцы прокладывали шоссе в Мавританию, в ноябре 2020 г. вылилась в полноценный конфликт. 13 ноября 2020 г. Марокко объявило о проведении там военной операции, как заявлялось, с целью пресечь провокации ПОЛИСАРИО, а на следующий день ПОЛИСАРИО объявило о прекращении перемирия, действовавшего с 1991 г. С того момента и до сих пор между двумя сторонами продолжают вооруженные действия невысокой интенсивности с

⁹⁶ Марокко и Франция расширяют сотрудничество в Западной Сахаре (на фр. Le Maroc et la France accentuent leur coopération au Sahara occidental) // Le Point. 11.03.2025. URL: https://www.lepoint.fr/afrique/le-maroc-et-la-france-accentuent-leur-cooperation-au-sahara-occidental-11-03-2025-2584491_3826.php

⁹⁷ Западная Сахара: Конгресс Испании голосует за восстановление исторического положения Мадрида (на фр. Sahara occidental: le Congrès espagnol vote en faveur du rétablissement de la position historique de Madrid) // Algérie Presse Service. 20.06.2024. URL: <https://www.aps.dz/monde/172323-sahara-occidental-le-congres-espagnol-vote-en-faveur-du-retablissement-de-la-position-historique-de-madrid>

небольшим количеством жертв. Обращает на себя внимание, что за пять лет (2020–2024 гг.) регулярного противостояния сам характер боевых действий постепенно менялся — обе стороны начали использовать БПЛА, западносахарцы, по некоторым данным⁹⁸, переняли у ХАМАС тактику строительства подземных укреплений, а марокканцы, в свою очередь, позаимствовали у израильтян методы «подземной войны». В 2023 г. на очередном конгрессе ПОЛИСАРИО участники высказались за продолжение вооруженной борьбы. Впрочем, реальные возможности ПОЛИСАРИО нанести существенный ущерб Марокко представляются очень ограниченными.

Параллельно идет процесс на дипломатическом треке. Здесь в течение последних пятидесяти лет по вопросу урегулирования была наработана довольно внушительная база документов. Представляется, что среди всего их многообразия значимость сохраняют три основных.

Прежде всего, это Консультативное заключение Международного Суда от 16 октября 1975 г.⁹⁹, согласно которому не существует оснований считать, что «Марокко осуществляло какие-либо реальные исключительные государственные властные функции в Западной Сахаре» в период колонизации этой территории Испанией. В то же время существуют доказательства того, что «в соответствующие периоды между султаном и некоторыми, — но лишь некоторыми — кочевыми племенами территории через посредство кайдов Текна района Нун существовали отношения лояльности», «султан осуществлял некоторые властные функции по отношению к этим племенам и оказывал влияние, а другие государства признавали наличие этих властных функций и влияния»¹⁰⁰. Если из первого тезиса для сторонников ПОЛИСАРИО логически вытекало право народа на самоопределение, то второй, по мнению марокканской стороны, вполне мог использоваться для восстановления некогда существовавших «отношений лояльности», проявлением чего и стал известный «зеленый марш» 6 ноября 1975 г.

Помимо консультативного заключения свою важность сохраняет серия резолюций Ассамблеи глав государств и правительств Организации африканского единства (АНГ/Res. 104 (XIX)¹⁰¹ и др.), Генеральной Ассамблеи ООН (40/50 (1985)¹⁰² и др.), Совета Безопасности ООН (621 (1988)¹⁰³, 690 (1991)¹⁰⁴

⁹⁸ Маневры «Африканский лев»: часть подготовки сил специального назначения (на араб. منورات الامس الافريقي : جانب من تدريبات القوات الخاصة) // YouTube. 01.06.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=SJq-L5l6eXA>

⁹⁹ Западная Сахара. Консультативное заключение от 16 октября 1975 года. Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного суда (1948–1991). Нью-Йорк: ООН, 1993. С. 125–128.

¹⁰⁰ Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН 1948 — 1991 // ООН. С. 127. URL: https://legal.un.org/icsjsummaries/documents/russian/st_leg_serf1.pdf

¹⁰¹ АНГ/Res. 104 (XIX). Resolution on Western Sahara // African Union. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/ahg-res-104-xix-e.pdf>

¹⁰² Резолюции Генеральной Ассамблеи, принятые по докладом Четвертого комитета. 40/50 Вопрос о Западной Сахаре // ООН. С. 341. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/40/50>

¹⁰³ Резолюция 621 Совета Безопасности ООН от 20 сентября 1988 г. // ООН. С. 20. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/621\(1988\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/621(1988))

¹⁰⁴ Резолюция 690 Совета Безопасности ООН от 29 апреля 1991 г. // ООН. С. 49. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/690\(1991\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/690(1991))

и др.), согласно которым вопрос о будущем Западной Сахары должен быть решен в результате референдума. Для его проведения была создана специальная Миссия ООН (МООНРЗС), полномочия которой ежегодно продлеваются. Сама идея референдума создавала основные правовые рамки урегулирования, и предлагавшиеся в 1990-х и в начале 2000-х гг. конкретные проекты отталкивались именно от нее.

Проблема с проведением референдума с самого начала была очевидна. Если Фронт ПОЛИСАРИО и его союзники полагали, что участие в нем должны принимать только участники переписи 1974 г. и их потомки (после этого перепись не проводилась), то марокканцы полагали, что участниками должны быть все жители территорий, включая и тех, что переселились туда после «Зеленого марша». Тупик с организацией референдума подтолкнул к выдвиганию альтернативных предложений, в том числе так называемых планов Бейкера I (2000)¹⁰⁵ и II (2003)¹⁰⁶, в рамках которых впервые была выдвинута идея об автономизации территории. Несмотря на то, что ни первый, ни второй планы не были приняты, именно они легли в основу выдвинутого Марокко в 2007 г. предложения о создании автономии.

В Приложении к письму постоянного представителя Марокко на имя председателя СБ ООН от 11 апреля 2007 г.¹⁰⁷ говорится об «автономии для Сахары» в рамках «суверенитета и национальной целостности Королевства». Автономия касается местного управления, работы полиции и судебных органов, экономического развития, формирования бюджета и налогообложения, управления инфраструктурой, социальным сектором, вопросами культуры и защиты окружающей среды. Предполагается, что налоги, пошлины и местные сборы, поступления от эксплуатации природных ресурсов и других активов, а также субсидии от центрального правительства будут расходоваться на нужды Сахары. В то же время в исключительной компетенции Рабата останутся вопросы, связанные с атрибутами суверенитета, конституционными и религиозными прерогативами короля, национальной безопасности, обороны и защиты территориальной целостности, судебная система и внешние сношения. В развитии внешних связей власти автономии также могут принимать участие. Кроме того, население автономии будет представлено в парламенте королевства и в других национальных органах власти. В самой автономии будет действовать собственный парламент и правительство, глава которого будет избираться парламентом.

¹⁰⁵ Annex I. Framework agreement on the Status of Western Sahara / Report of the Secretary-General on the situation concerning Western Sahara. United Nations Security Council S/2001/613 // UN. P. 11-12.

URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/framework20agreement20on20the20status20of20western20sahara2028baker20plan20i29.pdf>

¹⁰⁶ Annex II. Peace plan for self-determination of the people of Western Sahara / Report of the Secretary-General on the situation concerning Western Sahara. United Nations Security Council S/2003/565 // UN. P. 14-18.

URL: <https://peacemaker.un.org/sites/default/files/document/files/2024/05/peace20plan20for20self-determination20of20the20people20of20western20sahara2028baker20plan20ii29.pdf>

¹⁰⁷ Letter dated 11 April 2007 from the Permanent Representative of Morocco to the United Nations addressed to the President of the Security Council // UN. 2007. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/597424?ln=ru&v=pdf>

Реализация марокканского плана предполагала проведение референдума. В случае его положительного результата королевство обязывается провести амнистию и содействовать мерам по проведению «репатриации, разоружения, демобилизации и реинтеграции вооруженных элементов, находящихся за пределами территории»¹⁰⁸.

Естественно, этот план, предполагавший, в сущности, расформирование ПОЛИСАРИО и органов САДР без всяких гарантий дальнейшего участия их представителей во власти, противниками Марокко принят не был. При том, что по прошествии 19 лет марокканский план завоевывает все большую поддержку среди внешних акторов, сама внутренняя динамика конфликта пока что не создает никаких предпосылок для его реализации.

Сохраняющийся тупик уже в 2024 г. побудил спецпосланника Генерального секретаря ООН по Западной Сахаре Стефана де Мистуру выдвинуть предложение о разделении территорий, что, в сущности, означает правовое закрепление сложившегося статус-кво¹⁰⁹. Это предложение, однако, было категорически отвергнуто ПОЛИСАРИО, которое в случае его реализации рискует лишиться какой бы то ни было международной поддержки, обретая полноценное, но совершенно нежизнеспособное в экономическом отношении государство.

Таким образом, на дипломатическом уровне перспектив урегулирования конфликта не просматривается. Продолжение вооруженного сопротивления остается *modus vivendi* для ПОЛИСАРИО. В то же время у Рабата, как представляется, нет никакой мотивации к интеграции сил противника в существующие структуры управления.

В дальнейшем конфликт может развиваться по двум сценариям. Первый — инерционный — наиболее вероятен. Он предполагает продолжение редких боестолкновений с параллельным постепенным усилением позиций Марокко на дипломатическом поле и с периодическими инициативами по урегулированию конфликта под эгидой ООН. Возможности политического урегулирования в таком случае появятся после смены поколений лидеров в Алжире, Марокко или САДР.

Другой сценарий связан с эскалацией алжиро-марокканской напряженности с ее дальнейшим перетеканием в прямой конфликт. Для этого АНДР попытается модернизировать вооруженные силы САДР для более активного использования ресурсов своих союзников и организации сопротивления на подконтрольной Марокко территории. И хотя вероятность подобного сценария представляется предельно низкой, почти фантастической, само его наличие и огромные масштабы его потенциальных последствий для региональной подсистемы заставляют сегодня магрибинских акторов проявлять известную сдержанность.

¹⁰⁸ Letter dated 11 April 2007 from the Permanent Representative of Morocco to the United Nations addressed to the President of the Security Council // UN. 2007. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/597424?ln=ru&v=pdf>

¹⁰⁹ UN envoy proposes partition of Western Sahara between Morocco and Polisario // France 24. 17.10.2024. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20241017-un-envoy-proposes-partition-of-western-sahara-between-morocco-and-polisario>

Сирийский конфликт

Сухов Н.В.

К середине 2025 г. сирийский кризис перешел в качественно новую фазу. После краха режима Башара Асада в декабре 2024 г. к власти пришли силы, ранее относимые к джихадистской оппозиции. Формально централизованное государство уступило место сложной зонтичной джихадистской коалиции, во главе которой стоит группировка «Хайят Тахрир аш-Шам» (ХТШ)*. Она контролирует Дамаск и ключевые провинции, сформировав переходное правительство под руководством Ахмеда аш-Шараа.

Однако полной консолидации страны пока не происходит. Сирийские демократические силы, состоящие преимущественно из курдских формирований, удерживают северо-восток, а юг и восток страны остаются зоной активности повстанцев (например, «Джейш Магавир ас-Саура») и криминализированных структур. Происходит и внешнее перераспределение влияния: Россия существенно сократила свое присутствие, Иран утратил прежние позиции, а Турция и Катар нарастили поддержку новой власти. США, в свою очередь, сохраняют ограниченное военное присутствие, контролируя ключевые логистические маршруты.

Таким образом, Сирия в 2025 г. — это не просто зона продолжающегося конфликта, а пример конфликтной реорганизации с формированием нового авторитарного режима на исламистской основе. Он сохраняет относительную управляемость и стремится к международной легитимации.

Предпосылки текущей фазы сирийского конфликта (2023–2025 гг.)

Современная структура сирийского конфликта с доминированием ХТШ* и расплывленным управлением стала результатом не внезапного переворота, а накопленных системных проблем. К 2023 г. режим Башара Асада утратил устойчивость из-за экономического коллапса, обострения социального недовольства и деградации государственных институтов. Армия фактически распалась, а функции безопасности перешли к местным структурам.

Одновременно ослабла внешняя поддержка. Россия и Иран сократили участие в конфликте из-за собственных кризисов, а ИРИ дополнительно пострадала от израильских ударов по военной инфраструктуре в Сирии. США сохранили присутствие, но начали переговоры о выводе войск, вынуждая самопровозглашенную Автономную администрацию северо-восточной Сирии (ААСВС, также известную как Рожава) искать компромисс с новой властью. Турция и Катар усилили влияние на ХТШ*, вкладываясь в инфраструктуру и кадровые процессы. Саудовская Аравия и ОАЭ заняли выжидательную позицию, ограничившись контактами с умеренными силами.

Таким образом, к 2025 г. на первый план вышло не территориальное противостояние, а конкуренция режимов управления. Новый конфликт — это

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

борьба за способность обеспечивать порядок внутри и быть признанным извне.

Характеристика современного этапа сирийского конфликта

После падения режима Башара Асада конфликт в Сирии приобрел многополюсный характер: ни одна сила не контролирует страну полностью. Вместо прежнего противостояния «режим — оппозиция» возникла конкурентная борьба между новыми центрами власти. Правительство Ахмеда аш-Шараа контролирует большую часть территории и населения и выстраивает квазигосударственные структуры, ААСВС удерживает северо-восток. Отдельные районы контролируются изолированными протурецкими анклавами, которые сохраняют функциональную поддержку от Анкары. В южных и пустынных регионах сохраняют присутствие местные группировки, которые часто криминализованы.

После декабря 2024 г. центральным содержанием конфликта стала не борьба с Башаром Асадом, а соперничество внутри исламистского лагеря. ХТШ* под руководством Ахмеда аш-Шараа строит умеренно-исламистский технократический режим с элементами внешнего взаимодействия. Это вызвало резкую критику от радикальных салафитов и такфиристов, ярким проявлением которой стала фетва Абу аль-Макдиси, обвинившая Ахмеда аш-Шараа в отступничестве¹¹⁰. В результате произошел раскол среди джихадистских групп и всплеск насилия, включая нападение на российскую базу Хмеймим.

Главный водораздел теперь проходит между сторонниками управляемой исламской модели и сторонниками джихадизма в его наиболее жесткой и исключительной интерпретации. Фронтальные сражения уступили место точечным атакам, диверсиям и межгрупповым стычкам. Кроме того, возросла активность иностранных боевиков из Азии и с Кавказа, действующих автономно. Продолжаются межконфессиональные нападения, особенно в западных регионах Сирии. Массовое убийство алавитов в марте 2025 г. стало важной вехой — новые сирийские власти использовали его для репрессий и расширения территориального контроля.

В целом, насилие стало инструментом внутренней мобилизации, а не победы. Оно вспыхивает в ответ на идеологические противоречия, внешние сигналы и кризисы легитимности, фиксируя переход конфликта в институционализированную фазу.

Внутриполитическая конфигурация Сирии в 2025 г.

К 2025 г. внутренняя структура Сирии представляет собой дезинтегрированную, но управляемую систему. Центральная власть во главе с Ахмедом аш-Шараа формально установлена в Дамаске, однако ее реальная эффективность ограничена. Новое сирийское правительство сочетает офици-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹¹⁰ "Black mark" given to Syria's transitional president // Regional Anti-Terrorist Structure of the Shanghai Cooperation Organization. 25.05.2025. URL: https://ecrats.org/en/security_situation/situation/18564/

альные органы власти с теневой сетью влияния: через полевых командиров, финансируемых и организуемых Турцией, а также через структуры Катара — фонды, фирмы и консультативные каналы, которые через «ручные» НПО и бизнес-проекты поддерживают контроль на местах.

Вооруженный блок новой власти состоит из трех компонентов: бывшие силы ХТШ*, племенные ополчения и интегрированные радикальные фракции. Между ними отсутствует строгая вертикаль: полевые командиры сохраняют автономию, контролируют финансы, гуманитарную помощь и логистику. Помимо структур, связанных с новым сирийским правительством, в стране продолжают действовать разрозненные группы — остатки боевиков ИГИЛ*, такфиристские банды и преступные сети. Эти силы не подчиняются никому, действуют автономно и способны серьезно дестабилизировать ситуацию в стране.

По-прежнему важным остается курдский фактор. Сирийские демократические силы (СДС) контролируют северо-восток, но изолированы и политически уязвимы на фоне возможного вывода американских войск. Ведутся трудные переговоры с новой администрацией, где СДС настаивают на признании автономии, а центральная власть предлагает им включение в араб-исламский проект без гарантий самоуправления.

Ключевой вызов — идеологическое давление извне и изнутри. Фетва Абу аль-Макдиси вызвала раскол среди исламистов, часть которых отвергла власть Ахмеда аш-Шараа как «отступническую». Это усилило внутреннюю напряженность и спровоцировало серию атак на институты власти в медийном пространстве, а также нападения на правительственные учреждения.

Сирийский конфликт представляет собой хрупкий и нестабильный баланс между попытками централизовать власть, стремлением отдельных регионов к самостоятельности и глубокими идеологическими разногласиями внутри страны.

Внешний контур сирийского конфликта: фрагментация форматов и конкуренция интересов

В 2025 г. Сирия представляет собой арену пересекающихся внешних интересов, где окончание активной фазы гражданской войны не привело к устойчивому международному урегулированию. Возникла модель «конфликта интересов без конфликта правил», в которой все действуют по своим сценариям, без согласованных рамок, но и без прямой войны между собой. Это анархическая многополярность в миниатюре, где порядок поддерживается не законами и соглашениями, а силой, деньгами, связями и логистикой.

Турция играет наиболее активную роль в Сирии. С 2016 г. Анкара укрепляла свое влияние на севере страны, а с 2024 г. — фактически институционализировала его. Через турецкую Национальную разведывательную органи-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

зацию (MIT), гуманитарные сети и муниципальные органы власти Турция контролирует протурецкие анклавы. Анкара структурно внедрила турецкие образовательные, правовые, экономические и культурные стандарты на занятых территориях Сирии. Это глубокая интеграция включает образование на турецком языке, полицейско-судебные институты по турецким лекалам, экономику на турецкой валюте, культурную и религиозную политику, символику и топонимику, ориентирующуюся на Турцию, а также инфраструктуру, подключенную к турецким сетям.

В мае 2025 г. строительство новой турецкой базы в Джиср аш-Шугуре вызвало удар Израиля, обеспокоенного усилением исламистов. Турция стала гарантом устойчивости администрации Ахмеда аш-Шараа, включая охрану, логистику и организацию судов, поставок, а также возвращения беженцев. Северо-запад Сирии фактически включен в орбиту турецкого влияния в формате асимметричной интеграции, без прямого протектората.

США сохраняют ограниченное присутствие, концентрируясь на борьбе с ИГИЛ*, поддержке СДС и контроле над нефтяными ресурсами. Признание переходного правительства Ахмеда аш-Шараа администрацией Дональда Трампа и возобновление работы посольства в Дамаске в марте 2025 г. знаменуют корректировку внешней политики Соединенных Штатов, в том числе отмену санкций, введенных против Сирии. Однако Соединенные Штаты избегают вовлеченности в процесс послевоенного восстановления, ограничивая свое участие функцией внешнего гаранта безопасности и регионального сдерживания.

Катар усилил «мягкое» влияние. Через религиозные и гуманитарные проекты (в частности, *Qatar Charity*) Доха поддерживает шариатские суды, исламское образование, восстановление и обеспечение работы инфраструктуры в Сирии. Влияние Катара реализуется без создания анклавов или силовых институтов, но происходит в тесной связке с Турцией и сопровождается медиаподдержкой (*Al Jazeera*), которая легитимизирует власть Ахмеда аш-Шараа.

ОАЭ придерживаются прагматичной стратегии. Абу-Даби участвует в восстановлении инфраструктуры. В частности, был заключен контракт с компанией *DP World* на порт Тартус на 800 млн долл.¹¹¹ Кроме того, реализуются инфраструктурные проекты в Хомсе. При этом ОАЭ избегают политических точек влияния, а основой их подхода остается экономическая интеграция без политического участия.

После краха режима Башара Асада позиции России были скорректированы. Москва официально не признала новую власть, но перешла к осторожному взаимодействию, включая контакт между Владимиром Путиным и Ахмедом аш-Шараа. Россия сохраняет ограниченное военное присутствие — базу Хмеймим в Латакии и базу в Тартусе. Кроме того, осуществляются поставки

¹¹¹ DP World invests \$800 million in Tartus Port // Enab Baladi. 16.05.2025.
URL: <https://english.enabbaladi.net/archives/2025/05/dp-world-invests-800-million-in-tartus-port/>

зерна и топлива. При этом Россия пока не участвует в инфраструктурных или инвестиционных проектах новой администрации. Роль России на современном этапе заключается в наблюдении за ситуацией на местах, обеспечении материально-технического присутствия и сохранении точек влияния на случай возможного изменения обстановки.

Влияние Ирана в Сирии к 2025 г. было минимизировано. Под давлением израильских ударов и внутренних проблем Тегеран вывел КСИР и «Хезболлу» из страны. Израиль, в свою очередь, сосредоточился на ударах по складам и колоннам переходного правительства, опасаясь усиления исламистов в стратегически важных южных районах страны.

В этих условиях соседи Сирии перешли к стратегии ограниченного сдерживания и минимизации рисков. Иордания усилила контроль над границей, стремясь предотвратить проникновение радикальных групп и рост наркотрафика. Ливан ограничился предоставлением гуманитарной помощи и отказался от какого-либо политического вмешательства. Ирак сохранил роль транзитного узла между Ираном и шиитскими анклавами, не вмешиваясь в сирийскую динамику. В целом внешняя политика соседних государств в отношении Сирии в 2025 г. представляет собой дисперсную и конкурентную конфигурацию, лишённую согласованных механизмов. Порядок в стране обеспечивается не международным правом, а совокупностью ресурсов и логистических инструментов, включая внешние каналы снабжения и поддержки. Ни один актор не предлагает универсального и легитимного проекта устройства Сирии — вместо этого формируется архитектура точечной стабильности без устойчивого политического консенсуса.

Основные вызовы внешнего влияния

В 2025 г. внешнее вмешательство в сирийский конфликт не только не ослабевает, но приобретает все более фрагментированный и конкурирующий характер. Одним из ключевых вызовов остается отсутствие координации между основными внешними акторами. Особенно остро это проявляется в северо-восточных районах Сирии, где внешние силы борются за влияние как на территорию, населённую курдами и арабскими племенами, так и на политико-военную структуру СДС — коалиционную организацию, не совпадающую по составу и интересам с самим населением региона. Внешние силы — США, Турция — и переходная администрация Ахмеда аш-Шараа реализуют параллельные, несогласованные между собой стратегии в отношении этих акторов и пространств, что лишь усиливает напряженность и подрывает возможность выработки общей политической рамки.

Кроме того, происходит институционализация радикальных структур, таких как ХТШ*, что вызывает опасения у ООН, ЕС и отдельных арабских государств, а также ограничивает объёмы международной помощи. Помимо этого, сохраняется идеологическое и политическое соперничество в суннитском мире, которое проявляется в том числе в конкуренции

Турции и Катара с Саудовской Аравией и ОАЭ за лидерство в пост-асадовской Сирии.

Таким образом, внешние игроки не просто вмешиваются, а формируют политическую архитектуру Сирии. Но, поскольку их действия не согласованы, конфликт удерживается в режиме «замороженной дестабилизации» — без перехода к посткризисной модели.

Механизмы урегулирования и границы управляемости

Формы стабилизации опираются не на легитимные международные соглашения, а на локальные договоренности. Территориальное разграничение влияния стало результатом компромиссов между вооруженными группами, племенными лидерами и иностранными акторами. При этом каждая из вовлеченных держав сохраняет контроль над определенными районами.

Устойчивость этой системы основана на контроле потоков продовольствия, медикаментов, топлива, гуманитарной помощи. Распределение ресурсов регулируется через неформальные соглашения с местными властями и силовыми структурами. Таким образом, контроль над инфраструктурой становится равнозначным политической власти. Однако пределы этой управляемости уязвимы: конфликты между кланами, атаки на транспортные маршруты, конкуренция между протурецкими силами, межконфессиональные столкновения и удары Израиля указывают на сохраняющийся риск локальной хаотизации даже в относительно стабильных зонах.

Централизация власти в Сирии остается несостоявшимся проектом. Администрация Ахмеда аш-Шараа не имеет ресурсов для интеграции территорий, подвержена внешнему влиянию и лишена полноценной международной легитимности вне турецко-катарского блока и частичной поддержки США. Любые попытки усиления центральной власти вызывают сопротивление как внутри страны, так и со стороны выгодоприобретателей сложившегося статус-кво.

Таким образом, механизмы стабилизации в Сирии в 2025 г. основаны не на работе устойчивых государственных институтов, а на временных и гибких договоренностях между различными центрами власти. Такие договоренности позволяют поддерживать управляемость на местах, но не формируют единой стратегии долгосрочного политического развития.

Парадипломатия и контуры возможной нормализации

После консолидации власти Ахмеда аш-Шараа в Дамаске в 2025 г. начинается постепенное образование неформальных каналов внешнего взаимодействия. Турция и Катар выступают в роли политических и институциональных посредников, добиваясь признания новой реальности со стороны других государств и международных структур. При этом Саудовская Аравия, ОАЭ и Иордания сохраняют выжидательную позицию, устанавливая огра-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

ниченные связи с новой администрацией — через инфраструктурные и финансовые проекты, — но без официального признания. США обозначили готовность к снятию ряда санкций при выполнении определенных условий: разоружение радикальных групп, контроль за границами, координация с международными гуманитарными структурами. Однако ни одно из направлений не оформлено как полноценный международный формат — речь идет о точечной парадипломатии, основанной на прагматизме, а не на праве.

К 2025 г. механизмы урегулирования, созданные в 2012–2019 гг.: женевский формат, Конституционный комитет, резолюция СБ ООН № 2254¹¹², — утратили актуальность, так как они больше не соответствуют изменившейся структуре власти, идеологическому фону и интересам вовлеченных акторов. На смену классической дипломатии приходит система взаимодействий, в которой определяющими становятся не универсальные соглашения, а локальный контроль, инфраструктурные возможности и идеологическая совместимость.

Таким образом, дальнейшая международная динамика вокруг Сирии будет определяться не попытками восстановить прежние форматы, а созданием новой модели взаимодействия с фрагментированной, но институционально оформленной Сирией. Эта модель может включать гибкие каналы координации, секторальные партнерства и допущения политического признания без юридической формализации.

Призрачное будущее Сирии: сценарии, ограничения и фрагментарный суверенитет

К середине 2025 г. Сирия остается пространством глубокой фрагментации и столкновения интересов. Хотя в стране действует переходное правительство и его частичное признание расширяется, политическая консолидация остается недостижимой. Управление осуществляется в рамках параллельных режимов, каждый из которых функционирует в пределах своих территорий и основан на специфических ресурсах — военных, логистических, гуманитарных, религиозных.

Южная Сирия, особенно провинция Сувейда, демонстрирует отчетливое стремление к общинной автономии. Друзские силы самообороны отвергают контроль центральных властей, не провозглашая сепаратизма, но настаивая на невмешательстве в их внутренние дела. Столкновения в мае 2025 г. усилили напряженность, а заявления лидеров друзов зафиксировали отказ от силового сценария интеграции.

Израиль сохраняет контроль над Голанскими высотами и зоной Кунейтра, реализуя стратегию буферизации — предотвращения присутствия радикальных или проиранских сил у границ. С 2024 г. ЦАХАЛ ведет регулярные превентивные операции, включая удары по объектам, связанным с ХТШ* или другими группами, рассматриваемыми как угроза. Израиль подчерки-

¹¹² Резолюция 2254 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7588-м заседании 18 декабря 2015 года // ООН. 18.12.2015. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/2254\(2015\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/2254(2015))

вает приоритет защиты религиозных меньшинств (в частности, друзов и христиан), сочетая информационный мониторинг с эпизодической гуманитарной поддержкой.

На макроуровне формируется многоформатная конкуренция сценариев. Турция и Катар продвигают проект институционализации переходной власти как умеренно-исламской администрации с центром в Дамаске и на северо-западе. США, в свою очередь, поддерживают курдскую автономию и ограниченное присутствие коалиции в восточных районах, при этом Израиль реализует сценарий защиты анклавов, не вмешиваясь в общенациональное устройство. ОАЭ и Саудовская Аравия развивают связи с Дамаском путем участия в экономических проектах, избегая политических и военных обязательств.

На этом фоне новое сирийское руководство действует в парадигме функционального суверенитета — контролируя столицу, ограниченные регионы и внешнюю политику, но не обладая ресурсами для территориальной консолидации. Будущее Сирии остается призрачным не из-за отсутствия власти, а из-за неспособности сконцентрировать ее в едином центре. Фрагментированный суверенитет удерживается за счет внешнего патроната, но уязвим к внутренним конфликтам, внешнему давлению и новым волнам радикализации. Такая модель обеспечивает краткосрочную стабильность, но не формирует устойчивого проекта национального единства.

Основные тенденции и динамика сирийского конфликта

Администрация Ахмеда аш-Шараа, преодолев джихадистское происхождение, выстроила устойчивую систему управления с функционирующими министерствами, налоговой службой, полицией и судами. Это обеспечивает стабильность не только силой оружия, но и административными механизмами.

Несмотря на формальный контроль центра, в управляемых им регионах сохраняется высокая степень местной самостоятельности. Полевые командиры, племенные лидеры и советы принимают решения автономно, что угрожает внутренней целостности системы. Критика со стороны радикальных деятелей (например, Абу аль-Макдиси), активизация такфиристских групп и обвинения сирийских властей в отходе от шариата свидетельствуют о нарастающем расколе среди исламистов и возможной радикализации части движений.

В условиях возможного вывода войск США СДС возобновили контакты с Дамаском. При сохранении тренда возможен компромисс, который будет выражаться в том, что территория, подконтрольная ААСВС, станет автономией в составе единой Сирии с элементами исламского правового порядка.

Ни одна из внешних сторон — включая Турцию, США, Россию или ООН — не демонстрирует готовности к прямому вмешательству в ситуацию в Сирии или навязыванию формального урегулирования. Это способствует сохра-

нению текущей фрагментированной, но относительно стабильной архитектуры.

Радикальные группы теряют влияние по мере того, как прагматичная власть ХТШ* демонстрирует способность к поддержанию порядка. Сценарий радикального мятежа возможен, но не преобладает — из-за слабости идеологического консенсуса среди исламистов и наличия у новой администрации ресурсов контроля.

Международная изоляция не мешает локальной стабильности. Даже без формального признания власть может функционировать на основе ограниченных, прагматичных контактов с внешними акторами, включая Катар и Турцию. Развитие событий делает изоляцию нового режима маловероятной — слишком значимы потенциальные выгоды, которые могут получить внешние акторы за участие в восстановлении экономики Сирии, и слишком низок порог неприятия США, странами ЕС и арабскими странами нарушений прав человека.

При этом существуют внутренние барьеры для федерализации страны. Возможные автономии в составе Сирии требуют высокой степени кооперации между акторами с разной идеологией и историей конфликта. Это трудно достижимо в условиях продолжающегося недоверия и отсутствия единой легитимной платформы.

Устойчивость описанного сценария возможна лишь при условии поддержания управляемости на местах. Углубление локальной автономии, рост влияния полевых командиров или «идеологическая эрозия» могут привести к внутреннему коллапсу и вспышке радикального мятежа.

Мозаичная модель стабилизации ситуации в Сирии не предполагает полной институционализации. Некоторые регионы могут остаться вне реального контроля, функционируя как полуавтономные анклавы.

Радикальные элементы не исчезнут, но будут вытеснены в маргинальные зоны, где функциональная бесполезность делает их изолированными. В то же время угроза от них сохранится как фактор внутренней и внешней политики.

Выводы

Подводя итоги, необходимо отметить, что сирийский конфликт к 2025 г. представляет собой не классическую «горячую» гражданскую войну, а сложную систему конфликтной реорганизации, в которой насилие и конкуренция не исчезли, но форма, структура и предмет противостояния кардинально изменились. Его эволюция от конфликта между централизованным режимом и разрозненной оппозицией к многоуровневой борьбе за институционализацию власти, легитимность и ресурсы в условиях обрυσенной государственной модели демонстрирует уникальный сценарий постреволюционного укоренения радикальной организации в качестве управляющего центра.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

Главная особенность текущего этапа заключается в том, что военное доминирование не превратилось в политическую монополию. Администрация Ахмеда аш-Шараа, основой которой стало движение ХТШ*, контролирует Дамаск и ряд ключевых провинций. При этом она пока демонстрирует высокую административную адаптивность, однако вынуждена балансировать между идеологическим давлением внутри исламистского лагеря, локальной автономией полевых группировок и требованиями внешних акторов.

В результате конфликт не разрешен, но и не эскалирует в прежнем смысле. Основной риск кроется не в вооруженном противостоянии, а в ряде других факторов. Например, это касается «эрозии идеологического консенсуса» внутри новой власти, что в особенности связано с давлением такфиристской критики. Кроме того, существует проблема, связанная с отсутствием согласованных международных подходов к признанию или непризнанию новой власти, а значит, исход переговоров с курдской администрацией и друзскими общинами пока остается непредсказуемым. Особенно сильное влияние на ситуацию оказывают социальная деградация и гуманитарный кризис в экономически разрушенных районах по всей Сирии.

В сложившихся условиях внешним акторам следует не столько стремиться к разработке универсального плана урегулирования, сколько адаптироваться к фактической конфигурации власти, включающей нестандартные институты и фрагментированные нормы. Отказ от признания этой новой реальности чреват повторением ошибок прошлого — недооценкой изменений на местах и попытками применять устаревшие дипломатические подходы.

Йеменский кризис

Серебров С.Н. Структура йеменского кризиса формировалась поэтапно на протяжении всего периода после объединения в мае 1990 г. двух государств — Йеменской Арабской Республики (ЙАР) и Народной Демократической Республики Йемен (НДРЙ) — в единое унитарное государство. Обе республики пришли к объединению с тяжелым грузом собственных внутренних социальных и политических проблем. Власти рассчитывали, что формирование единого государства позволит создать новую парадигму развития. Но этого не произошло — демократические институты власти, многопартийная система и прямые всеобщие выборы президента, впервые введенные конституцией нового государства, не стали препятствием для прихода к власти консервативной коалиции, стоявшей у власти в ЙАР.

Партнерство партий Всеобщий народный конгресс (ВНК) и «Ислах» в считанные годы после того, как в 1994 г. они одержали верх над бывшей партией власти НДРЙ — Йеменской социалистической партией (ЙСП), перешло в соперничество. Религиозная реформа по «салафизации» населения, которую курировало исламистское крыло партии «Ислах» (йеменский филиал «Братьев-мусульман»*), превратилась в инструмент политической борьбы, раскачивая режим президента Али Абдаллы Салеха (1947–2017).

Последствия конфликта на юге Йемена проявились в концепте «южной идентичности», который пришел на смену представлениям о единой йеменской идентичности, продвигавшимися республиканскими режимами ЙАР и НДРЙ до объединения. Он лег в основу идеологии «южного национализма», противопоставившего «южный» социум «северному».

Параллельно в северных зейдитских провинциях Йемена такфиристские практики «реформаторов» вызвали аналогичную защитную реакцию со стороны зейдитской молодежи. Салафитскому прозелитизму международного учебного центра «Дар аль-Хадис» в городе Даммаг зейдитская интеллектуальная элита противопоставила движение «Шабаб аль-Мумин», прославлявшее исторические заслуги йеменцев перед миром ислама. Его возглавил бывший депутат парламента от провинции Саада, сейид Хусейн аль-Хуси (1959–2004), который в 2001–2002 гг. выступил с циклом лекций, заложивших фундамент нового учения современного политического ислама, известного как «хусизм». Милитаристскую экспансию США после оккупации Ирака 2003 г. сейид Хусейн аль-Хуси счел сигналом к мобилизации арабо-мусульманского мира для отражения неизбежных следующих волн экспансии, направленных на захват его ресурсов через лишение идентичности. Во внутренней политике хуситское движение придерживалось исключительно конституционных методов: религиозную реформу и партию «Ислах» предлагали лишить государственных привилегий, а из отношений с США предлагали исключить сферу государственной безопасности.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

В 2004 г. президент Али Абдалла Салех объявил хуситам войну за отказ от прекращения скандирования ими в мечетях Саны слогана «Смерть Америке! Смерть Израилю! Проклятие евреям! Победа исламу!», ставшего маркером движения и выражением квинтэссенции политических идеологем хусизма¹¹³. Кровавые и крайне неудачные для власти саадские войны в 2004–2010 гг., гибель авторитетного лидера хуситского движения в 2004 г. ослабили режим и вызвали приток представителей вооруженных племен и последователей из других слоев населения в ряды хуситского сопротивления.

В 2011 г. Йемен стал одним из крупнейших очагов волны социальных взрывов, охватившей регион в рамках событий «арабской весны». Несмотря на спонтанность и отсутствие организующего ядра, массовые протестные выступления молодежи во всех йеменских городах в феврале 2011 г. имели все признаки подлинной социальной революции. События в Йемене не привели к смене правящего режима и приняли форму уникального международного мирного транзитного плана — Инициативы Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), запущенной 23 ноября 2011 г. под эгидой постоянной миссии Генерального секретаря ООН. Согласно этому плану, выработка основы новой конституции делегировалась Конференции по национальному диалогу, проходившей в Сане с марта 2013 г. по январь 2014 г.

Кураторы проекта фокусировали повестку конференции на обе проблемы — «южный» и «хуситский» вопросы, тем самым показывая приоритет эндогенной проблематики йеменского кризиса в период транзита. Оба движения — «Хирак» и принявшие название «Ансаралла» хуситы — стали полноправными участниками процесса. Привнесенным извне элементом транзита можно считать лишь проект реформы государственного устройства в направлении децентрализации и федерализации государства в качестве панацеи для решения упомянутых проблем.

Уникальной чертой йеменского транзита стало также сохранение президентом Али Абдаллой Салехом должности председателя партии власти ВНК после плановой передачи им поста президента своему заместителю — временному президенту Абд Раббо Мансуру Хади в феврале 2012 г. Покушение на Али Абдаллу Салеха в июне 2011 г. сделало бывших партнеров и конкурентов — ВНК и «Ислах» — настоящими политическими антагонистами. Это же покушение оставило руководство последней в 2014 г. без главной социальной опоры — конфедерации племен хашед, к которой принадлежал также и сам президент.

Новый альянс с участием ВНК и движения «Ансаралла», сложившийся в 2014 г., нанес политическое поражение партии «Ислах», чей духовный лидер считал революцию предвестником приближающегося халифата.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹¹³ Боков Т.А. Йеменское хуситское движение: причины возникновения, формирование и развитие в 2002-2010 гг. Автореферат диссертации. С.-Пб, 2024. С. 162.

Подписанный президентом Абд Раббо Мансуром Хади 21 сентября 2014 г. и одобренный СБ ООН «Договор о мире и национальном участии» позволил ему перенести опору своего режима с партии «Ислах» на новый альянс и сформировать новое технократическое правительство Халеда Бахаха в декабре 2014 г.

Первый сигнал неблагополучия временного президента Абд Раббо Мансура Хади появился лишь в конце января 2015 г., когда тот добровольно подал прошение об отставке. Мирный проект закончился драматическим срывом в марте 2015 г., получившим множество интерпретаций со стороны разных акторов. Версия «хуситского переворота» в результате была закреплена принятыми после начала военной интервенции Арабской коалиции 26 марта 2015 г. актами СБ ООН и легла в основу последующего йеменского дискурса, встроенного уже не в эндогенную проблематику конфликта, а в контекст геополитического соперничества КСА и Ирана.

Военная кампания Арабской коалиции в Йемене затянулась на семь лет, прежде чем вступила в режим устойчивой дезэскалации в апреле 2022 г. В октябре 2023 г. произошла трансформация йеменского кризиса в новое качество — вооруженный комбинированный конфликт надрегионального уровня, сочетающий элементы регионального и глобального ранга. Наблюдается прямая увязка всей сложной динамики, накопленной йеменским кризисом ранее, с ситуацией в зоне палестино-израильского конфликта и войной Израиля в секторе Газа. Ведущими акторами сначала стали США и Великобритания, создавшие в декабре 2023 г. ядро международной морской коалиции для подавления антиизраильского активизма «хуситов», а затем и сам Израиль.

Летом 2015 г. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун сравнил йеменский кризис с «тикающей бомбой», которая может взорваться, если не удастся прекратить его путем политического урегулирования на ранних стадиях¹¹⁴.

Дискуссия о причинах нового военного этапа йеменского кризиса звучит в широком диапазоне: от угроз безопасности судоходству в Красном море со стороны «хуситов» и Израилю со стороны «Оси сопротивления» во главе с Ираном до прямо противоположных обвинений США и Израиля в агрессивной политике и создании помех правовому урегулированию конфликта в секторе Газа. Для целей исследования анатомии йеменского кризиса важно констатировать другой аспект этой проблемы — хронические сбои в его урегулировании, как правило, обусловленные военно-политическими вмешательствами извне. С осени 2023 г. по инициативе непризнанных властей Саны началось обратное встраивание всей утратившей грани деления на внутреннюю и внешнюю проблематики йеменского кризиса в межэтнический и межконфессиональный конфликт более высокого уровня, расположенный в другой части региона. Тем не менее такая увязка через идео-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹¹⁴ In Geneva, Ban says international community has 'obligation to act' for Yemen peace // United Nations. 15.06.2015. URL: <https://news.un.org/en/story/2015/06/501662>

логический конструкт йеменского происхождения не выглядит чужеродной. Не выходя из опалы с 2004 г., «хусизм» предстал на новом этапе кризиса в образе манифестации политической воли истерзанного многолетними конфликтами, но сохранившего боевой дух большинства населения страны. Этот факт вновь наглядно подтверждает давно известный тезис о неприменимости силовых методов к йеменскому урегулированию.

Неординарности всей ситуации в зоне йеменского кризиса на новой военно-политической стадии придавала избирательная и «мерцающая» в зависимости от настроений администрации США¹¹⁵ квалификация хуситов в качестве международных террористов. Региональные акторы в зависимости от обстоятельств то признавали, то игнорировали такой статус «Ансараллы». Обвинения в адрес хуситов создали правовую дилемму в отношении определения статуса второго участника коалиционного режима, утвердившегося в Санае в августе 2016 г. — ядра партии ВНК. Непризнанный режим контролирует около 30% территории, где сосредоточено свыше 70% населения Йемена. Участие «Ансараллы» и ВНК на равных позициях в полностью восстановленном формате органов власти оставило открытым вопрос: как США определяет причастность к терроризму партии ВНК. На момент формирования правительства национального спасения в Санае она сохранила тот же кадровый костяк во главе с бывшим президентом Али Абдаллой Салехом, с которым США находились в стратегическом партнерстве почти 10 лет до событий 2011 г. В Высшем политическом совете — руководящем органе власти Саны, состоящем из 10 членов, — по пять членов от ВНК и «Ансараллы». Пост главы государства неизменно принадлежал представителю последней, но посты премьер-министра, министра иностранных дел и глав некоторых силовых ведомств и армейского командования в основном занимали именно члены ВНК.

Другая дилемма связана с требованием резолюции СБ ООН № 2216 к движению «Ансаралла» сдать тяжелое вооружение и покинуть Сану, т.е. капитулировать. Учитывая коалиционную природу правящего в Санае альянса, непонятно, распространяется ли то же требование нормативного акта на участвующее в этом режиме ядро партии ВНК, традиционно контролировавшее армию и спецслужбы.

Основные причины перехода йеменского кризиса в новое качество в октябре 2023 г. заключались, вероятно, в следующем: 1) устаревание нормативной базы ООН по урегулированию; 2) неадекватность конструкта «прокси» при анализе вооруженного конфликта с участием Арабской коалиции, что вовлекло Йемен в конфликт между КСА и Ираном; 3) соперничество большого числа разноуровневых иностранных претендентов за влияние в Йемене при игнорировании прав йеменцев на суверенитет.

¹¹⁵ В январе 2021 г. покидавший пост президента Дональд Трамп включил хуситов в список международных террористов, а новый президент Джо Байден в феврале исключил, после чего в январе 2024 г. опять включил. Свой следующий срок в январе 2025 г. Дональд Трамп начал с повышения ранга угрозы хуситов до «международной террористической организации».

Перед встраиванием йеменского кризиса в палестино-израильский конфликт сформировались два подхода к его урегулированию: 1) официальный, но не работоспособный и 2) прагматичный, который не устраивает ряд внутренних и, в особенности, внешних могущественных акторов. Первый подход был задан резолюцией СБ ООН № 2216, формально ставшей нормативной базой деятельности миссии ООН и ориентированный на военное решение «хуситской проблемы» — доведение силового нажима на непризнанный режим Саны до полной капитуляции «Ансараллы». Второй подход, возникший почти сразу после начала войны в марте 2015 г., исходил от экспертного сообщества, во многом согласного с критикой проекта резолюции № 2216 российским постоянным представителем в СБ ООН (2006–2017) Виталием Чуркиным¹¹⁶. Он основан на учете йеменских реалий, а не желаний иностранных акторов, и уже давно стал практическим ориентиром работы действующего главы миссии ООН в Йемене Ханса Грундберга. Подход включает два основных элемента: содействие скорейшему прекращению иностранного военного вмешательства в йеменский кризис и запуск политического всеобъемлющего мирного переговорного процесса в йеменском инклюзивном формате под эгидой ООН. Этот сценарий зажег «зеленый свет», в частности, оманскому треку и режиму деэскалации, начавшемуся с апреля 2022 г.

Режим деэскалации и оманский трек прямых переговоров Эр-Рияда с Саной об условиях завершения войны стали главным итогом многолетнего конфликта в Йемене и одним из наиболее важных достижений политики реформ наследного принца КСА Мухаммеда бен Салмана Аль Сауда. Этому развороту в сторону деэскалации в зоне йеменского кризиса предшествовали либеральные реформы в КСА, с 2017 г. затронувшие религиозную сферу. Кроме того, угрожающая динамика военного конфликта в Йемене, создавшая помехи стратегии КСА на достижение лидерства в рамках концепции «Видение — 2030», и ревизия подходов к системе региональной безопасности с участием Ирана также могли повлиять на изменение позиции королевства.

Интеллектуальную основу разворота КСА в сторону деэскалации составило научное издание авторитетного Центра исследований и исламоведения им. короля Фейсала (*KFCRIS*) «Хуситское движение в Йемене: идеология, амбиции и безопасность»¹¹⁷, вышедшее в свет в 2022 г. Большинство статей в нем написано представителями разных западных школ востоковедения и центров йеменских исследований¹¹⁸, пришедшими к общему выводу о беспочвенности концепции «прокси» применительно к движению «Ансаралла». По их мнению, сам этот конструкт гораздо больше способствовал развитию отношений режима Саны с Ираном и «Осью сопротивления» в годы воен-

¹¹⁶ Security Council Demands End to Yemen Violence, Adopting Resolution 2216 (2015), with Russian Federation Abstaining // UN. 14.04.2015. URL: <https://press.un.org/en/2015/sc11859.doc.htm>

¹¹⁷ Abdullah Hamidaddin. *The Huthi Movement in Yemen: Ideology, Ambition and Security in the Arab Gulf*. London: Bloomsbury Publishing, 2022.

¹¹⁸ Главным редактором книги выступил помощник генерального секретаря Центра доктор Абдулла Хамидаддин, авторами в том числе Б. Хайкель (Принстон), М. Брандт (австрийский ISA), Э. Ардемани (итальянский ISPI) и др.

ного конфликта, чем априори вынесенный ей перед его началом приговор в обслуживании интересов Тегерана.

Разумеется, эти «открытия» издания не делали отношения КСА и «Ансараллы» дружественными. Но снятие с движения клейма «вражеского агента» позволяло сторонам сесть за стол переговоров и вернуть «хуситскую проблему» в повестку всеобщего урегулирования йеменского кризиса.

Режим устойчивой дезэскалации получал поддержку миссии ООН, встречая параллельно серьезное противодействие со стороны опасавшихся снижения своего статуса множества конкурирующих между собой центров политического влияния в лагере международно признанного правительства Йемена. В апреле 2022 г. президент Абд Раббу Мансур Хади передал бразды правления Руководящему президентскому совету во главе с новым президентом международно признанного правительства Йемена Рашадом аль-Алими. В этот совет были кооптированы и лидеры всех конкурирующих центров политического влияния. С другой стороны, сопротивление оказывали и США, поддерживавшие их недовольство из опасений перехвата инициативы в йеменском урегулировании региональными акторами.

Два официальных визита, которыми обменялись Эр-Рияд и Сана в апреле и сентябре 2023 г. после нормализации отношений КСА и Ирана при посредничестве Пекина в марте, существенно разнились по атмосфере переговоров. Энтузиазм явно шел на спад, усиливая неуверенность Саны в сроках и итогах переговоров. Если бы соглашение о «дорожной карте» в рамках оманского трека, декларированное Хансом Грундбергом 23 декабря 2023 г.¹¹⁹, было бы достигнуто раньше, то новой эскалации йеменского кризиса, вероятно, могло бы и не случиться, или оно приняло бы гораздо менее агрессивные формы. Новый этап военной стадии йеменского кризиса охватывает период с 7 октября 2023 г. по 6 мая 2025 г. и распадается на три фазы. Режим дезэскалации на линии военного соприкосновения сил Арабской коалиции и Санского альянса остался в силе, хотя по всем остальным трекам этот процесс заметно деградировал, из-за чего гуманитарная и экономическая ситуация встала на грань коллапса.

Следует отметить, что инициатива объединения повестки йеменского кризиса с ситуацией в зоне палестино-израильского конфликта исходила исключительно от непризнанного режима Саны. Она не имела ничего общего с политикой официальных властей Йемена, которая выражалась в поддержке резолюций саммитов международных организаций, Лиги арабских государств (ЛАГ) и ОИС. Эти организации осуждали Израиль за геноцид палестинского населения сектора Газа, но ставили на первое место задачу предотвращения эскалации конфликта.

Толчок для перехода к новому этапу йеменского кризиса дала внезапная вылазка боевиков ХАМАС 7 октября, названная «Тоуфан аль-Акса» («Потоп

¹¹⁹ Yemen warring parties agree to implement new ceasefire: UN // Middle East Eye. 23.12.2023.
URL: <https://www.middleeasteye.net/news/yemen-warring-parties-agree-implement-new-ceasefire-un>

Аль-Аксы» — араб.), и крупномасштабная, хорошо подготовленная военная операция армии Израиля в Газе «Железные мечи». Во время первой фазы с 7 октября по 18 декабря 2023 г. лидеры «Ансараллы» завладели полной инициативой в определении внутренней и внешней политики непризнанного режима Саны, совершив качественный прорыв в унификации его идеологической базы на платформе хуситского учения. Палестинская тема и прежде занимала немалое место в риторике лидеров «Ансараллы» в контексте осуждения ими военной интервенции КСА и ОАЭ в Йемен, называемой ими «беспричинной агрессией», срежиссированной их общими врагами — США, Великобританией и Израилем. Теперь тема Палестины и Иерусалима стала безраздельно господствующей. Кампания солидарности с палестинцами под названием «Битва обетованной победы и священного джихада» охватила все сферы политики непризнанного режима, заполнив собой весь внутренний дискурс.

Еженедельные хорошо организованные многомиллионные марши под лозунгами Оргкомитета демонстраций в сопровождении транслируемых с экранов публичных лекций и религиозных проповедей лидера движения «Ансаралла» сейида Абдулмалика аль-Хуси служили официальной манифестацией воли и решимости всего йеменского народа стоять до конца ради защиты прав палестинского народа.

В октябре — ноябре 2023 г. кампания гражданской солидарности с жителями сектора Газа дополнилась военно-политическими действиями Санского режима. Непризнанные власти блокировали израильское судоходство через Баб-эль-Мандебский пролив, начали запуски ракет в сторону израильского порта Эйлат на Красном море, значительно парализовав его работу. Параллельно были организованы курсы бойцов для подготовки «сотен тысяч йеменцев» к добровольному вступлению в войну против Израиля. Выражения лояльности «лидеру революции» — сейиду Абдулмалику аль-Хуси — приняли беспрецедентный масштаб, распространившись на военное командование всех уровней.

Глава Высшего политического совета режима Саны Махди Машат подчеркнул, что введенные против Израиля контрмеры связаны исключительно с войной и блокадой сектора Газа и не содержат намерений препятствовать свободе судоходства через Баб-эль-Мандебский пролив для всех остальных компаний и судов. В общей сложности запрет касался около 1–1,5% грузопотока.

Вторая фаза с 18 декабря 2023 г. по 19 января 2025 г. охватывает проведение военной операции «Лучник Посейдона» с участием американо-британской морской коалиции в период пребывания у власти администрации президента Джо Байдена. В совместном заявлении правительств США и ряда их партнеров от 3 января 2024 г. со ссылкой на атаки около 10 транспортных судов с применением порядка 100 дронов с берегов Йемена значилось: «... нападения угрожают жизни ни в чем не повинных людей со всего мира и представляют собой серьезную международную проблему, требующую кол-

лективных действий. Международные судоходные компании продолжают изменять маршрут своих судов, направляя их через мыс Доброй Надежды, что приводит к значительным затратам и многонедельным задержкам в доставке товаров и в конечном итоге ставит под угрозу транспортировку важнейших продуктов питания, топлива и гуманитарной помощи по всему миру. Пусть наше послание будет четким: мы призываем немедленно прекратить эти незаконные нападения и освободить неправомочно задержанные суда и экипажи. Хуситы будут нести ответственность за последствия, если они продолжают угрожать жизни людей, мировой экономике и свободному движению торговых судов на важнейших водных путях региона»¹²⁰. Целями ударов, начатых американо-британской коалицией 11 января 2024 г., были декларированы «восстановление свободы судоходства» через пролив и лишение Саны военного потенциала для продолжения своих атак по кораблям. Операция закончилась, не достигнув своих целей, 19 января 2025 г. с уходом Джо Байдена с поста президента.

Партнеры США в ЕС и в регионе отказались выступить под командованием США. Операция ЕС *“Aspides”* заключалась в прикрытии и сопровождении торговых судов. Из стран Персидского залива в составе американо-британской коалиции был представлен только Бахрейн, предоставивший место базирования для флотов США и Британии, а также командного штаба *GENTCOM*.

США использовали Статью 51 Главы VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии» Устава ООН¹²¹ для оправдания своей агрессии в Йемене. Юридическая сторона операции была подвергнута развернутой критике со стороны МИД России и постоянного представителя РФ в СБ ООН Василия Небензи. В своем подробном письме членам ООН от 22 января 2024 г. он изложил позицию России, характеризуя действия США и Великобритании как грубое нарушение международного права и угрозу миру¹²².

Россия не одобряла угрозы навигации со стороны хуситов, но на фоне еще более взрывоопасной ситуации в секторе Газа, на сдерживание которой были направлены хуситские контрмеры, предлагала находить пакетные сбалансированные решения обеих проблем параллельно. В том же поле лежали и подходы большинства региональных акторов, проявлявших обеспокоенность угрозами судоходству, главным образом со стороны самой военной кампании американо-британской коалиции в Красном море. По данным годового отчета Администрации Суэцкого канала в 2024 г., сни-

¹²⁰ A Joint Statement from the Governments of the United States, Australia, Bahrain, Belgium, Canada, Denmark, Germany, Italy, Japan, Netherlands, New Zealand, Republic of Korea, Singapore and the United Kingdom // The White House. 03.01.2024. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/statements-releases/2024/01/03/a-joint-statement-from-the-governments-of-the-united-states-australia-bahrain-belgium-canada-denmark-germany-italy-japan-netherlands-new-zealand-and-the-united-kingdom/>

¹²¹ В марте 2015 г. та же статья служила ссылкой для начала операции Арабской коалиции «Буря решимости».

¹²² S/2024/90 Letter dated 22 January 2024 from the Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations addressed to the President of the Security Council // UN Documents. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/s-2024-90.php>

жение доходов от прохода судов упало на 60%, что лишило Египет порядка 7 млрд долл.¹²³

Почти каждый квартал с осени 2023 г. хуситы демонстрировали новые образцы техники и совершенствовали тактические приемы атак морских целей, включая торговые и военные суда самих США и Великобритании, пополнивших черный список Саны после начала агрессии. Этот факт служил поводом для угроз и в сторону Ирана, якобы снабжавшего оружием «Ансараллу», минуя все установленные в рамках режима тотальной блокады территории Йемена с марта 2015 г. кордоны, также подкрепленные контролем со стороны военных флотов США и Великобритании.

20 июля 2024 г. кооперации американо-британской коалиции присоединилась авиация Израиля, через день после первого взрыва йеменского БПЛА в Тель-Авиве. Во втором полугодии Израиль еще трижды повторял атаки, координируясь с боевыми операциями коалиции. По неполным данным, за первый год операции «Лучник Посейдона» коалиция нанесла по Йемену 1200 ударов. Однако учащались и удары по территории Израиля со стороны Йемена. С октября 2023 г. по середину января 2025 г. СМИ Саны сообщили о 92 воздушных налетах на различные объекты на территории Израиля, включая порт Хайфа на Средиземном море (совместно с иракским сопротивлением) и столичный международный аэропорт Бен Гуриона. За этот период хуситы атаковали также 24 израильских судна, провели 78 боевых операций против флота США и атаковали 30 американских торговых судов, а также 13 британских кораблей. Атаки территории Израиля велись с применением крылатых и баллистических ракет, часть которых обладала свойствами гиперзвука, прорывая оборону Израиля, а также большого количества БПЛА.

Смена администрации в Белом доме 19 января 2025 г. вызвала паузу в войне в Газе и синхронную остановку атак хуситов на все корабли в Красном и Аравийском морях. Приход к власти президента Дональда Трампа, тем не менее, сопровождался мощной эскалацией военной операции США, получившей название «Буйный всадник». Квалификация хуситов американским президентом как иностранной террористической организации 22 января 2025 г. пришлась на паузу в боевых действиях и противоречила призыву главы миссии ООН Ханса Грундберга к полному прекращению военного конфликта в Красном море со ссылкой на тяжелейшее гуманитарное состояние в Йемене. На очередном брифинге в СБ ООН 13 февраля 2025 г. он начал выступление с призыва к деэскалации, однако 15 марта 2025 г. США возобновили массированные бомбардировки Йемена в преддверии срыва перемирия израильской стороной в секторе Газы¹²⁴.

¹²³ Suez Canal revenues plummet to \$4 bln in 2024 amid Red Sea tensions: SCA chairman // Ahram Online. 29.12.2024. URL: <https://english.ahram.org.eg/NewsContent/P/3/537710/Business/Suez-Canal-revenues-plummet-to-bl-in-amid-Red-S.aspx>

¹²⁴ FACT SHEET: President Donald J. Trump Re-designates the Houthis as a Foreign Terrorist Organization // The White House. 22.01.2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/01/fact-sheet-president-donald-j-trump-re-designates-the-houthis-as-a-foreign-terrorist-organization/>

Новая волна беспрецедентных по интенсивности ежедневных массированных атак по Йемену в рамках операции «Буйный всадник» продолжалась с 15 марта по 6 мая 2025 г. Ее начало сопровождал громкий политический скандал — «Сигналгейт», связанный с утечкой конфиденциальной информации, касающейся сценариев начала военной операции США против Йемена, опубликованной в статье главного редактора *The Atlantic* Джеффри Голдберга, случайно попавшего в чат мессенджера, созданный секретарем национальной безопасности Майком Уолтцем, лишившимся впоследствии за это должности¹²⁵.

В операции участвовал авианосец *USS Harry S. Truman (CVN-75)*, в общей сложности потерявший за время кампании в результате нескольких инцидентов три самолета *F-18* стоимостью 67 млн долл. каждый. США потеряли также более дюжины тяжелых БПЛА *MQ-9 Reaper*¹²⁶ по 30 млн долл. каждый, сбитых над территорией Йемена. Стоимость операции США в Йемене оценивается в сумму порядка 7 млрд долл.¹²⁷

В конце апреля 2025 г. к операции «Буйный всадник» вновь подключилась авиация Великобритании. 5 мая в ходе кампании свой первый массированный удар по чувствительным объектам инфраструктуры и местам проживания политических и военных лидеров «Ансараллы» нанесла также авиация Израиля, продолжавшая атаки и после окончания операции США.

Выводы

Перспективы дальнейшего развития йеменского кризиса остаются неопределенными. Его связь с палестино-израильским конфликтом сохранила силу: Йемен оказался в прямой конфронтации с США, Великобританией и Израилем.

Двенадцатидневная ирано-израильская война, закончившаяся ударом США по ядерным объектам Ирана и ответом ИРИ по базе ВВС США в Катаре, породили готовность Саны поддержать Исламскую Республику. «Ансаралла» решила продолжить курс на связывание йеменского кризиса с ситуацией в секторе Газа и сохранением блокады израильского судоходства через Баб-эль-Мандебский пролив.

Позиция России выражалась в последовательном отстаивании политического урегулирования йеменского кризиса. Так, постоянный представитель РФ в СБ ООН Василий Небензя 14 мая 2025 г. заявил, что за почти двухмесячное противостояние США с хуситами число погибших превысило 200 человек¹²⁸, еще несколько сотен получили ранения. Удары наносились

¹²⁵ The Trump Administration Accidentally Texted Me Its War Plans // *The Atlantic*. 24.03.2025. URL: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2025/03/trump-administration-accidentally-texted-me-its-war-plans/682151/>

¹²⁶ *MQ-9 Reaper* — дистанционно управляемый БПЛА средней высоты и большой дальности полета. В основном он используется для разведки, наблюдения, рекогносцировки и нанесения ударов.

¹²⁷ Kristof N. The \$7 Billion We Wasted Bombing a Country We Couldn't Find on a Map // *The New York Times*. 17.05.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/05/17/opinion/yemen-war-trump.html>

¹²⁸ Statement by Permanent Representative Vassily Nebenzia at a UNSC Briefing on Yemen // Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations. 14.05.2025. URL: https://russiaun.ru/en/news/yemenunsc_140525

чуть ли не каждую ночь по территории суверенного Йемена не только по военным объектам, но и по гражданской инфраструктуре, не дав результата ни в виде подавления военных возможностей «Ансараллы», ни отказа движения от своего курса действий. Постоянный представитель России также приветствовал прекращение атак США на Йемен.

Военная кампания коалиции США и Великобритании в Йемене имела все признаки крупномасштабной военной авантюры. Она сразу приняла вид демонстрации военного превосходства, мало отличаясь по методам и тактике ведения от начального этапа кампании Арабской коалиции. Повторением старого урока были также и сложности американо-британской коалиции в организации наземной операции, необходимой для достижения военной победы. Палестинский фон нового этапа, кроме того, создавал риски разворота в будущем всей накопленной боевой мощи врагов Санского альянса против союзников Израиля.

Ливийский кризис

Кадырмамбетов
Т.М.

Ливийский кризис можно назвать интенсивным этнополитическим конфликтом, в котором стороны не останавливаются перед применением открытого насилия и активно практикуют силовые методы вооруженной борьбы¹²⁹. Несмотря на заключение в 2015 г. Схиратского соглашения, согласно которому в стране создается единое правительство, признаваемое ООН — Правительство национального согласия, — в Ливии продолжилась гражданская война. Сформировавшееся двоевластие фактически разделило страну на два «государства» — западную часть со столицей в Триполи и восточную со столицей в городе Тобрук, где функционируют свои собственные органы власти. К 2025 г. ситуация в стране далека от полноценного и окончательного урегулирования. Конфликт приобрел латентную форму, при этом шанс того, что он снова может перейти в активную фазу, достаточно велик. Причиной нового витка гражданской войны может стать наличие созданного в 2021 г. Правительства национального единства (ПНЕ), формирование которого лишь усугубило раскол страны и усилило внутриполитическую напряженность в Ливии.

Предпосылки современного состояния конфликта

В апреле 2019 г. Халифа Хафтар, командующий Ливийской национальной армией (ЛНА), контролирующей восток страны, начал наступление на Триполи. После продолжительных боевых действий и длительных переговоров в октябре 2020 г. в Женеве противоборствующие стороны заключили соглашение о введении постоянного режима прекращения огня¹³⁰. В рамках этого соглашения был создан Совместный военный комитет «5+5» (*5+5 Joint Military Commission*), основная задача которого заключалась в реализации и соблюдении режима прекращения огня, а также решении других проблем, связанных с безопасностью¹³¹. В начале 2021 г. под эгидой ООН было создано ПНЕ во главе с Абделем Хамидом Дбейбой. Основная задача нового правительства заключалась в проведении всеобщих выборов, однако они так и не состоялись, что поставило под вопрос легитимность как ПНЕ, так и его главы.

В ответ на это Палата представителей — законодательный орган, существующий в Ливии с 2014 г., — назначила в феврале 2022 г. собственное Правительство национальной стабильности, которое возглавил Фатхи Башага, занимавший до этого должность министра внутренних дел (2018–2021)¹³². В конце августа 2022 г. в Триполи начались бои между различными воени-

¹²⁹ Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы "большой теории" // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 81.
URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.06>

¹³⁰ Civil Conflict in Libya // CFR. 15.07.2024. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/civil-war-libya>

¹³¹ Там же.

¹³² The man from Misrata: Why Libya has two prime ministers (again) // ECFR. 16.02.2022.
URL: <https://ecfr.eu/article/the-man-from-misrata-why-libya-has-two-prime-ministers-again/>

зированными группировками — Фатхи Башага попытался сместить ПНЕ и его главу Абдель Хамида Дбейбу¹³³. Несмотря на то, что переворот потерпел неудачу, события августа 2022 г. фактически нарушили хрупкое перемирие и положили начало череде столкновений между сторонами.

В 2025 г. в Ливии продолжается борьба за власть и ресурсы между двумя независимыми управленческими структурами. Страна представляет собой классическое государство с рентной экономикой, основной доход которой составляет прибыль от экспорта нефтегазовых ресурсов. Обе части Ливии стремятся установить собственный контроль над государственными институтами и природными ресурсами, поскольку это позволит одной из них распространить свою власть на всю территорию. Один из самых ярких примеров — борьба за контроль над Центральным банком (ЦБ) Ливии, который помимо проведения денежно-кредитной политики выполняет и фискальные функции: распределяет денежные средства среди государственных учреждений и выплачивает заработную плату государственным служащим¹³⁴. В августе 2024 г. на фоне нестабильной политической ситуации Абдель Хамид Дбейба снял с поста главы ЦБ Ливии Садика Аль-Кабира, который занимал эту должность с 2011 г., и назначил нового председателя — Наджи Мохамеда Иссу Белькасема, а также новый совет директоров. По мнению группы экспертов по Ливии, эти назначения были согласованы с военизированными формированиями на западе страны и с ЛНА. Данный факт демонстрирует стремление вооруженных группировок установить полный контроль над деятельностью ЦБ и распоряжаться доходами от продажи нефти¹³⁵.

Внутренний контур

Как было отмечено выше, Ливия фактически поделена на две части, и в стране продолжается «конкурентное сосуществование» двух правительств, которые не оставляют попыток добиться перевеса в свою сторону и объединить довольно разрозненную страну под своим началом. В восточной части Ливии существуют свои парламент и правительство — Палата представителей и Правительство национальной стабильности. Ключевым элементом политической системы востока страны остается ЛНА, возглавляемая фельдмаршалом Халифой Хафтаром, которая оказывает поддержку существующим там политическим институтам. На востоке наблюдается более цельная картина с довольно понятной системой военно-политического и социально-экономического устройства.

Несмотря на формально существующее в этой части страны разделение властей, многие сферы, в том числе нефтедобычу, контролирует семья

¹³³ Ливия: бои в Триполи или призрак новой гражданской войны // РСМД. 09.09.2022.

URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/liviya-boi-v-tripoli-ili-prizrak-novoy-grazhdanskoy-voyny/>

¹³⁴ Getting Past Libya's Central Bank Standoff // International Crisis Group. 01.10.2024.

URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/north-africa/libya/b093-getting-past-libyas-central-bank-standoff>

¹³⁵ Letter dated 6 December 2024 from the Panel of Experts on Libya established pursuant to resolution 1973 (2011) addressed to the President of the Security Council // United Nations Digital Library System. 06.12.2024.

URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4073810?ln=en&v=pdf>

Хафтаров. Позиции Халифы Хафтара в ЛНА укрепляют его сыновья Халид и Саддам, состоящие в штабе сухопутных войск. Эта семья не позволяет появиться на востоке другим центрам силы и позиционирует ЛНА как единственную армию страны. Основными задачами этой армии называют восстановление порядка в стране и свержение ПНЕ. Путем продвижения своих сыновей по карьерной лестнице Халифа Хафтар смог выстроить относительно твердую вертикаль управления в восточной Ливии.

В отличие от востока страны, на западе, в Триполи, военно-политическая ситуация менее однозначная. Там формально существуют исполнительный и законодательный органы власти — ПНЕ и Высший государственный совет. Отмена выборов в декабре 2021 г. поставила легитимность созданных в результате перемирия 2020 г. органов власти (изначально признанных в том числе и на востоке страны) под вопрос, что вынудило Абдель Хамида Дбейбу ввиду отсутствия единой организованной военной структуры сделать ставку на военизированные группировки, которых в Ливии насчитываются десятки.

В Триполи отсутствует единая полиция, однако существует большое количество группировок, контролирующих разные районы города, и между ними постоянно происходят бои. Так, согласно отчету *ACLED*, с марта 2021 г. по июнь 2025 г. в Ливии зафиксировано 64 случая вооруженного столкновения между различными группировками, при этом 80% из этих конфликтов длились не более одного дня¹³⁶.

Как правило, долгое существование таких организаций и их поддержка со стороны властей ведет к росту их влияния. Из-за того, что значительная власть сосредоточена в руках подобных группировок, политические элиты не могут их расформировать и в дальнейшем интегрировать в государственные структуры. Группировки являются ключевым элементом поддержания власти ПНЕ, однако их деятельность носит неофициальный характер и не полностью подконтрольна государственной власти.

Несмотря на зависимость ПНЕ от различных группировок в вопросе сохранения своей власти на западе страны, Абдель Хамид Дбейба предпринимает шаги по уменьшению их влияния в Триполи. Так, в мае 2023 г. ПНЕ приняло решение о создании Национального агентства вспомогательных сил — то есть полностью подконтрольного официальным властям военного формирования. Согласно статье 5 указа о его создании, командира данного формирования назначает сам премьер-министр¹³⁷. Одним из показательных событий, демонстрирующих решительность властей взять ситуацию в области безопасности под собственный контроль, стало убийство в мае 2025 г. главы одной из влиятельных группировок — Аппарата поддержки стабильности Ливии — Абделя Гани Аль-Кикли. Комментируя его убийство,

¹³⁶ Political competition and infighting among Tripoli's armed groups reach beyond Libya's capital // *ACLED*. 10.07.2025. URL: <https://acleddata.com/report/political-competition-and-infighting-among-tripolis-armed-groups-reach-beyond-libyas-capital>

¹³⁷ Решение № 313 от 2023 г. об учреждении Национального агентства вспомогательных сил (на араб. قرار رقم 313 لسنة 2023م بإنشاء الجهاز الوطني للقوى المساندة // The Law Society of Libya. 22.05.2023. URL: <https://lawsociety.ly/legislation/اقرار-رقم-313-لسنة-2023م-بإنشاء-الجهاز-الوطني>

Абдель Хамид Дбейба заявил, что данный шаг был необходим, чтобы прекратить насилие в городе¹³⁸.

Бои между группировками в Триполи не прекращаются и по сей день. В связи с этим Абдель Хамид Дбейба продолжает политику по ограничению влияния военизированных формирований — теперь под ударом находятся Силы специального сдерживания (*Rada*), контролирующие единственный аэропорт Триполи — Митига. Глава ПНЕ выдвинул условия, которые «не подлежат обсуждению»¹³⁹, и главное из них — передача контроля над аэропортом Министерству транспорта. При выполнении всех условий у боевиков *Rada* есть возможность вновь интегрироваться в государственные структуры безопасности¹⁴⁰.

Таким образом, противоборствующие стороны продолжают оспаривать созданные друг другом политические структуры и не отказываются от вооруженной борьбы. При этом внутриполитическая ситуация на западе (Триполи) и на востоке (Тобрук) имеет значительные различия. На востоке Ливии, как было отмечено, сформирована единая и менее хаотичная система. ПНЕ в Триполи во главе с Абделем Хамидом Дбейбой сталкивается с двумя серьезными вызовами. Во-первых, оно стремится добиться своей легитимности, которая оспаривается политическими структурами на востоке страны. Во-вторых, при отсутствии единой военной структуры премьер-министр проводит «двойную» и вполне объяснимую политику: опирается на различные военизированные группировки, чтобы сохранить свою власть, и параллельно стремится интегрировать наиболее влиятельные из них в правительственные органы безопасности.

Внешний контур

Внешнее вмешательство и, как следствие, интернационализация ливийского конфликта привели к тому, что он остается неразрешенным. Активное вмешательство иностранных сил и оказание военно-политической, финансовой и экономической поддержки каждой из сторон конфликта в Ливии способствовало закреплению двоевластия в стране¹⁴¹. Более того, участие иностранных сил в событиях 2019 г. превратило ливийский конфликт из борьбы локальных сил за власть в прокси-войну¹⁴².

Несмотря на то, что интенсивность боевых действий в Ливии к 2025 г. значительно снизилась, иностранные государства продолжают сохранять влияние и оказывать финансовую и военную поддержку своим союзникам,

¹³⁸ What do the Latest Tripoli Clashes Mean for Libya's Political and Security Landscape? // Arab Center for Research and Policy Studies. 20.05.2025. URL: <https://www.dohainstitute.org/en/PoliticalStudies/Pages/tripoli-clashes-implications-for-the-libyan-political-and-security-landscape.aspx>

¹³⁹ Dabaiba Ramps up His Anti-Rada Rhetoric // Libya Security Monitor. 06.07.2025. URL: <https://libyasecuritymonitor.com/dabaiba-ramps-up-his-anti-rada-rhetoric/>

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Walid Ali. How security shaped Libya's transition. *Democratization*. 2024. No. 32(4). P. 1010. URL: <https://doi.org/10.1080/13510347.2024.2433090>

¹⁴² Там же. P. 1009.

преследуя при этом исключительно собственные политические и экономические интересы. Среди наиболее активных игроков можно выделить Турцию, Италию, ОАЭ, Египет и Россию. Также продолжает свою работу Миссия ООН по поддержке в Ливии.

Турция — один из важнейших иностранных акторов в политическом и военном аспектах конфликта. Значительно упрочила влияние Анкары в западной части Ливии поддержка, оказанная Турцией ПНЕ во время похода Халифы Хафтара на Триполи в 2019 г. С декабря 2022 г. по август 2024 г. было проведено 12 совместных турецко-ливийских учений¹⁴³. В 2019 г. Турция и Правительство национального согласия заключили меморандум о безопасности и военном сотрудничестве на три года, который впоследствии был автоматически продлен¹⁴⁴. Согласно этому документу, Анкара могла оказывать Триполи помощь по следующим направлениям: обучение военного персонала, техническая информация, разработка военных технологий, обслуживание и ремонт военной техники, портовая и консультационная поддержка, распределение наземных, морских и воздушных транспортных средств, оборудования, оружия, зданий и учебных баз¹⁴⁵. В июле 2025 г. ПНЕ подписало с Турцией соглашение о повышении военных возможностей ливийской армии¹⁴⁶. При этом Турция, чтобы наладить отношения с руководством восточной Ливии, активно взаимодействует и с другими иностранными игроками, поддерживающими его, — Египтом, ОАЭ и Россией. В июле 2025 г. член Палаты представителей (поддерживается ЛНА) подтвердил, что парламент готовится ратифицировать соглашение о демаркации морской границы с Турцией¹⁴⁷. Таким образом, Турция через Ливию продолжает укреплять свое политическое и экономическое влияние в регионе Восточного Средиземноморья.

Египет и ОАЭ поддерживают силы востока Ливии и являются одними из главных партнеров Халифы Хафтара по вопросам военного сотрудничества. Египет имеет протяженную границу с Ливией, поэтому египетское руководство рассматривает все, что происходит в этой стране, через призму своей национальной безопасности. Оказывая всестороннюю поддержку ЛНА, Египет выступает против прихода к власти в Ливии исламистов. Идеологические позиции Египта и ОАЭ совпадают. Начиная с событий 2011 г., ОАЭ также выступают против прихода к власти исламистских сил, в том числе и в Ливии.

¹⁴³ Letter dated 6 December 2024 from the Panel of Experts on Libya established pursuant to resolution 1973 (2011) addressed to the President of the Security Council // United Nations Digital Library System. 06.12.2024.
URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4073810?ln=en&v=pdf>

¹⁴⁴ Full text of new Turkey, Libya sweeping security, military cooperation deal revealed // Nordic Research and Monitoring Network. 16.12.2019.
URL: <https://nordicmonitor.com/2019/12/full-text-of-new-turkey-libya-sweeping-security-military-cooperation-deal-revealed/>

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Libya's GNU signs agreement with Turkey to enhance military capabilities // The Libyan Observer. 10.07.2025.
URL: <https://libyaobserver.ly/news/libyas-gnu-signs-agreement-turkey-enhance-military-capabilities>

¹⁴⁷ Примет ли парламент Ливии соглашение о демаркации морской границы с Турцией? (на араб. هل يمر البرلمان الليبي اتفاقية ترسيم الحدود البحرية مع تركيا؟) // Al Jazeera. 04.07.2025.
URL: <https://www.aljazeera.net/politics/2025/7/4/هل-يمر-البرلمان-الليبي-اتفاقية-ترسيم-الحدود-البحرية-مع-تركيا>

ОАЭ и Египет неоднократно предлагали свои площадки для переговоров представителей противоборствующих сторон. Так, например, в 2022 г. в Абу-Даби президент ОАЭ Мухаммед бин Заид Аль Нахайян провел отдельные встречи с председателем ПНЕ Абдель Хамидом Дбейбой и главой ЛНА Халифой Хафтаром¹⁴⁸. В 2023 г. Египет стал площадкой для проведения переговоров между двумя законодательными органами — Палатой представителей (восток) и Высшим государственным советом (запад)¹⁴⁹. В 2025 г. в Каире также прошла консультативная встреча представителей законодательных органов двух противоборствующих сторон¹⁵⁰. Президент Египта Абдель Фаттах Ас-Сиси неоднократно встречался с фельдмаршалом Халифой Хафтаром. В июне 2025 г. президент Египта выразил приверженность единству Ливии и отметил ту роль, которую сыграла ЛНА в борьбе против терроризма¹⁵¹.

События декабря 2024 г. в Сирии привели к наращиванию сотрудничества с Ливией со стороны России. Москва развивает отношения с востоком Ливии с 2019 г. и рассматривает свое присутствие в стране как возможность закрепиться и усилить свое влияние в государствах Сахаро-Сахельской зоны.

Одной из наиболее актуальных проблем для Европы в настоящее время является миграционный кризис, и Ливия стала одним из главных пунктов прибытия мигрантов из Сахаро-Сахельского региона, отличающегося растущей нестабильностью. Если в 2023 г. число мигрантов в Ливии составляло 761 тыс. человек, то уже к началу 2025 г. — 858 тыс. человек¹⁵². Многие мигранты рассматривают Ливию в качестве временного места пребывания по пути в Европу, и больше всех миграционной проблемой обеспокоена Италия. Именно поэтому Рим, изначально поддерживавший западную часть Ливии, начал развивать отношения и с востоком страны, чтобы совместными усилиями решить проблему миграции. Пример реализации этой политики — встреча представителей Италии, Турции и Ливии в Стамбуле в начале августа 2025 г., главной темой которой была миграционная проблема¹⁵³. Обеспокоенность европейских стран выражается и в ужесточении управления миграцией, что вызывает недовольство у ливийских властей. Так, советник по национальной безопасности Ливии Ибрагим Бушнаф обвинил Запад в содействии незаконной миграции в страну из государств

¹⁴⁸ UAE Hosts Dabaiba and Haftar amid Reports of Meeting Between the Two Men // Libya Security Monitor. 21.05.2022. URL: <https://libyasecuritymonitor.com/uae-hosts-dabaiba-and-haftar-amid-reports-of-meeting-between-the-two-men/>

¹⁴⁹ Egypt welcomes outcomes of Libyan leaders' Cairo meeting as important step toward elections // Ahram Online. 07.01.2023. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/483847.aspx>

¹⁵⁰ Egypt Reaffirms its Commitment to Libya's Sovereignty // Libya Review. 24.02.2025. URL: <https://libyareview.com/53380/egypt-reaffirms-its-commitment-to-libyas-sovereignty/>

¹⁵¹ President El-Sisi Meets Commander-in-Chief of Libya's National Army Field Marshal Haftar // Presidency of the Arab Republic of Egypt. 30.06.2025. URL: <https://www.presidency.eg/en/اخبار-رئاسية/اخبار-الخيار/قسم-الاعلام/news3062025-3/>

¹⁵² Libya Humanitarian Profile — May 2025 // United Nations in Libya. 09.06.2025. URL: <https://libya.un.org/en/295967-libya-humanitarian-profile-2025>

¹⁵³ Turkey, Italy and Libya leaders discuss Mediterranean migration route, cooperation // Reuters. 01.08.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-italy-libya-leaders-discuss-mediterranean-migration-route-cooperation-2025-08-01/>

Африканского Рога, утверждая, что они занимаются «распространением и укоренением» миграции на юге страны¹⁵⁴.

Отдельно необходимо отметить роль ООН. С сентября 2022 г. Миссию ООН по поддержке в Ливии возглавлял сенегальский дипломат Абдулай Батили. Спустя полтора года он покинул свой пост. В своей последней речи перед Советом Безопасности ООН в апреле 2024 г. он обвинил тех, кто обладает властью в Ливии, в том, что они «ставят свои личные интересы выше потребностей своей страны» и эгоистично стремятся сохранить статус-кво¹⁵⁵. Во многом вывод Абдулая Батили вполне справедлив и четко характеризует политический тупик, в котором находится Ливия.

Механизмы урегулирования

После отмены выборов, назначенных на декабрь 2021 г., Палата представителей и Высший государственный совет начали совместно разрабатывать избирательный закон и работать над поправками в конституцию. Под эгидой ООН прошло три консультационные встречи: в октябре 2022 г. в Рабате, в декабре 2022 г. и в январе 2023 г. в Каире. Стороны согласовали ряд положений о конституции Ливии, однако столкнулись с серьезными противоречиями по вопросу избирательного законодательства, в частности, относительно того, кто может баллотироваться в президенты¹⁵⁶. В результате все договоренности о создании новой правовой базы Ливии были сорваны. Под эгидой ООН был создан еще один механизм урегулирования ливийского кризиса — Группа высокого уровня по выборам в Ливии, — однако и его работа не была успешной.

В июле 2023 г. парламенты запада и востока утвердили план по созданию нового совместного комитета «6+6», который должен был работать над созданием правовой основы для начала электорального процесса в стране¹⁵⁷. Помимо этого, перед выборами должно было быть сформировано новое временное правительство, что было негативно воспринято представителями ООН¹⁵⁸. Поддержка этого плана Халифой Хафтаром не понравилась некоторым военизированным группировкам, что могло стать одной из причин обострения ситуации в Триполи в августе 2023 г.¹⁵⁹

¹⁵⁴ Сохраняя Ливию. Интервью с главой Совета национальной безопасности Ливии Ибрагимом Халифой Бушнафом // РСМД. 27.11.2023. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/sokhranyaya-liviyu-intervyu-s-glavoy-soveta-natsionalnoy-bezopasnosti-livii-ibragimom-khalifoy-bushn/>

¹⁵⁵ Remarks by Special Representative of the Secretary-General Abdoulaye Bathily to the Security Council // United Nations Support Mission in Libya: UNSMIL. 16.04.2024. URL: <https://unsmil.unmissions.org/remarks-srsg-abdoulaye-bathily-security-council-16-april-2024>

¹⁵⁶ Special Representative of the Secretary-General Bathily's Remarks to the Press on the High-Level Panel for Elections // United Nations Support Mission in Libya: UNSMIL. 11.03.2023. URL: <https://unsmil.unmissions.org/srsg-bathilys-remarks-press-high-level-panel-elections>

¹⁵⁷ Libya. October 2023 Monthly Forecast // Security Council Report. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/monthly-forecast/2023-10/libya-44.php>

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Libya's rival governments propose a merger to hold elections // Institute for Security Studies. 13.10.2023. URL: <https://issafrica.org/iss-today/libyas-rival-governments-propose-a-merger-to-hold-elections>

Таким образом, в Ливии не прижились ни предложенные международным сообществом, ни сформулированные сторонами конфликта инициативы. В результате к 2025 г. Ливия все так же далека от проведения выборов, поскольку стороны неспособны договориться по наиболее острым вопросам нового законодательства.

Выводы

Современная Ливия разделена на две части — запад и восток, однако уровень конфликтности в стране значительно ниже, чем в предыдущие годы. Несмотря на то, что были предприняты многочисленные попытки урегулирования, в том числе при содействии ООН, участии иностранных государств и собственными силами, каждый раз переговорный процесс срывался, что приводило к новому витку напряженности. За годы конфликта политические структуры как на западе, так и на востоке Ливии настолько укрепились, что можно с уверенностью говорить о том, что сейчас в рамках этой страны фактически существует два отдельных государственных образования: одно со столицей в Триполи (ПНЕ), другое — в Тобруке (ЛНА).

И западные, и восточные политические силы в большей степени сталкиваются с угрозами именно внутри подконтрольной им территории. Сохраняющийся на протяжении более десяти лет статус-кво устраивает не только ПНЕ и Палату представителей во главе с Халифой Хафтаром, но и международных игроков, принимающих активное участие во множестве процессов в стране. Даже учитывая то, что между различными государствами существуют противоречия, внешние игроки стремятся не усилить напряженность, а достигнуть компромисса. Очевидно, что Ливия нуждается в качественно новых подходах и политической воле сил по обе стороны конфликта, которые позволят вывести страну из хронически нестабильного состояния.

Подходы внешних акторов к конфликтам на Ближнем Востоке и в Северной Африке

Бочаров И.А.

Динамику конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке в наибольшей степени определяют именно внутренние драйверы. К их числу относятся политика государств региона, деятельность негосударственных акторов, включая вооруженные группировки, а также иные детерминанты. В этом контексте внешнее воздействие играет важную, но не определяющую роль. Так, в случаях Ливии, Сирии и Йемена речь идет о внутренних, но интернационализованных конфликтах¹⁶⁰, а поиски способов урегулирования неразрывно связаны с вопросами будущего государственного устройства этих стран¹⁶¹. В других конфликтах, связанных с противостоянием между государствами и негосударственными акторами — палестино-израильском и западносахарском — внешний фактор играет более заметную роль, хотя основные проблемы также связаны с внутренними причинами. Тем не менее значение внешних акторов остается заметным, что делает важным анализ их подходов к конфликтам в регионе.

В апреле 2025 г. РСМД провел и в октябре 2025 г. уточнил серию глубинных полужформализованных интервью с российскими экспертами по политике не вовлеченных в конфликты напрямую государств. Обобщенные оценки экспертов легли в основу данного раздела. Фокус исследования сосредоточен на ключевых игроках, так как всеобъемлющее изучение политики всех акторов невозможно в рамках одной работы. Представляется важным рассмотреть как подходы к конфликтам региональных акторов, так и государств, которые находятся за пределами Ближнего Востока и Северной Африки. Цель исследования заключается не столько в выявлении универсальных закономерностей в подходах внешних акторов, сколько в определении тех проблемных сюжетов и вопросов, которым они уделяют наибольшее внимание.

Важно учитывать, что речь идет о стратегиях государств, которые обладают неодинаковой политической культурой, придерживаются разной логики при реализации внешнеполитического курса. Значение тех или иных конфликтов для внешних акторов неодинаково. Например, Соединенные Штаты демонстрируют высокий уровень вовлеченности в палестино-израильский конфликт, при этом оказывая заметное воздействие на региональную ситуацию в сфере безопасности в целом. Для Франции, по словам П.П. Тимофеева, по историческим причинам особую роль играют сирийский и ливийский конфликты, а при формировании подходов к западносахарскому конфликту в Париже учитывают отношения с Алжиром и Марокко¹⁶². Для Германии большое значение,

¹⁶⁰ Аксененко А.Г., Кузнецов В.А. Беседы об арабском мире: политика, власть, общество. М.: НП РСМД, 2024. С. 156.
URL: <https://russiancouncil.ru/upload/iblock/a18/xa88nzrs70ql8dbiktmtx1kked1ekr2/Besedy-ob-arabskom-mire.pdf>

¹⁶¹ Там же. С. 159.

¹⁶² Интервью с П.П. Тимофеевым.

с учетом исторического контекста, имеет палестино-израильский конфликт¹⁶³. Степень вовлеченности внешних акторов в тот или иной конфликт на Ближнем Востоке и в Северной Африке варьируется в зависимости от комплекса их интересов в конкретных субрегионах и даже странах. При этом один и тот же внешний актор может демонстрировать с течением времени различные уровни вовлеченности в конфликт. Это особенно хорошо видно на примере Ливии, Сирии и Йемена, где в последние годы произошли наиболее заметные изменения в позициях внешних игроков.

На основе проведенных интервью можно выделить три наиболее значимых аспекта, характерных для политики внешних акторов в отношении конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке: стремление к оптимизации ресурсов, ориентация на купирование угроз, а также возросшее внимание к гуманитарному измерению конфликтов.

Оптимизация политики

Прежде всего, следует отметить усиливающееся стремление внешних акторов оптимизировать ресурсы и сосредоточить свою деятельность на отдельных направлениях. Наблюдается тенденция к минимизации возможных издержек и ограничению непосредственной вовлеченности в конфликты при сохранении попыток воздействовать на ключевые процессы. Для некоторых крупных государств, находящихся за пределами Ближнего Востока и Северной Африки, причина подобных изменений — смещение фокуса внимания на другие регионы. В целом же масштабная вовлеченность внешних игроков в конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке становится скорее исключением, нежели правилом.

Эта тенденция особенно ярко заметна в политике Соединенных Штатов. По мнению Л.М. Соколыщика, регион становится направлением, в которое США вовлечены скорее вынужденно. По словам эксперта, Вашингтон осознает ограниченность ресурсов и невозможность поддерживать высокую интенсивность политики на всех направлениях. Выбирая между интервенционизмом и изоляционизмом в реализации внешнеполитического курса¹⁶⁴, США все больше склоняются в пользу прагматически ограниченного участия в делах Ближнего Востока и Северной Африки. При этом страна уделяет большее внимание Азиатско-Тихоокеанскому региону, где находится ее стратегический соперник — Китай¹⁶⁵. Л.М. Соколыщик отмечает, что потенциальные риски в сфере безопасности и опасения перерастания напряженности в более масштабное противостояние вынуждают Вашингтон сохранять военное присутствие на Ближнем Востоке,

¹⁶³ Белов В.Б., Бочаров И.А. Медиация вместо интервенции: подходы Берлина к конфликтам на Ближнем Востоке // РСМД. 23.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mediatsiya-vmesto-interventsii-podkhody-berlina-k-konfliktam-na-blizhnem-vostoke/>

¹⁶⁴ Подробнее см.: Соколыщик Л.М. Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 278-291. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/408844285.pdf>

¹⁶⁵ Интервью с Л.М. Соколыщиком.

прежде всего в арабских странах Персидского залива. Дополнительно США поддерживают союзнические отношения с большинством государств региона, что также способствует сохранению их присутствия¹⁶⁶.

По оценке А.С. Евсеенко, в последние годы заметной особенностью подходов США к конфликтам на Ближнем Востоке и в Северной Африке становится стремление создавать условия, при которых региональные акторы играли бы более заметную роль в продвижении формул урегулирования, а Вашингтон не брал бы на себя полную ответственность. Такая «передача функций» позволяет США сохранять политическое влияние без масштабных издержек, в том числе дипломатических¹⁶⁷. При этом США готовы к прямому военному вмешательству — это проявилось, например, в совместной операции США и Великобритании против йеменской «Ансараллы» в январе 2024 г.

Удары США по ядерным объектам Ирана в июне 2025 г. могут говорить о некоторой корректировке подходов Вашингтона. Впервые за долгое время Соединенные Штаты, которые стремились избежать прямого участия в военных конфликтах, нанесли удар не по негосударственному актору, а по вооруженным силам государства. Тем не менее действия Вашингтона продолжают укладываться в логику «оптимизации»: прямое военное вовлечение Соединенных Штатов в ирано-израильский конфликт произошло на позднем этапе активной фазы противостояния, а операция ограничилась действиями военно-воздушных сил и флота.

Другой крупный внерегиональный игрок, Китай, придерживается принципиально иного подхода, сводя свою деятельность в отношении конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке к политике невмешательства и ограничиваясь посредничеством и содействием в решении проблем гуманитарного характера. Как отмечает В.Б. Кашин, Пекин продвигает собственную Инициативу в области глобальной безопасности, представленную в 2022 г., которая содержит в том числе и общие подходы к разрешению конфликтов. В рамках этой инициативы Китай уже объединил значительное количество государств, включая страны Ближнего Востока и Северной Африки. КНР тем самым стремится позиционировать себя как ответственного лидера в сфере глобального управления и стабильности¹⁶⁸.

Россия, по оценке Р.Ш. Мамедова, поддерживает поиск политических решений конфликтов в регионе. Если же кризис выходит за пределы дипломатического урегулирования и перерастает в вооруженное противостояние, Москва действует в рамках рискоориентированного подхода: выявляет потенциальные угрозы и старается минимизировать их влияние на российские интересы¹⁶⁹.

¹⁶⁶ Интервью с Л.М. Соколышком.

¹⁶⁷ Евсеенко А.С., Бочаров И.А. Сегодня американская политика в секторе Газа — это скорее тактика, чем стратегия // РСМД. 29.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/segodnya-amerikanskaya-politika-v-sektore-gaza-eto-skoree-taktika-chem-strategiya/>

¹⁶⁸ Интервью с В.Б. Кашиным.

¹⁶⁹ Интервью с Р.Ш. Мамедовым.

Схожих подходов придерживается и ряд крупных европейских акторов. Европейский союз выступает за инклюзивные политические процессы и многосторонние механизмы урегулирования. Что касается отдельных стран, то Франция, по мнению П.П. Тимофеева, стремится решать конфликты политическими методами, но допускает применение ограниченных военных средств в случае необходимости¹⁷⁰. Великобритания, как отмечает К.А. Годованюк, не стремится к прямому вовлечению в конфликты и существенно сокращает участие в постконфликтном урегулировании в пользу решения собственных внешнеполитических задач, ориентированных, в первую очередь, на обеспечение экономического роста¹⁷¹. Германия, по словам В.Б. Белова, вместо непосредственного вмешательства в конфликт предпочитает уделять внимание решению структурных проблем, в частности слабости государственных институтов, политической нестабильности и социально-экономическим предпосылкам эскалации¹⁷².

Реакция мусульманских стран на обострения, связанные с Израилем — включая ситуацию в секторе Газа, ирано-израильский конфликт и войну Израиля с «Хезболлой», — была весьма сдержанной. Так, Турция, реагируя на ужесточение региональной политики Израиля, разорвала с ним экономические отношения¹⁷³. Но это произошло почти два года спустя после начала войны в секторе Газа.

Что касается арабских стран, то события 7 октября 2023 г. и последовавшая война в секторе Газа вызвали сильную эмоциональную реакцию и давление со стороны «улицы» на правительства. Это касалось в том числе участников «Соглашений Авраама», а также Египта и Иордании, нормализовавших отношения с Израилем ранее. Несмотря на ужесточение риторики, реальные действия оказались не столь решительными. Большинство арабских государств ограничились в основном официальными заявлениями. Некоторые из них пересмотрели экономические отношения с Израилем, а ряд арабских государств направили в сектор Газа гуманитарную помощь. Однако уровень вовлеченности арабских стран оказался несопоставим с ситуацией 1973 г., когда они с помощью нефтяного эмбарго спровоцировали масштабный энергетический кризис. Разобщенная реакция арабского мира на обострение в секторе Газа позволила ряду других государств, включая Индию, избежать необходимости открыто декларировать свою позицию и сохранить хорошие отношения с Израилем.

В этом плане показательны саммиты Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества, которые были призваны выработать

¹⁷⁰ Интервью с П.П. Тимофеевым.

¹⁷¹ Интервью с К.А. Годованюк.

¹⁷² Белов В.Б., Бочаров И.А. Медиация вместо интервенции: подходы Берлина к конфликтам на Ближнем Востоке // РСМД. 23.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mediatsiya-vmesto-interventsii-podkhody-berlina-k-konfliktam-na-blizhnem-vostoke/>

¹⁷³ Çanakçı B., Yılmaz A.L. Allowing Israeli attacks in Gaza to set entire region ablaze: Turkish foreign minister // Anadolu Agency. 29.08.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/allowing-israeli-attacks-in-gaza-to-set-entire-region-ablaze-turkish-foreign-minister/3672842#>

консолидированную позицию по действиям Израиля как в зоне палестино-израильского конфликта, так и за ее пределами. Однако эти встречи не привели к ощутимым результатам.

Египет и Иордания уклонялись от вовлеченности в конфликт в секторе Газа, выходящей за пределы дипломатического инструментария¹⁷⁴. Обе страны отказались от предложений принять беженцев из эксклава¹⁷⁵, опасаясь роста внутренних угроз. Для Иордании это связано с тем, что, по некоторым оценкам, до 60% населения имеет палестинское происхождение¹⁷⁶, а в сентябре 1970 г. Организация освобождения Палестины пыталась совершить переворот в стране. Египет, в свою очередь, находится в тяжелом социально-экономическом положении: 33,5% населения живет за чертой бедности¹⁷⁷. Массовое прибытие беженцев из Газы способно дестабилизировать внутреннюю ситуацию в этих странах и вызвать рост социальной напряженности.

По всей видимости, ряд арабских государств старается избегать вовлечения в военные конфликты даже тогда, когда возникают прямые угрозы их безопасности. Так, в июне 2025 г. резко обострилась ситуация в зоне Персидского залива из-за 12-дневной войны Израиля и Ирана при участии США. В ответ на удары американских сил по иранским ядерным объектам ИРИ атаковала американскую военную базу в Катаре. В сентябре 2025 г. Израиль впервые нанес удар по штаб-квартире ХАМАС в Дохе, несмотря на посредническую роль Катара в переговорах между Израилем и палестинскими структурами. США ограничились дипломатическими заявлениями, подчеркнув необходимость предотвращения дальнейшей эскалации. Реакция арабских стран как на израильские, так и на иранские удары также оказалась весьма сдержанной. Ответ Дохи показал, что она предпочла путь деэскалации, стремясь «сохранить лицо», но при этом уклониться от втягивания в военное противостояние. Эта ситуация подтвердила, что Катар делает ставку не на военные, а на политические и дипломатические инструменты, дополняя их активным продвижением собственной позиции в медиапространстве.

На этом фоне выделяется Иран. С первых дней после нападения ХАМАС на Израиль 7 октября 2023 г. и начала войны в секторе Газа ИРИ оказывала значительную политическую и дипломатическую поддержку движению ХАМАС. Иран на протяжении многих лет помогал ливанской группировке «Хезболла» организационно, а также поставлял ей вооружение и обеспечи-

¹⁷⁴ Bose N., Singh K., Al-Mughrabi N. Trump says Jordan, Egypt should take in Palestinians from Gaza; Egypt and Jordan push back // Reuters. 26.01.2025.

URL: <https://www.reuters.com/world/trump-says-jordan-egypt-should-take-more-palestinians-gaza-2025-01-26>

¹⁷⁵ Egypt, Jordan leaders reject Trump's suggestion to take in Palestinians // Al Jazeera. 29.01.2025.

URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/1/29/egypts-el-sisi-rejects-trumps-suggestion-to-take-in-palestinians>

¹⁷⁶ Jordan Country Report 2024 // BTI Transformation Index.

URL: <https://web.archive.org/web/20250903062637/https://bti-project.org/en/reports/country-report/JOR>

¹⁷⁷ Arab Republic of Egypt Poverty and Equity Brief: October 2025 (English) // World Bank Group. 01.10.2025.

URL: <https://documents.worldbank.org/pt/publication/documents-reports/documentdetail/099558104212527926>

вал финансами¹⁷⁸. После убийства Израилем генерального секретаря «Хезболлы» Хасана Насраллы Иран запустил дроны и ракеты в сторону Израиля, впервые нанеся по нему прямой военный удар.

Пример Пакистана иллюстрирует тенденцию к оптимизации ресурсов и ограничению вовлеченности. По оценке П.В. Топычканова, пакистанские власти прямо связывали дистанцирование от конфликтов с непростой экономической ситуацией. В этом контексте Исламабад придерживался политики «сотрудничества со всеми», что позволяло избегать возможных издержек¹⁷⁹.

Ситуация для Пакистана осложняется тем, что если ранее проблемы безопасности государства концентрировались вокруг Индии, то в последние годы напряженность усилилась и на других направлениях — с Ираном и Афганистаном. Чувствуя уязвимость, Пакистан проводит осторожную политику в отношении стран Ближнего Востока, избегая прямого участия в конфликтах, но продолжая сотрудничество с государствами региона в рамках совместных учений, консультативной работы и развития военно-технического сотрудничества. Однако все более трудная ситуация по периметру границ и внутренние вызовы, связанные с терроризмом, экстремизмом, а также политической и экономической нестабильностью, вынуждают Пакистан искать опоры за пределами своего региона в ущерб «свободе рук»¹⁸⁰.

В сентябре 2025 г. Саудовская Аравия и Пакистан заключили стратегическое оборонное соглашение о взаимопомощи в случае нападения на одно из этих государств¹⁸¹, что изменило региональный расклад сил. Этот шаг закрепил сотрудничество Эр-Рияда и Исламабада в военно-политической сфере и обозначил готовность Пакистана к пересмотру своей прежней осторожной стратегии. При этом сам формат соглашения не отражает перехода к активной военной роли, а скорее создает рамку для формирования новых подходов Пакистана к оборонному сотрудничеству с ближневосточными странами. Суть соглашения не предана огласке, но, согласно поступающим сообщениям, оно предполагает вовлечение ядерного измерения в контекст пакистано-саудовского соглашения¹⁸². Вероятные цели Исламабада и Эр-Рияда — послать этим соглашением политический сигнал, но при этом сохранить высокий уровень неопределенности, чтобы в кризисных ситуациях сохранять пространство для маневра¹⁸³.

Трансформация подходов к ряду «старых» конфликтов прослеживается у широкого круга региональных акторов, включая тех, кто ранее демонстри-

¹⁷⁸ Akbarzadeh S. Hezbollah's Defeat and Iran's Strategic Depth Doctrine // Middle East Council on Global Affairs. 13.04.2025. URL: <https://mecouncil.org/publication/hezbollahs-defeat-and-irans-strategic-depth-doctrine/>

¹⁷⁹ Интервью с П.В. Топычкановым.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Momand A. Pakistan and Saudi Arabia sign defence pact pledging joint response to aggression // DAWN. 17.09.2025. URL: <https://www.dawn.com/news/1942611/pakistan-and-saudi-arabia-sign-defence-pact-pledging-joint-response-to-aggression>

¹⁸² Shah S., El Dahan M. Saudi pact puts Pakistan's nuclear umbrella into Middle East security picture // Reuters. 19.09.2025. URL: <https://www.reuters.com/business/aerospace-defense/saudi-pact-puts-pakistan-nuclear-umbrella-into-middle-east-security-picture-2025-09-19/>

¹⁸³ Интервью с П.В. Топычкановым. Уточнено в октябре 2025 г.

ровал высокую вовлеченность. Так, в предыдущие годы Египет, ОАЭ, Турция и ряд других государств разнопланово поддерживали противоборствующие стороны. В период активной фазы конфликта помощь воюющим сторонам не ограничивалась поставками вооружений и топлива. Турция направляла регулярные подразделения для поддержки Правительства национального единства в Триполи¹⁸⁴, тогда как Египет оказывал военную помощь Ливийской национальной армии¹⁸⁵, а парламент страны официально одобрил возможность ввода египетских войск в Ливию¹⁸⁶. В ливийский кризис также вовлекались внерегиональные акторы, включая Францию, Россию и Италию. Великобритания тоже проявляла интерес к ливийскому треку, рассматривая его как возможность укрепить сотрудничество с ЕС и присоединиться к общеевропейским инициативам по миграции.

После проведения Форума ливийского политического диалога 2021 г. и формирования переходного правительства уровень вовлеченности внешних акторов в ливийский конфликт заметно снизился. Для региональных игроков это связано как с определенной стабилизацией обстановки в Ливии, так и с переориентацией на решение задач, связанных с внутренними социально-экономическими вызовами, проведением структурных реформ и модернизацией. По всей видимости, прямая военная вовлеченность стала восприниматься как фактор, мешающий этим процессам, что привело к снижению уровня военной активности. Внешние акторы заняли позицию «активного наблюдателя», ожидая стабилизации, после чего, возможно, вновь активизируют участие, сделав основную ставку на содействие в восстановлении экономики страны.

Сирийский случай также показателен с точки зрения политики региональных акторов. В первые годы гражданской войны в Сирии Катар и Саудовская Аравия активно финансировали вооруженную оппозицию¹⁸⁷ и оказывали ей дипломатическую поддержку, стремясь легитимизировать оппозиционные структуры. Однако достаточно скоро вовлеченность свелась в основном к гуманитарной и экономической активности, а также к отдельным политическим контактам, в том числе по неформальным каналам. Вовлеченность другого актора в сирийский конфликт — Турции — была большей по масштабу, и помимо финансовой и дипломатической помощи Анкара оказывала отдельным оппозиционным структурам организационное, военно-техническое и иное содействие¹⁸⁸. Иран, в свою очередь, оказывал значительную поддержку официальному правительству в Дамаске и сохранял прямое

¹⁸⁴ Erdogan says Turkey already sending soldiers to Libya // AP. 05.01.2020.
URL: <https://apnews.com/general-news-e165d2a372e9b4e03b2a9c11c73112ce>

¹⁸⁵ Increasing Egyptian military support for Haftar forces in the Battle of Tripoli // Middle East Monitor. 25.04.2019. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20190425-increasing-egyptian-military-support-for-haftar-forces-in-the-battle-of-tripoli>

¹⁸⁶ Egypt's parliament approves troop deployment to Libya // Al Jazeera. 20.07.2020.
URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/7/20/egypts-parliament-approves-troop-deployment-to-libya>

¹⁸⁷ Saudi Arabia and Qatar funding Syrian rebels // Reuters. 23.06.2012.
URL: <https://www.reuters.com/article/world/saudi-arabia-and-qatar-funding-syrian-rebels-idUSBRE85M078>

¹⁸⁸ The state of the Syrian National Army. March 2022 // The Carter Center. URL: https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/peace/conflict_resolution/syria-conflict/2022/state-of-the-syrian-national-army-march-2022.pdf

военное присутствие в стране¹⁸⁹. Израиль наносил удары по иранским объектам в Сирии, тем самым стремясь ограничить активность Тегерана в этой стране.

После свержения Башара Асада соперничество между региональными акторами (включая не только ряд арабских стран, но и Турцию) трансформировалось. Если раньше предметом борьбы было превосходство различных оппозиционных группировок, то теперь конкуренция разворачивается вокруг влияния на правительство Сирии. Турция оказывает новому сирийскому правительству не только финансовую, но и военную поддержку¹⁹⁰. Ставка Катара и Саудовской Аравии на решение экономических и гуманитарных проблем стала еще более заметной. Так, Эр-Рияд и Доха в 2025 г. согласились предоставить Дамаску финансовую помощь в размере 89 млн долл.¹⁹¹

Дамаск, в свою очередь, проводит диверсифицированную политику, выстраивая отношения как с Турцией и арабскими странами, так и с внерегиональными игроками. В этом контексте особую роль играют российские военные базы, которые многие региональные акторы (включая Израиль и аравийские монархии) рассматривают как противовес турецкому влиянию. Турция же, напротив, стремится укрепить собственные позиции.

Что касается йеменского конфликта, то ранее Саудовская Аравия и ОАЭ осуществляли прямое военное вмешательство. Однако в последние годы ситуация изменилась, а конфликт находится в полужамороженном состоянии. После подписания в 2022 г. соглашения о перемирии между Эр-Риядом и Саной, которое также было поддержано Абу-Даби, вооруженное противостояние между Арабской коалицией и «Ансараллой» фактически прекратилось. Это отражает в том числе смещение акцентов региональных игроков с военной плоскости на политическую и дипломатическую.

В целом можно ожидать, что внерегиональные акторы и далее будут стремиться к оптимизации ресурсов и приоритизации отдельных направлений, сохраняя осторожность, прагматизм и опору на многосторонние механизмы взаимодействия. При этом региональные государства будут адаптировать собственные стратегии в зависимости от изменения баланса сил, предпочитая политические и экономические инструменты прямому военному участию.

Конфликты через призму внутренних проблем

Ряд внешних акторов рассматривают проблемы, связанные с конфликтами на Ближнем Востоке и в Северной Африке, с точки зрения собственных

¹⁸⁹ Hassan M., Al-Ahmed S. Iran's growing presence in Syria's al-Hasakah poses a direct threat to US forces // Middle East Institute. 24.03.2022.

URL: <https://www.mei.edu/publications/irans-growing-presence-syrias-al-hasakah-poses-direct-threat-us-forces>

¹⁹⁰ Gumrukcu T. Turkey to help Syria with weapon systems, equipment under new accord, source says // Reuters. 14.08.2025.

URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/turkey-help-syria-with-weapon-systems-equipment-under-new-accord-source-says-2025-08-14/>

¹⁹¹ Rahman F. Saudi Arabia and Qatar pledge \$89 million to support Syria's public sector // The National. 25.09.2025.

URL: <https://www.thenationalnews.com/business/economy/2025/09/25/saudi-arabia-and-qatar-pledge-89-million-to-support-syrias-public-sector>

вызовов. Одним из ключевых направлений становится устранение угроз безопасности, исходящих из региона. Так, по мнению Р.Ш. Мамедова, Россия воспринимала сирийский конфликт в том числе через призму борьбы с потоком выходцев из стран постсоветского пространства, направлявшихся в Сирию и Ирак для участия в боевых действиях на стороне террористических организаций. Российская стратегия предполагала авиационную и консультационную поддержку правительственных сил, что рассматривалось как инструмент противодействия терроризму и защиты национальной безопасности¹⁹².

Для Индии, по словам П.В. Топычанова, палестинская проблема также связана с вопросами борьбы с терроризмом, но в контексте внутренней политики. Индийское руководство видит в ней отражение собственных вызовов, связанных с радикализацией и деятельностью экстремистских групп. Курдский вопрос воспринимается индийскими политиками по аналогии с кашмирской проблемой, что подталкивает Дели к сохранению стратегии невмешательства во внутренние дела других государств¹⁹³.

Для ряда внешних акторов, прежде всего Европейского союза и Турции, особое значение имеет миграционный фактор. Члены Объединения рассматривают конфликты в регионе как источник миграционных вызовов, поэтому любая трансформация какого-либо конфликта или изменение его динамики неизбежно вызывает дискуссии о миграционной политике. Л.Д. Оганисян обращает внимание на то, что смена политического режима в Сирии спровоцировала в отдельных странах ЕС обсуждение возможного возвращения сирийских беженцев, хотя гуманитарная и экономическая ситуация в стране остается крайне тяжелой¹⁹⁴. По мнению экспертов, эта тема стала особенно чувствительной в связи с усилением позиций правых политических сил в Европарламенте и в отдельных странах ЕС.

Начиная с 2023 г. поляризация усилилась и в отношении палестино-израильского конфликта и войны в секторе Газа. Общая позиция ЕС состоит в поддержке принципа «двух государств», однако в конкретных аспектах регулирования сохраняются значительные разногласия. По оценке Л.Д. Оганисян, Брюссель старается маневрировать, балансируя позиции стран-участниц. Например, применяя рестрикции против ХАМАС и «Исламского джихада в Палестине», Евросоюз одновременно ввел ряд ограничительных мер в отношении так называемых «агрессивных поселенцев», нарушающих права палестинцев на Западном берегу р. Иордан, в рамках Глобального режима санкций ЕС в области прав человека¹⁹⁵. Однако внутри ЕС сохраняются глубокие разногласия, которые мешают принятию более серьезных ограничений в отношении Израиля. Несмотря на то, что такие меры регулярно обсуждаются, внутренние политические разломы и различие национальных позиций не позволяют достичь консенсуса в Объединении.

¹⁹² Интервью с Р.Ш. Мамедовым.

¹⁹³ Интервью с П.В. Топычановым.

¹⁹⁴ Интервью с Л.Д. Оганисян.

¹⁹⁵ Там же.

В контексте западносахарского конфликта европейские страны сосредоточены на обеспечении стабильности в Магрибе и предотвращении роста миграционных потоков. В 2025 г. ЕС продлил до 2027 г. операцию «Ирины» в Ливии¹⁹⁶, которая направлена на содействие выполнению оружейного эмбарго ООН в отношении Ливии.

Что касается сирийского конфликта, то потенциальная стабилизация ситуации в Сирии выгодна Турции, так как она позволяет решить часть миграционных проблем. Для Анкары важной задачей остается возвращение сирийских беженцев на родину: по данным на 2024 г. в Турции находилось более 3,1 млн сирийцев¹⁹⁷, чье присутствие создавало ощутимую нагрузку на экономику. В первые девять месяцев после свержения Башара Асада в Сирию вернулось около 1 млн беженцев¹⁹⁸.

В контексте сирийского конфликта примечательно, что некоторые внешние региональные акторы стремятся создать в этой стране буферную зону с целью противодействия террористическим угрозам. Это касается, в частности, Турции, которая поддерживает протурецкие прокси, объединенные в «Сирийскую национальную армию», а также Израиля, который сохраняет военное присутствие в приграничных районах.

Другой пример связан с ливийским конфликтом. Так, для Египта вовлеченность в этот кризис, особенно в 2020–2021 гг., объясняется в том числе стремлением предотвратить консолидацию власти в Ливии силами, близкими к запрещенному в Египте движению «Братья-мусульмане»*. После проведения Форума ливийского политического диалога 2021 г. и формирования переходного правительства эта проблема утратила остроту, однако контрабанда оружия из Ливии в Египет продолжает оставаться источником угрозы безопасности¹⁹⁹.

Значимым направлением вовлеченности внешних акторов остается защита транспортных коридоров и энергетических маршрутов. Хотя США в меньшей степени зависят от ближневосточной нефти, колебания мировых цен на энергоносители по-прежнему влияют на глобальную экономику. В этой связи Соединенные Штаты и Великобритания участвуют в совместных операциях по обеспечению свободы судоходства в Аденском заливе и Красном море, где активность движения «Ансаралла» угрожает безопасности морских путей. ЕС, в свою очередь, в феврале 2024 г. запустил миссию «*Aspides*» в Красном море для обеспечения безопасности и защиты торго-

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

¹⁹⁶ European Union Council extends the mandate of operation IRINI until 2027 // EUNAVFOR MED OPERATION IRINI. 13.03.2025. URL: <https://www.operationirini.eu/european-union-council-extends-the-mandate-of-operation-irini-until-2027>

¹⁹⁷ Türkiye. Fact Sheet September 2024 // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/tr/media/bi-annual-fact-sheet-2024-09-turkiye-pdf>

¹⁹⁸ A million Syrians have returned home, but more support needed so millions more can follow // UNHCR. 24.09.2025. URL: <https://www.unhcr.ca/news/a-million-syrians-have-returned-home-but-more-support-needed-so-millions-more-can-follow>

¹⁹⁹ Fadel I. Libya Seizes 'Dangerous' Weapons that Were to Be Smuggled to Egypt // Asharq Al-Awsat. 20.02.2023. URL: <https://english.aawsat.com/home/article/4168851/libya-seizes-'dangerous'-weapons-were-be-smuggled-egypt>

вых судов²⁰⁰. По словам В.Б. Кашина, Китай также негативно воспринимает угрозы в Красном море, однако избегает прямого вмешательства. Пекин рассматривает йеменский кризис через призму двусторонних связей с Тегераном и старается не обострять ситуацию²⁰¹.

Для некоторых государств Ближнего Востока вовлеченность в конфликты тесно связана с рядом других внутренних вызовов. Так, Саудовская Аравия восстановила отношения с Сирией весной 2023 г., и та была вновь принята в ЛАГ. Возможно, одним из факторов сближения стала необходимость борьбы с незаконным оборотом каптагона. По данным *UNODC (United Nations Office on Drugs and Crime)*, в 2012–2021 гг. около 67% объема всего изъятого в мире каптагона приходилось на Саудовскую Аравию²⁰². Весной 2023 г. в Аммане прошла встреча министров иностранных дел Сирии, Египта, Ирака, Саудовской Аравии и Иордании, на которой обсуждалась «дорожная карта» сирийского урегулирования. Как раз на этом саммите сирийская сторона обязалась содействовать ликвидации каналов наркоторговли²⁰³. Таким образом, договоренности были достигнуты еще до свержения Башара Асада в декабре 2024 г. Новые сирийские власти активизировали усилия по решению этой проблемы, в результате чего, по некоторым оценкам, производство и оборот каптагона сократились на 80%²⁰⁴.

В целом внешние акторы стремятся не только предотвратить эскалацию конфликтов, но и минимизировать угрозы собственным интересам. Основными приоритетами остаются противодействие радикальному исламу, недопущение возвращения боевиков ИГИЛ*, сокращение миграционных потоков и защита экономических интересов, включая безопасность транспортных коридоров.

Посреднические усилия и гуманитарное измерение

В ряде случаев интересы внерегиональных акторов в решении проблем, связанных с конфликтами на Ближнем Востоке и в Северной Африке, совпадают. Это касается, например, урегулирования иранской ядерной проблемы, которое способно снизить уровень конфликтности в регионе. При этом подходы к решению тех или иных вопросов нередко расходятся.

Как показала реакция на убийство алавитов и христиан в Сирии в марте 2025 г., внешние акторы способны на коллективные действия, в том числе

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

²⁰⁰ Security and freedom of navigation in the Red Sea: Council launches EUNAVFOR ASPIDES // Council of the EU. 19.02.2024. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2024/02/19/security-and-freedom-of-navigation-in-the-red-sea-council-launches-new-eu-defensive-operation/>

²⁰¹ Интервью с В.Б. Кашиным.

²⁰² World Drug Report 2025 // United Nations Office on Drugs and Crime. New York, 2025. P. 26. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2025/WDR25_B1_Key_findings.pdf

²⁰³ Al-Khalidi S. Syria agrees to curb drug trade at Arab ministers meeting // Reuters. 01.05.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/arab-ministers-discuss-how-normalise-ties-with-syria-2023-05-01>

²⁰⁴ Jalabi R. Inside Syria's battle to dismantle Assad's narco-state // Financial Times. 20.08.2020. URL: <https://www.ft.com/content/d81e3c6c-c157-4281-92ec-135d70b497cb>

в рамках Совета Безопасности ООН. При этом важно отметить, что реакция некоторых внерегиональных игроков (прежде всего ЕС и ряда государств — членов Объединения) оказалась неоднозначной, а ответственность за вспышки насилия возлагалась на «проасадовских ополченцев»²⁰⁵. Таким образом, даже при наличии коллективных усилий их эффект зачастую ограничен не только отсутствием внутренних условий для урегулирования, но и различиями в позициях внешних игроков.

А.С. Евсеенко отмечает, что у США можно выделить три ключевых подхода к урегулированию конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Силовой предполагает навязывание выгодных для Вашингтона условий посредством применения военной силы. Другой подход связан с разработкой и продвижением собственных формул урегулирования. Третий — с созданием условий для прямых переговоров между участниками конфликта²⁰⁶.

В марте 2023 г. Китай сыграл ключевую роль в процессе нормализации ирано-саудовских отношений, что стало крупнейшим дипломатическим успехом Пекина в регионе. Это послужило важным сигналом того, что КНР способна влиять на политическую ситуацию в регионе с помощью дипломатических инструментов.

Как отмечает В.Ю. Смирнов, Россия, вовлекаясь в конфликты на Ближнем Востоке и в Северной Африке, делает акцент на дипломатические инструменты с учетом позиций региональных государств. По его словам, в Москве исходят из того, что ООН остается ключевым инструментом урегулирования, хотя эффективность решений, принимаемых в рамках этой организации, оценивается как ограниченная²⁰⁷.

Европейские государства, в свою очередь, делают ставку на многосторонние дипломатические форматы, взаимодействуя как с внерегиональными и региональными игроками, так и с международными организациями, включая ООН и ОБСЕ. Часто участие отдельных стран в таких форматах носит декларативный характер и отражает стремление продемонстрировать приверженность нормализации, а не активное вовлечение в решение конфликтов.

На фоне некоторой отстраненности ряда внерегиональных акторов отдельные региональные игроки, напротив, занимают активную позицию, стремясь содействовать урегулированию или хотя бы снижению уровня противостояния. Так, Египет и Катар выступали посредниками в войне Израиля и ХАМАС, способствуя обмену пленными и предоставляя площадки для

²⁰⁵ Syria: Statement by the High Representative on behalf of the European Union on the recent wave of violence // Council of the EU. 11.03.2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/03/11/syria-statement-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-the-recent-wave-of-violence/>

²⁰⁶ Евсеенко А.С., Бочаров И.А. Сегодня американская политика в секторе Газа — это скорее тактика, чем стратегия // РСМД. 29.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/segodnya-amerikanskaya-politika-v-sektore-gaza-eto-skoree-taktika-chem-strategiya/>

²⁰⁷ Интервью с В.Ю. Смирновым.

переговоров²⁰⁸. Посреднические усилия предпринимала и Турция, которая стала одним из подписантов соглашения, заключенного в октябре 2025 г. в Шарм-эш-Шейхе, о прекращении огня в секторе Газа²⁰⁹. Вероятно, Катар также участвовал в достижении перемирия между Израилем и Ираном летом 2025 г.²¹⁰

Значимыми остаются посреднические усилия Омана, особенно на американо-иранском направлении. Оман неоднократно предоставлял площадку для переговоров между Вашингтоном и Тегераном. При содействии Омана, Катара и Швейцарии в 2023 г. была достигнута договоренность о разморозке США иранских 6 млрд долл. в обмен на освобождение американских заключенных²¹¹.

Важным направлением дипломатической активности внешних акторов остаются стремления изменить внутреннюю ситуацию в конфликте путем содействия развитию более конструктивных и гармоничных отношений между отдельными акторами, в том числе негосударственными. Так, В.Ю. Смирнов обращает внимание на то, что Россия, Китай и Алжир продолжают содействовать межпалестинскому диалогу, исходя из того, что внутреннее единство палестинской стороны остается важным условием для продвижения переговорного процесса с Израилем²¹².

Большое значение имеет финансовая помощь, оказываемая странам, охваченным конфликтами. На 2025 г. ЕС утвердил гуманитарные ассигнования в размере 1,9 млрд евро, из которых 470 млн направлены в страны Ближнего Востока и Северной Африки. Саудовская Аравия и Катар пообещали оплатить долги Сирии в размере около 15 млн долл. перед Всемирным банком²¹³. Для Сирии это особенно важно, учитывая то, что решение проблемы с оплатой долгов было предварительным условием для получения международной финансовой помощи.

ЕС и государства — члены Объединения входят в число крупнейших доноров БАПОР. Аравийские монархии также активно участвуют в гуманитарных инициативах для палестинцев. Так, Саудовская Аравия выделила Газе 40 млн долл.²¹⁴, Катар направил более 4,7 тыс. т гуманитарной

²⁰⁸ Hanedar F., Keskin O. В рамках 6-го раунда обмена пленными между ХАМАС и Израилем будут освобождены 369 палестинцев // Anadolu Agency. 14.02.2025. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/мир/б-рамках-6-го-раунда-обмена-пленными-между-хамас-и-израилем-будут-освобождены-369-палестинцев/3482410>

²⁰⁹ Joint Egypt-Qatar-Turkiye-US statement on Gaza: The full text // Al Jazeera. 13.10.2025. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2025/10/13/joint-egypt-qatar-turkiye-us-statement-on-gaza-the-full-text>

²¹⁰ Qatari prime minister secured Iran's agreement to US ceasefire proposal after call with Trump, official says // Reuters. 24.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatari-prime-minister-secured-irans-agreement-us-ceasefire-proposal-after-call-2025-06-23>

²¹¹ Fassihi F., Shear M.D. U.S. Reaches Deal With Iran to Free Americans for Jailed Iranians and Funds // The New York Times. 10.08.2023. URL: <https://www.nytimes.com/2023/08/10/us/politics/iran-us-prisoner-swap.html>

²¹² Интервью с В.Ю. Смирновым.

²¹³ Abdulrahim R. Saudi Arabia and Qatar to Pay Off Syria's Debt to the World Bank // The New York Times 28.04.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/04/28/world/middleeast/saudi-arabia-qatar-syria-debt.html>

²¹⁴ Saudi Arabia boosts funding to UNRWA by \$40 million targeting Gaza relief // Reuters. 20.03.2024. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/saudi-arabia-boosts-funding-unrwa-by-40-million-targeting-gaza-relief-2024-03-20/>

помощи²¹⁵ и не менее 100 млн долл.²¹⁶, а объем гуманитарной помощи ОАЭ превысил 4 тыс. т²¹⁷. Помощь ЕС составила свыше 450 млн евро и 3,8 тыс. т поставок²¹⁸, США оказывали поддержку через Гуманитарный фонд Газы, который функционировал с мая по октябрь 2025 г.²¹⁹

В конфликтах, таких как палестино-израильский, сирийский или ливийский, многие акторы стремятся не столько поддерживать одну из сторон, сколько занять позицию «над схваткой» и выступить фасилитаторами политического диалога. В этом контексте фасилитаторы рассматриваются не как нейтральные наблюдатели, а как активные посредники, создающие условия для переговоров и гуманитарных инициатив между сторонами конфликта.

Некоторые страны (яркий пример — Китай) проявляют интерес к участию в постконфликтном восстановлении, однако их готовность напрямую финансировать такие процессы ограничена. В случае Сирии препятствием остается неблагоприятный инвестиционный климат и слабая защита собственности.

Соединенные Штаты, в свою очередь, отменили большую часть санкций, введенных против Сирии²²⁰. Кроме того, США исключили ХТШ* из списка террористических организаций²²¹. Эти действия можно рассматривать как попытку укрепить свои позиции в Сирии, используя гуманитарные и дипломатические инструменты.

Совет Европейского союза, в свою очередь, принял правовые акты для отмены санкций против Сирии²²². В.Б. Белов на примере Германии обращает внимание на то, каким образом гуманитарный вектор внешней политики реализуют отдельные страны ЕС в отношении региона. Так, ФРГ активно участвует в инициативах и программах ООН, а также стала одной из первых стран, открывших посольство в Сирии, что можно рассматривать как

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

²¹⁵ Qatar's 15-month humanitarian efforts in Gaza stepped up // Reliefweb. 27.01.2025.

URL: <https://reliefweb.int/report/occupied-palestinian-territory/qatars-15-month-humanitarian-efforts-gaza-stepped-enar>

²¹⁶ Qatar Announces Extra \$100 Million Pledge in Response to Gaza Humanitarian Crisis // Ministry of Foreign Affairs – State of Qatar. 26.09.2024. URL: <https://mofa.gov.qa/en/qatar/latest-articles/latest-news/details/2024/09/26/qatar-announces-extra-100-million-pledge-in-response-to-gaza-humanitarian-crisis>

²¹⁷ UAE carries out 80th airdrop of humanitarian aid under Birds of Goodness Operation to support Gaza // WAM. 25.08.2025. URL: <https://www.wam.ae/en/article/bldgyim-uae-carries-out-80th-airdrop-humanitarian-aid>

²¹⁸ EU announces new €120 million humanitarian aid package for Gaza // European Commission. 16.01.2025. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/news-stories/news/eu-announces-new-eu120-million-humanitarian-aid-package-gaza-2025-01-16_en

²¹⁹ Nichols M., Farge E. What is the new US-backed Gaza aid plan and why doesn't the UN like it? // Reuters. 10.06.2025. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/new-us-backed-gaza-aid-plan-why-un-doesnt-like-it-2025-05-20/>; Odenheimer N., Rasgon A., Halbfinger D.M. Gaza Operations of Much-Criticized U.S. Aid Group Unravel // The New York Times. 20.10.2025. URL: <https://www.nytimes.com/2025/10/20/world/middleeast/gaza-humanitarian-foundation.html>

²²⁰ Termination of Syria Sanctions // U.S. Department of State. 30.06.2025. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/06/termination-of-syria-sanctions>

²²¹ Revoking the Foreign Terrorist Organization Designation of Hay'at Tahrir al-Sham // U.S. Department of State. 07.07.2025. URL: <https://www.state.gov/releases/office-of-the-spokesperson/2025/07/revoking-the-foreign-terrorist-organization-designation-of-hayat-tahrir-al-sham>

²²² Syria: EU adopts legal acts to lift economic sanctions on Syria, enacting recent political agreement // Council of the EU. 28.05.2025. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2025/05/28/syria-eu-adopts-legal-acts-to-lift-economic-sanctions-on-syria-enacting-recent-political-agreement/>

неформальное признание легитимности нового правительства. Германия направила значительные объемы помощи на стабилизацию приграничных районов, в частности для защиты беженцев на границах с Ливаном и Иорданией²²³. К.А. Годованюк обращает внимание на то, что формальное восстановление дипломатических отношений Великобритании с Сирией состоялось летом 2025 г., еще до исключения группировки ХТШ* из списка террористических²²⁴. Устранив позже это политико-правовое противоречие, лейбористы взяли курс на более тесное взаимодействие с сирийским правительством, в том числе в вопросе противодействия терроризму и нелегальной миграции²²⁵.

Таким образом, целый ряд внешних акторов уделяют заметное внимание гуманитарному измерению конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Помимо оказания прямой помощи странам региона, наблюдается активизация дипломатических усилий с целью содействовать урегулированию конфликтов.

Выводы

Подводя итоги, важно еще раз подчеркнуть, что политика внешних акторов — как региональных, так и находящихся за пределами Ближнего Востока и Северной Африки — не универсальна и не линейна. Каждый актор выстраивает свои подходы к конфликтам в регионе, сочетая долгосрочные приоритеты с реагированием на конъюнктурные изменения. Именно поэтому целью данного раздела не было выявление некой всеобщей закономерности: каждый игрок уникален и действует самостоятельно в соответствии со своей логикой и интересами.

Тем не менее в политике многих внешних субъектов прослеживаются общие акценты, которые можно условно назвать тенденциями. В первую очередь это стремление к оптимизации — нежеланию вовлекаться в конфликты посредством масштабного применения военной силы и предпочтению инструментов, позволяющих защищать интересы с минимальными издержками. Для разных стран эта «оптимизация» принимает разные формы. Как показали события 2024–2025 гг., США готовы к прямому военному вмешательству. При этом приоритет сохраняется за операциями военно-воздушных сил и флота. Многие другие крупные внерегиональные акторы, в том числе Китай, вовсе избегают военного вмешательства, делая ставку на политические и экономические инструменты.

Оптимизация заметна и в политике региональных государств, но и здесь присутствует большая неоднородность. Так, политика Турции в отношении

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

²²³ Белов В.Б., Бочаров И.А. Медиация вместо интервенции: подходы Берлина к конфликтам на Ближнем Востоке // РСМД. 23.04.2025. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/mediatsiya-vmesto-interventsii-podkhody-berlina-k-konfliktam-na-blizhnem-vostoke/>

²²⁴ UK removes Hay'at Tahrir al-Sham from terrorist organisation list // GOV.UK. 21.10.2025. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-removes-hayat-tahrir-al-sham-from-terrorist-organisation-list>

²²⁵ Интервью с К.А. Годованюк. Уточнено в октябре 2025 г.

сирийского конфликта существенно отличалась от подходов Саудовской Аравии и ОАЭ: Анкара продемонстрировала более высокий уровень вовлеченности. Свержение в декабре 2024 г. Башара Асада в Сирии ознаменовало новый этап. Внешние акторы стремятся оказать воздействие на новые власти с целью укрепления собственных позиций и обеспечения своих интересов, в том числе осуществляя экономическую и гуманитарную помощь стране. Ряд внешних акторов начал постепенное смягчение санкционного режима в отношении Сирии, связывая это с необходимостью поддержки процессов постконфликтного восстановления.

При этом подходы внешних акторов в отношении конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке часто обусловлены стремлением сдерживать возможные угрозы, исходящие из региона. Это касается в том числе вопросов, связанных с безопасностью в самом широком смысле этого слова: от сдерживания тех сил, которые актор считает террористическими, и защиты морских путей до решения проблем миграции и борьбы с наркотрафиком.

Кроме того, все более заметным становится акцент на гуманитарном измерении политики. Внешние акторы — и региональные, и внерегиональные — направляют помощь в сектор Газа, Йемен, Сирию и другие горячие точки, действуя как через многосторонние форматы, так и в двустороннем порядке. Возросла дипломатическая активность, направленная на посредничество и обеспечение фасилитации в мирных переговорах, и здесь региональные акторы проявили себя по-новому. Если раньше переговорный процесс вокруг палестино-израильского трека во многом монополизировали крупные внерегиональные игроки — сначала СССР и США, а затем ближневосточный «квартет», — то сейчас все более заметную роль играют региональные посредники, прежде всего Египет и Катар. При этом внерегиональные акторы не вышли из процесса полностью: примером служит дипломатическая активность США и продвижение ими в октябре 2025 г. мирного плана президента Дональда Трампа по прекращению войны в секторе Газа.

В целом политика внешних акторов в отношении конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке характеризуется не только оптимизацией вмешательства, но и стремлением к адаптации стратегий под новые политические и экономические реалии региона. В то же время именно внутренние драйверы и условия конфликтов по-прежнему часто оказываются определяющими, а внешние игроки вынуждены реагировать на них, стремясь ограничить угрозы, защитить интересы и укрепить свои позиции в регионе.

Благодарность от автора

Автор раздела выражает особую благодарность экспертам за их согласие дать интервью, а также за их мнения и комментарии, которые внесли вклад во всестороннее рассмотрение темы.

Владислав Борисович Белов, заместитель директора по научной работе Института Европы РАН, член РСМД.

Кира Анатольевна Годованюк, ведущий научный сотрудник Центра британских исследований Института Европы РАН, доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России.

Андрей Сергеевич Евсеенко, заместитель директора по научной работе Института США и Канады им. Г.А. Арбатова РАН, доцент Факультета мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук.

Василий Борисович Кашин, директор Центра комплексных европейских и международных исследований (ЦКЕМИ), доцент Департамента зарубежного регионоведения Факультета мировой экономики и мировой политики (ФМЭиМП) НИУ ВШЭ, член РСМД.

Руслан Шакирович Мамедов, научный руководитель Центра внешнеполитического сотрудничества имени Е.М. Примакова, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Лида Давидовна Оганисян, старший научный сотрудник Отдела международно-политических проблем ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Виктор Юрьевич Смирнов, Чрезвычайный и Полномочный Посол России, заведующий Отделом Израиля и еврейских общин Института востоковедения РАН.

Лев Маркович Соколыцкий, доцент Департамента зарубежного регионоведения, ведущий научный сотрудник ЦКЕМИ, старший научный сотрудник Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ.

Павел Петрович Тимофеев, заведующий Сектором региональных проблем и конфликтов Отдела европейских политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Петр Владимирович Топычканов, заведующий Сектором новых вызовов в Южной и Юго-Восточной Азии Центра Индоокеанского региона ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, доцент Факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Конфликтный потенциал Ближнего Востока и Северной Африки в контексте региональных тенденций

Кортунов А.В. Ближний Восток и Северная Африка стоят перед целым рядом долгосрочных вызовов безопасности и развитию. Многие эксперты сходятся во мнении, что на протяжении ближайших нескольких лет, а возможно — и нескольких десятилетий многие нынешние, по большей части негативные тенденции и процессы, воздействующие на регион, не удастся ни обратить вспять, ни даже существенно замедлить²²⁶. Их совокупная накопленная инерция слишком значительна и, по широко распространенному мнению, будет воздействовать на Ближний Восток и Северную Африку как минимум на протяжении жизни еще одного, а то и двух поколений. При этом, однако, на фоне в целом малоутешительной картины в регионе существуют и несомненные «истории успеха», заслуживающие особого внимания и дающие основания для осторожного оптимизма²²⁷.

Одна из примечательных особенностей этого региона состоит в том, что он может с немалыми на то основаниями считаться вполне репрезентативной моделью всего мира в целом. Иными словами, Ближний Восток и Северная Африка отражают многие общемировые черты развития: возникающие новые возможности и препятствующие этим возможностям противоречия, потенциал двустороннего и многостороннего сотрудничества государств и предпосылки ожесточенных гражданских и региональных конфликтов. В регионе присутствуют как проявления социального и политического постмодерна, так и элементы социально-экономического и политического традиционализма, и даже социальной и политической архаики. Демонстративное богатство соседствует с вопиющей нищетой, централизованные бюрократические иерархии — с хроническим кризисом государственности, политический оппортунизм «верхов» — с религиозным фундаментализмом «низов» и т.д.

В этом смысле анализ конфликтного потенциала Ближнего Востока и Северной Африки в какой-то степени позволяет строить гипотезы и даже делать обоснованные выводы также и о возможных истоках конфликтов в целомоческом социуме в целом как в самом ближайшем будущем, так и в более отдаленной перспективе. Ниже представлен краткий, вероятно, далеко не полный обзор основных составляющих конфликтного потенциала региона. Подчеркнем, что этот потенциал не ограничивается исключительно существующими или потенциально возможными межгосударственными противо-

²²⁶ The Middle East Faces Major Development Challenges: Most Countries Are Not Prepared to Meet Them // Middle East Council on Global Affairs. 02.07.2022. URL: <https://mecouncil.org/publication/the-middle-east-faces-major-development-challenges-most-countries-are-not-prepared-to-meet-them-2/>

²²⁷ Yousef T.M., Aboueldahab N., Ghafar A.A., Zoubir Y.H., Fathollah-Nejad A., Kabbani N. The Middle East and North Africa over the next decade: Key challenges and policy options // The Brookings Institution. 03.03.2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-middle-east-and-north-africa-over-the-next-decade-key-challenges-and-policy-options/>

речиями, но включает в себя многочисленные социально-экономические и политические измерения внутреннего развития государств региона.

Незавершенность национальных модернизационных проектов

Можно со значительной долей уверенности утверждать, что одной из фундаментальных проблем Ближнего Востока и Северной Африки, как и многих других регионов глобального Юга, остается незавершенность национальных проектов социально-экономической и политической модернизации. Более того, в регионе не возникло общепризнанных моделей модернизации, которые могли бы выступить в роли образцов для подражания и распространения. Израильская модель во многих отношениях остается уникальной, равно как и опыт богатых арабских стран Залива (ОАЭ, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия и др.). Турецкая модель развития, когда-то считавшаяся безусловным успехом в большей части исламского мира, порождает все больше вопросов и сомнений — не только в соседних странах, но и в самой Турции. Тем более, несмотря на все несомненные достижения этих стран, трудно считать однозначно успешным модернизационный опыт Египта или Ирака.

Согласно официальной статистике, Ближний Восток и Северная Африка не относятся к числу регионов с самым высоким разрывом в доходах бедных и богатых. Однако официальная статистика скрывает истинное положение дел, особенно если рассматривать неравенство не только внутри отдельных стран региона, но и между ними (например, между богатым Катаром и бедным Йеменом). Социологи предсказывают дальнейший рост внутреннего неравенства между крупными городами и прибрежными областями, с одной стороны, и сельскими территориями, малыми городами и удаленными от морских коммуникаций областями — с другой²²⁸.

Если разрыв между элитами и основной частью населения будет расти и дальше, социальные лифты окажутся во многих случаях неработающими, количество новых рабочих мест (особенно для молодежи и женщин) будет ограничено, а клиентские отношения, коррупция и nepotism будут по-прежнему процветать в большинстве стран региона, то социальное напряжение так или иначе будет выливаться в политическую нестабильность. Увеличение неравенства в сочетании с низкой эффективностью государственного управления и вероятным сокращением социальных программ способны привести к сценарию «второй арабской весны» — массовой уличной активности с целью свержения правящих режимов²²⁹. Даже если «вторая арабская весна» будет подавлена властями, а авторитарные режимы в своем большинстве устоят (в том числе и благодаря явной или неявной поддержке со стороны внерегиональных держав), социальные и политические протесты

²²⁸ Kallas D. In a region brought to its knees, inequality kills // Oxfam International. 17.02.2022.
URL: <https://www.oxfam.org/en/blogs/region-brought-its-knees-inequality-kills>

²²⁹ Guesmi H. The Arab Spring is not dead // Al Jazeera. 31.07.2023.
URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2023/7/31/the-arab-spring-is-not-dead>

сты в том или ином виде будут продолжаться, подрывая легитимность и устойчивость политического руководства. С другой стороны, нарастание социально-экономических проблем способно провоцировать власти на попытки сохранить общественную поддержку за счет ультранационалистических нарративов и внешнеполитических побед над своими региональными противниками.

Весьма противоречивым с точки зрения региональной стабильности выглядит распространение в регионе современных технологий и, в первую очередь, доступного интернета²³⁰. Интернет и сопутствующие сетевые технологии способны стать не только альтернативным источником информации, но и новым механизмом социальной и политической организации (особенно в Иране, Ираке и странах Леванта). Там, где авторитарным режимам не удастся поставить интернет под свой контроль, появятся предпосылки для быстрого развития «виртуального гражданского общества» с участием традиционно наименее активных групп населения (женщины, безработные, меньшинства). Активность этих групп станет важным фактором, ускоряющим социальную и политическую трансформацию региона, но одновременно подрывающим социально-политическую стабильность в отдельных странах Ближнего Востока и Северной Африки²³¹.

Изменения климата и ресурсные дефициты

Происходящие в мире климатические сдвиги уже оказывают и будут оказывать значительное воздействие на безопасность региона. Во многих странах обостряются ресурсные дефициты, в первую очередь касающиеся воды и продовольствия²³². Продолжающаяся деградация природной среды происходит в условиях быстрого роста численности населения: в регионе уже живут около полумиллиарда человек, а к середине столетия численность населения может достигнуть 724 млн²³³. Все это может привести к серьезному ухудшению качества жизни, что, в свою очередь, будет иметь значительные социальные, экономические и политические последствия, обострив как внутренние, так и межгосударственные конфликты. Климат в регионе станет в целом более засушливым, а дефицит водных ресурсов затронет почти все страны Ближнего Востока и Северной Африки²³⁴. Можно предвидеть обострение борьбы соседних стран за стоки трансграничных

²³⁰ Internet users for Developing Countries in Middle East and North Africa // Federal Reserve Bank of St. Louis. 19.09.2023. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/ITNETUSERP2MNA>

²³¹ Kharroub T. Cyberactivism in the Middle East: Six potentials and six limitations of new media technologies in democratization // Arab Center Washington DC. 30.09.2015. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/cyberactivism-in-the-middle-east-six-potentials-and-six-limitations-of-new-media-technologies-in-democratization/>

²³² Rezaei A., Karami K., Tilmes S., Moore J.C. Future water storage changes over the Mediterranean, Middle East, and North Africa in response to global warming and stratospheric aerosol intervention. *Earth Syst. Dynam.* 2024. No. 15. Pp. 91–108. URL: <https://doi.org/10.5194/esd-15-91-2024>

²³³ MENA Generation 2030: Investing in children and youth today to secure a prosperous region tomorrow // UNICEF. URL: <https://www.unicef.org/mena/reports/mena-generation-2030>

²³⁴ Lim J., Abillama N., D'Adamo C. Climate resilience is key to energy transitions in the Middle East and North Africa // International Energy Agency. 03.07.2023. URL: <https://www.iea.org/commentaries/climate-resilience-is-key-to-energy-transitions-in-the-middle-east-and-north-africa>

рек. Даже те страны, где изменение климата приведет к увеличению нормы осадков (Турция) или объема речных водных ресурсов (Египет, Судан), не смогут гарантировано воспользоваться дополнительными водными ресурсами для повышения эффективности сельского хозяйства из-за роста среднегодовых температур и снижения качества водных ресурсов.

Богатые страны региона смогут отсрочить водный дефицит за счет дорогостоящих проектов опреснения морской воды, но для бедных стран такой вариант не представляется возможным. В силу этого эффективность сельскохозяйственного производства в целом по региону, скорее всего, будет снижаться, а зависимость региона от импорта продовольствия будет возрастать. В этом же направлении работает и процесс опустынивания, который, по всей видимости, на протяжении ближайших одного-двух десятилетий значительно ускорится. Главным социальным последствием экологического и ресурсного кризисов станет ускорение процесса стихийной урбанизации, когда значительные массы бывших крестьян, неспособных сохранить свой традиционный образ жизни, будут вынуждены перемещаться в уже перенаселенные городские агломерации. Соответственно, социальная и политическая напряженность в городах будет нарастать.

Другим вызовом для региона станет завершение эпохи нефти и глобальный энергетический переход. Структура энергетических балансов на Ближнем Востоке, как и везде, постепенно меняется в пользу возобновляемых источников, но эти изменения по понятным причинам происходят медленнее, чем в других регионах мира. Достигнут определенный прогресс в развитии атомной энергетики, но ее доля в общем энергетическом балансе остается весьма скромной. Большинство заявленных амбициозных планов, касающихся развития альтернативной энергетики, в обозримой перспективе не будет реализовано даже в самых богатых странах региона²³⁵. Газ выходит на первое место в региональном потреблении энергии, нефть опускается на второе место, и это способно изменить внутрирегиональный энергетический баланс сил (например, усилить позиции Катара и Ирана), но надежд на резкое повышение энергоэффективности региональной экономики по-прежнему немного.

Географическая структура экспорта углеводородов из региона постепенно меняется в пользу стран Восточной и Южной Азии (Япония, Китай, Южная Корея, Индия), объемы поставок в Европу, наоборот, сокращаются. США превращаются в главного энергетического конкурента ближневосточных производителей углеводородов, заменив Саудовскую Аравию в роли регулятора мировых энергетических рынков²³⁶. Естественно, столь существенные сдвиги на мировых энергетических рынках будут иметь и значительные геополитические последствия.

²³⁵ Closing the Climate Action Gap: Accelerating Decarbonization and the Energy Transition in MENA // World Economic Forum. October 2023. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Closing_the_Climate_Action_Gap_2023.pdf

²³⁶ Keskes H., Haytayan L. Energy Transition in the Middle East and North Africa: The Road to COP28 // Natural Resource Governance Institute. November, 2023. URL: <https://resourcegovernance.org/sites/default/files/2024-10/energy-transition-in-the-middle-east-and-north-africa-the-road-to-cop28-6347.pdf>

Наиболее значимым социально-экономическим последствием происходящих изменений на мировых рынках энергоресурсов станет неизбежное снижение «нефтяной ренты», которую сегодня извлекают страны-экспортеры региона. Динамику такого снижения предсказать трудно, но можно предположить, что региональные экспортеры углеводородов рано или поздно столкнутся с существенными бюджетными дефицитами, которые потребуют от них более жесткой финансовой дисциплины и сокращения многих текущих социальных программ. В свою очередь даже частичный отказ от социального патернализма и увеличение налоговой нагрузки на население способны привести к активизации протестных настроений и оппозиционных политических движений.

Позитивные альтернативы энергетического будущего региона основаны на потенциально возможном ускорении развития возобновляемых источников энергии в Северной Африке (Марокко, Египет и Тунис), а также в Турции. Это возможно на основе масштабного привлечения внешних источников финансирования и передовых западных технологий. Энергетическая диверсификация потребует постепенного отказа от государственных дотаций на углеводороды как для бизнеса, так и для населения. «Разгосударствление» энергетического сектора станет действенным способом повысить его эффективность, но будет сопряжено с существенными социальными и политическими рисками, масштабы которых пока трудно оценить²³⁷.

Слабость государственных институтов

Рост экономического неравенства на протяжении ближайших лет будет неизбежно усугубляться укреплением групповых идентичностей, противопоставляющих себя национальным идентичностям стран региона, — профессиональных, этнических, политических, региональных, племенных, возрастных, гендерных и т.д.²³⁸ Взрыв этих «альтернативных идентичностей» наблюдался еще в начале «арабской весны», а в Ливии и Сирии противостояние, основанное на субнациональных групповых идентичностях, привело к затяжным гражданским войнам, окончательный исход которых не вполне очевиден. При сохранении нынешних тенденций даже страны с относительно сильными государственными институтами (Турция, Израиль) могут оказаться жертвами социально-политической фрагментации²³⁹. Очень опасной становится тенденция к фрагментации «политического ислама», которая, скорее всего, будет продолжаться в ближайшие годы. Причем речь идет не только и не столько о традиционном противостоянии шиизма и суннизма, но и о нарастании конкуренции внутри суннитского мира (Турция — Саудовская Аравия), а также об углублении разрыва между «умеренными

²³⁷ Arezki R., Mazarei A., Plant M. What Will it Take to Achieve an Energy Transition in the Middle East and North Africa? // Center for Global Development. 19.01.2023.
URL: <https://www.cgdev.org/blog/what-will-it-take-achieve-energy-transition-middle-east-and-north-africa>

²³⁸ Kumaraswamy P.R. Who am I? The Identity Crisis in the Middle East // Middle East Review of International Affairs. 2006. Vol. 10. No. 1. Pp. 63-73. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/oj/meria/meria_mar06/meria_10-1e.pdf

²³⁹ Kipniss N. Israel's political identity crisis: Right divided, left reevaluating // The Jerusalem Post. 21.11.2023.
URL: <https://www.jpost.com/israel-news/politics-and-diplomacy/article-774377>

исламистами» и более радикальными исламистскими группировками. Этот разрыв может привести к взрыву относительной политической стабильности в пост-асадовской Сирии.

Сохраняющаяся слабость государственных институтов в большинстве стран региона создает благоприятные условия для закрепления как субнациональных, так и транснациональных групповых идентичностей. При этом многие авторитарные политические режимы по-прежнему относятся к многообразию не как к источнику силы, а как к источнику слабости, проводя политику скрытой или открытой дискриминации и сегрегации меньшинств, подавления инакомыслия, принудительного навязывания «общенациональных» идентичностей и т.п. Даже в Турции и Израиле в ближайшие годы нельзя исключить доминирования правых ультранационалистических политических сил, последовательно препятствующих любому компромиссному разрешению, соответственно, курдской и палестинской проблем.

На протяжении ближайших лет в регионе, вполне возможно, у власти останутся многие из нынешних авторитарных лидеров — таких как Абдель Фаттах Ас-Сиси в Египте и Мухаммед бен Салман Аль Сауд в Саудовской Аравии²⁴⁰. Тем не менее проблема смены поколений политических лидеров и политического транзита неизбежно встанет перед многими странами региона. Новое поколение монархических династий стран Залива должно утвердиться во власти, в Иране будет решаться вопрос о преемнике верховного лидера, а в Египте начнется борьба за наследие Абдель Фаттаха Ас-Сиси. Нерешенность многих проблем политического транзита создает благоприятные условия для всякого рода дворцовых переворотов, военных путчей, заговоров и т.п.²⁴¹ Нельзя исключить попыток государственных переворотов в Тегеране или в Эр-Рияде, которые, впрочем, едва ли окажутся успешными. Хроническая политическая нестабильность еще больше снижает эффективность государственного управления, стимулирует коррупцию, подпитывает радикальную оппозицию и препятствует социально-экономической модернизации.

Некоторым из региональных автократов придется столкнуться со второй волной «арабской весны», поскольку причины, породившие первую волну, ни в коей мере не были устранены. Более того, большинство из этих причин, включая экономическое неравенство, безработицу, коррупцию и слабость государственных институтов, только обострились²⁴². Тем не менее есть основания полагать, что властям удастся подавить новую «арабскую весну» путем усиления репрессий в отношении лидеров всех протестных движений. Задача будет облегчаться тем, что протестные движения окажутся разроз-

²⁴⁰ Azizi H. The Rise of an Authoritarian Order in the Middle East // The National Interest. 08.08.2023. URL: <https://nationalinterest.org/feature/rise-authoritarian-order-middle-east-206693>

²⁴¹ Yousef T.M. et al. The Middle East and North Africa over the next decade: Key challenges and policy options // The Brookings Institution. 03.03.2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-middle-east-and-north-africa-over-the-next-decade-key-challenges-and-policy-options/>

²⁴² Yahya M. The Middle East Is on the Brink Again: The Risks of an Unstable Authoritarian Order // Foreign Affairs. 22.03.2022. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2022-03-22/middle-east-brink-again>

ненными и во многих случаях — конкурирующими друг с другом. Одновременно правящие режимы будут совершенствоваться в искусстве социально-политического манипулирования, в том числе с использованием новейших информационно-коммуникационных технологий²⁴³. Западные страны не пойдут дальше декларативного осуждения практики масштабных политических репрессий; опыт первой «арабской весны» заставит Запад отказаться от идеи экономических санкций и де-факто поддержать статус-кво в регионе.

Неразрешенные межгосударственные конфликты

На протяжении длительного времени регион отличался высоким уровнем военных расходов, подвижностью тактических альянсов и коалиций и низким уровнем доверия по отношению не только к потенциальным противникам, но и к союзникам. По всей видимости, основные оси межгосударственных конфликтов, способных генерировать острые политические и даже военные столкновения, сохранятся и в будущем. Одной из таких осей остается противостояние части арабского мира и ИРИ, которое едва ли уйдет из региональной политики в обозримом будущем, хотя интенсивность этого противостояния способна меняться в широких пределах. Другой такой осью выступает палестинско-израильский конфликт, разрешение которого в очередной раз зашло в тупик. Перспективы сотрудничества с ультранационалистическим Израилем в очередной раз раскалывают арабский мир и приводят к острому кризису в Иордании и в ряде других арабских стран. Притязания Саудовской Аравии на лидерство в ССАГПЗ усиливают центробежные тенденции в зоне Персидского залива²⁴⁴. Конкуренция между Турцией и ОАЭ сохраняется и прямо или косвенно затрагивает весь регион — от Африканского Рога до Ливии и Палестины.

В Сирии формально закончилась гражданская война, но многочисленные оппозиционные группы, в том числе опираясь на поддержку внешних игроков, сохраняют потенциал для демонстрационных боевых операций против центральных властей. Кроме того, часть территории страны по-прежнему находится под иностранной оккупацией, что способно генерировать напряженность в отношениях Дамаска с Израилем, а при некоторых обстоятельствах и с Турцией. Гражданский конфликт в Йемене может формально завершиться, но острый гуманитарный кризис в этой стране сохранится и в дальнейшем²⁴⁵. Ливия, насколько можно судить, еще долго останется в статусе частично «неудавшегося государства», и надежды на объединяющий эффект предстоящих национальных выборов не выглядят убедительными²⁴⁶.

²⁴³ Mohamedou M. Reinventing Authoritarianism in the Middle East // Global Challenges.
URL: <https://globalchallenges.ch/issue/2/reinventing-authoritarianism-middle-east/>

²⁴⁴ Ha G. Saudi is wild card in Middle East's new turmoil // Reuters. 18.10.2023.
URL: <https://www.reuters.com/breakingviews/saudi-is-wild-card-middle-east-new-turmoil-2023-10-18/>

²⁴⁵ Dashela A. Political Settlement in Yemen: Challenges and Future Prospects // Fikra Forum. 23.05.2023.
URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/political-settlement-yemen-challenges-and-future-prospects>

²⁴⁶ Bchir M. Beyond Elections: Libya Needs Unified Institutions and Reconciliation // United States Institute of Peace. 26.04.2023.
URL: <https://www.usip.org/publications/2023/04/beyond-elections-libya-needs-unified-institutions-and-reconciliation>

«Аль-Каида»*, по всей видимости, сумеет сохранить свое присутствие в регионе, опираясь на базы в Йемене и Сахеле, а ИГИЛ* превратится в сетевое объединение автономных организаций мафиозного типа, время от времени организуя теракты в Ираке, Сирии и Ливане под предлогом защиты суннитского населения в этих странах. Экстремисты уже достигли значительных успехов в использовании интернета как на региональном, так и на глобальном уровне, и их возможности в дистанционном провоцировании межгосударственных конфликтов на Ближнем Востоке и в Северной Африке с течением времени будут возрастать.

Одновременно наблюдается процесс прогрессирующей милитаризации региона — растет доля военных расходов в национальных бюджетах, процветает торговля оружием (Турция и Израиль превращаются в крупных поставщиков вооружений своим соседям), военные элиты укрепляют свои политические позиции во многих странах, усиливают контроль над экономической жизнью и все больше изолируют себя от основной части обществ. Нынешний кризис безопасности, если он не будет преодолен в ближайшее время, неизбежно приведет к дальнейшему закреплению существующей деформации национальных приоритетов стран региона. В сложившихся условиях политические элиты арабских государств будут вынуждены отдавать проблемам безопасности безусловный приоритет по отношению ко всем другим вопросам национальной повестки дня. Оборонные бюджеты стран Ближнего Востока и Северной Африки — одни из самых высоких в мире²⁴⁷. При этом не исключено не только их увеличение, но и расширение роли военных и других силовых структур в государственном управлении. При этом, как показали события конца 2024 г. в Сирии, данный процесс далеко не обязательно ведет к повышению устойчивости правящих режимов.

Многочисленные трудности развития — начиная от быстрого демографического роста и неконтролируемой урбанизации и кончая широко распространенной коррупцией и социально-экономическим неравенством — никуда не денутся. Напротив, многие из них будут усугубляться под воздействием негативных последствий для региона со стороны общей военно-политической обстановки в мире, процессов глобального потепления, растущих дефицитов пресной воды и продовольствия. Все это ставит под вопрос долгосрочную и даже среднесрочную стабильность консервативных авторитарных политических режимов региона²⁴⁸, что, в свою очередь, может спровоцировать борьбу за «наследство» сходящих с политической сцены лидеров — подобно нынешней конкуренции Турции и Израиля за «наследство» Башара Асада в Сирии.

* Организация, деятельность которой запрещена в России.

²⁴⁷ Military spending, percent of government spending — Country rankings // TheGlobalEconomy.com.
URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/military_spending_percent_government_spending/MENA/

²⁴⁸ Hoffman J. A Shaky Foundation: The Myth of Authoritarian Stability in the Middle East // Cato Institute. 20.12.2023.
URL: <https://www.cato.org/policy-analysis/shaky-foundation>

Миграционные процессы

Можно предположить, что при любых сценариях развития региона фактор беженцев и вынужденных переселенцев сохранит свое значение для социально-экономического и политического развития многих государств Ближнего Востока, а также для отношений между этими странами. Как показывает ожесточенное израильско-палестинское противостояние, нерешенные проблемы беженцев не теряют своей актуальности на протяжении многих десятилетий. Они передаются от одного поколения к другому, часто препятствуют межгосударственному сотрудничеству и в любой момент способны привести к вспышкам насилия.

На Ближнем Востоке присутствуют не только палестинские, но и сирийские, иракские, йеменские, афганские и иные группы беженцев. Все эти группы будут не только продолжать оказывать давление на социальную инфраструктуру принимающих стран, но и способствовать политической радикализации принимающих обществ. С этой точки зрения вытеснение значительной части населения сектора Газа на Синайский полуостров, если бы такой цели Израилю удалось каким-то образом достичь, означало бы порождение рисков в определенный момент увидеть превращение всего Египта в «большую Газу»²⁴⁹.

Если исходить из того, что комплексные, системные решения для ситуационных миграционных кризисов на Ближнем Востоке навряд ли будут доступны в ближайшие несколько десятилетий в силу ограничений внутристранового и более глобального характера, можно предположить, что на практике будут предприниматься попытки локализации этих кризисов, чтобы не допустить цепных реакций нестабильности или выхода кризиса за пределы Ближнего Востока и Северной Африки. Соответственно, в случае острого кризиса государственности, например, в Египте или в Ираке, будут создаваться различного рода буферные механизмы в ближайших государствах, призванные погасить энергию сопутствующего исходящего потока беженцев и вынужденных переселенцев, предотвратив его дальнейшее географическое распространение. Например, могут предприниматься усилия по повышению эффективности работы лагерей беженцев в соседних странах²⁵⁰, увеличиваться объемы продовольственной и иной гуманитарной помощи этим странам при одновременной блокировке основных возможных направлений перетока беженцев в страны Запада.

Вмешательство внешних игроков

По всей видимости, регион надолго сохранит свою роль в качестве одной из главных площадок соперничества великих держав. Хотя большой войны

²⁴⁹ Jeffrey J., Magdy S. Why Egypt and other Arab countries are unwilling to take in Palestinian refugees from Gaza // The Associated Press. 19.10.2023.

URL: <https://apnews.com/article/palestinian-jordan-egypt-israel-refugee-502c06d004767d4b64848d878b66bd3d>

²⁵⁰ Schön A.-M., Al-Saadi S., Grubmueller, J., Schumann-Bölsche D. Developing a camp performance indicator system and its application to Za'atari, Jordan. *Journal of Humanitarian Logistics and Supply Chain Management*. 2018. Vol. 8. No. 3. P. 346-373. URL: <https://doi.org/10.1108/JHLSCM-10-2017-0047>

никто не хочет, идти на принципиальные уступки своим соперникам тоже никто не готов. Общая сложная геополитическая ситуация в мире будет неизбежно формировать дополнительный негативный фон происходящим в регионе событиям. Возможности создания эффективных многосторонних механизмов внешних игроков для решения проблем безопасности региона, подобных ближневосточному «квартету» по израильско-палестинскому урегулированию, в нынешних условиях близки к нулю. Равным образом отсутствуют как надежды на согласование в рамках Совбеза ООН новых содержательных решений по Палестине, так и по большинству других острых проблем безопасности региона. Нетрудно заключить, что данное обстоятельство окажет осложняющее воздействие на и без того сложную динамику внутрирегиональных политических процессов.

Можно предположить, что в этих условиях США будут продолжать попытки задвинуть палестинскую проблему на задний план региональной политики, подменив ее задачей создания единого фронта Израиля и ведущих арабских стран Залива в противостоянии с ИРИ²⁵¹. Однако полностью добиться своих целей Вашингтону вряд ли удастся, особенно с учетом того, что стратегическая вовлеченность США в европейские и восточноазиатские дела будет мешать американским стратегам сосредоточиться на регионе. Несмотря на настойчивое стремление избежать эскалации и собственной прямой вовлеченности в конфликт между Израилем и Ираном, такая эскалация и вовлеченность США на протяжении ближайшего времени остаются вполне вероятными сценариями развития событий. Хотя при любом развитии событий Соединенные Штаты по-прежнему остаются важным игроком на Ближнем Востоке, значение региона в американской глобальной стратегии сокращается независимо от расстановки внутриполитических сил в США²⁵². Уровень безусловной поддержки Израиля в американском обществе в целом снижается, что рано или поздно скажется и на официальном курсе Вашингтона.

Китай продолжает планомерно наращивать свое влияние в регионе, используя торговлю, реализацию крупных инфраструктурных проектов и «мягкую силу»²⁵³. При этом Пекину удастся отделить свои отношения с Ближним Востоком и Северной Африкой от ужесточения политики в исламском Синьцзяне, где возможно нарастание напряженности. Как представляется, дипломатическая активность Китая в регионе будет возрастать, включая посреднические усилия в урегулировании кризисов, однако трудно вообразить себе сценарий, в котором Китай был бы готов заменить собой США в роли главного внешнего поставщика безопасности.

²⁵¹ Hoffman J. U.S. Middle East Policy Has Failed // *Foreign Policy*. 11.01.2024.
 URL: <https://foreignpolicy.com/2024/01/11/israel-hamas-gaza-war-us-middle-east-policy-saudi-biden>

²⁵² Roberts W. American Engagement in the New Middle East // *Institute on Religion and Democracy*. 16.07.2023.
 URL: <https://providencemag.com/2023/07/american-engagement-in-the-new-middle-east/>

²⁵³ Eslami M., Papageorgiou M. China's Increasing Role in the Middle East: Implications for Regional and International Dynamics // *Georgetown Journal of International Affairs*. 02.06.2023. URL: <https://gjia.georgetown.edu/2023/06/02/chinas-increasing-role-in-the-middle-east-implications-for-regional-and-international-dynamics/>

Европейский союз, насколько можно судить, останется преимущественно на вторых ролях в регионе. Даже на таком приоритетном для ЕС направлении, как Магриб, Брюссель сталкивается с острой политической конкуренцией Москвы и активной экономической экспансией Пекина. Более того, внутри Евросоюза сохраняются и даже усиливаются разногласия относительно стратегии на этом направлении. Например, Франция, судя по всему, больше настроена на усиление собственного влияния в регионе, чем на продвижение интересов Единой Европы²⁵⁴. Дополнительным осложняющим моментом для ЕС может оказаться усугубление внутренних социальных и экономических проблем, что обычно сопровождается всплеском ксенофобских и антиисламских настроений во многих странах Союза.

Россия в целом будет стремиться сохранить свои позиции одного из ведущих внешних игроков в регионе и претендовать на участие в любых многосторонних договоренностях, касающихся будущего региональной безопасности, а возможно — и на посредничество в конфликтах (например, между Израилем и Ираном). В то же время Москва не готова инвестировать в регион значительные безвозвратные ресурсы. В связи с этим Россия будет делать ставку преимущественно на двусторонние отношения с региональными лидерами — в первую очередь с Ираном, Турцией и Египтом.

С другой стороны, будет так или иначе усиливаться давление региона на внешний мир — как на ближайших, так и на более отдаленных соседей²⁵⁵. К сожалению, можно со значительной долей уверенности предсказать, что Ближний Восток и Северная Африка и далее будут одними из главных источников трансграничных потоков незаконных мигрантов, а также международного терроризма в самых различных его формах. При наихудшем сценарии дальнейшего хода военной операции в секторе Газа, который предполагает длительную кампанию с нарастающими потерями среди гражданского населения, допустимо прогнозировать закрепление в общественном сознании стран региона представлений о мировой политике как о бесконечном противостоянии богатого «христианского» Запада и бедного «мусульманского» Востока — с соответствующими политическими последствиями для отношений стран региона и их западных партнеров.

Не вызывает сомнений и то, что политическая и экономическая роль диаспор из региона в жизни многих стран, в первую очередь европейских, будет расти. В силу того, что арабо-мусульманские сообщества гораздо многочисленнее и лучше организованы в Европе, чем в США, продолжающийся на Ближнем Востоке кризис способен оказаться одним из факторов, подрывающих единство Запада²⁵⁶. Обозначившиеся расхождения в транс-

²⁵⁴ Amirah-Fernandez H. EU-MENA Relations Since the Ukraine War // Italian Institute for International Political Studies. 05.10.2023. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/eu-mena-relations-since-the-ukraine-war-146482>

²⁵⁵ Dorsey J. The Gaza war is set to spill onto the streets of Western cities // The Turbulent World with James M. Dorsey. 07.01.2024. URL: <https://www.jamesmdorsey.net/post/the-gaza-war-is-set-to-spill-onto-the-streets-of-western-cities>

²⁵⁶ Grimm J.J. Book Review: The Arab Spring Abroad: Diaspora Activism Against Authoritarian Regimes. *International Migration Review*. 2022. Vol. 56. Pp. 1289-1292. URL: <https://doi.org/10.1177/01979183221101029>

атлантических отношениях по вопросам Палестины, Ирана, Ливии и др., скорее всего, будут расширяться.

Суммируя основные элементы конфликтного потенциала региона, можно заключить, что на протяжении ближайших лет и, вероятно, ближайших десятилетий Ближний Восток и Северная Африка будут оставаться одним из наименее стабильных пространств на планете. Нерешенность базовых задач национальных модернизационных проектов, слабость государственных институтов, наличие множественности конкурирующих групповых идентичностей, территориальные и религиозно-конфессиональные конфликты, деструктивное влияние безответственных негосударственных игроков и другие негативные факторы, как и раньше, будут препятствовать устойчивой региональной стабильности. Трудно предположить, что в обозримом будущем Ближний Восток и Северная Африка превратятся в консолидированный центр силы, способный выступить в качестве одного из полноценных «полюсов» в формирующемся многополярном мире. Хотя попытки институционального развития региональных многосторонних структур (ЛАГ, ССАГПЗ), несомненно, будут продолжаться, эти попытки даже при оптимистичном прогнозе будут иметь лишь ограниченные успехи. В любом случае, в регионе не появится интеграционной группировки, сравнимой по своим возможностям с Европейским союзом или даже с АСЕАН.

При этом «экспорт нестабильности» из региона будет продолжаться — и в форме международного терроризма, и в форме трансграничных миграций. Поэтому даже если в ходе глобального энергетического перехода значение региона для мировой экономики будет последовательно снижаться, ведущие игроки не смогут позволить себе роскоши «ухода» или даже существенного сокращения своей вовлеченности в дела Ближнего Востока и Северной Африки. Со своей стороны, лидеры, как и раньше, будут стремиться в максимальной степени использовать геополитическое и экономическое противостояние великих держав для расширения собственного пространства для маневра и повышения своего статуса как в региональных, так и в общемировых делах. По всей видимости, мы увидим появление и распад ситуативных региональных коалиций, создание тактических союзов по конкретным вопросам при сохранении недоверия и подозрительности как в отношении своих ближайших соседей, так и в отношении внерегиональных игроков. Такая двойственность будет создавать как определенные возможности, так и вполне очевидные ограничители для международного сотрудничества в регионе.

Об авторах

Кузнецов Василий Александрович — д-р полит. наук, канд. ист. наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, член РСМД.

Хлебникова Луиза Романовна — канд. ист. наук, доцент кафедры иудаики Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Ибрагимов Ибрагим Эминович — научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Сажин Владимир Игоревич — канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

Василенко Анастасия Игоревна — младший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН.

Сухов Николай Вадимович — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Серебров Сергей Николаевич — канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН.

Кадырмамбетов Тимур Мажитович — младший научный сотрудник Центра ситуационного анализа ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Бочаров Иван Александрович — программный менеджер РСМД.

Кортунов Андрей Вадимович — канд. ист. наук, эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай».

Российский совет по международным делам

Российский совет по международным делам (РСМД) — некоммерческая организация, ориентированная на проведение исследований в области международных отношений, выработку практических рекомендаций в интересах российских органов государственной власти, бизнеса, НКО и иных организаций, нацеленных на внешнеполитическую деятельность. Совет создан решением учредителей в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 2 февраля 2010 года № 59-рп «О создании некоммерческого партнерства “Российский совет по международным делам”».

РСМД — один из ведущих аналитических центров страны, осуществляющий работу по более чем 20 исследовательским направлениям. Экспертная деятельность Совета востребована российскими профильными ведомствами, академическим сообществом, российским и зарубежным бизнесом.

Наряду с аналитической работой РСМД ведет активную деятельность с целью формирования устойчивого сообщества молодых профессионалов в области внешней политики и дипломатии. Совет также выступает в качестве активного участника экспертной дипломатии, поддерживая партнерские связи с зарубежными исследовательскими центрами, университетами, ассоциациями бизнеса.

Председатель Попечительского совета РСМД — министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров. Президент РСМД, член-корреспондент РАН Игорь Иванов занимал пост министра иностранных дел России в 1998–2004 гг. и секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в 2004–2007 гг. Генеральный директор Совета — Иван Тимофеев.

Российский совет по международным делам

**КОНФЛИКТЫ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВОЗМОЖНАЯ ДИНАМИКА**

Доклад № 110 / 2025

Верстка — О.В. Устинкова

Источник фото на обложке:
ТАСС / ЕРА / WAEL HAMZEN

Формат 70×100 1/16.

Печать офсетная.

Тираж 250 экз.

Для некоммерческого использования.

Российский совет
по международным
делам

Тел.: +7 (495) 225 6283
Факс: +7 (495) 225 6284
welcome@russiancouncil.ru

119049, Москва,
4-й Добрынинский переулок, дом 8

russiancouncil.ru